

ПО СЛЕДУ НЕКРОМАНТКИ

МАРИЯ КОСТЫЛЕВА

Отправляться в путь зимой — большой риск. Но что делать, если дома ещё опаснее? Все некроманты объявлены вне закона, новый король выслал за ними отряды ловцов, и те уже идут по следу. Куда бежать? В лесную чащу? В другой мир? Куда угодно — главное, чтобы друзья были рядом. Вместе шансов выжить гораздо больше. Но кто действительно друг, а кто враг — в этом Миене ещё предстоит разобраться...

Если находятся люди, которые решаются задавать Миене личные вопросы, то в первую очередь их интересует, что она чувствует, обращаясь к своему Источнику. Может быть, запах затхлости? Или первобытный ужас, с которым каждый раз нужно бороться?

Миена всегда пожимает плечами. Она не любит праздного любопытства. Но для самой себя она уже давно определила это ощущение.

Когда приоткрываешь дверь в мир мёртвых, чтобы отдать ему какую-то жизнь и забрать в ответ силу, ты словно выходишь из дома в очень тихую морозную полночь, одну из первых, когда зима ещё в новинку, садишься на корточки — и окунаешь пальцы в снег.

***

Если история путешествия начинается зимой, у неё не так уж много шансов закончиться хорошо. Это знает каждый ребёнок, родившийся в Приречье — крае, славном дремучими лесами. Такие сказки взрослые рассказывают специально, чтобы ребятишки даже к опушке близко не подходили после того, как ударят первые морозы. Леший утащит, голодный волк задерёт, или просто заблудишься и замёрзнешь насмерть — вариантов множество, и редко когда попадётся концовка, где героя спасает какой-нибудь маг, случайно проходивший мимо. Но это непедагогично, да и неправдоподобно: где вы видели добрых магов, бродящих по заснеженным лесам? Некроманты да, ходят, потому что как правило живут возле леса, подальше от людей, и в нём же иногда ищут себе пропитание, чтобы лишний раз не появляться в селениях. Но от некромантов никто не ждёт добрых дел. Если такой вылезает в сказке, то всё, пиши пропало: герой точно не выживет, можно начинать реветь. Ведь некромант мало того, что злобный, так ещё и самый сильный, его ничем не победишь, даже другим волшебством.

Миена именно поэтому и пошла в некроманты. Она хотела быть самой сильной. Но, воспитанная на приреченских сказках — в том числе на самых пессимистичных — девушка никогда бы не отправилась в путь зимой. И дело не только в сказках, конечно. Холодно же, неудобно, и разве может какое-то дело быть настолько срочным, чтобы не подождать хотя бы до оттепели?

Дело-то, может, и может. Однако обстоятельства порой складываются, не считаясь с нашим удобством.

Начиналось, впрочем, всё не зимой, а в последний осенний месяц — Ворону. Хотя снег уже припорошил пашни и подмерзающую реку, а деревья спешно скидывали припозднившиеся ржавые листья, и те долго кружили в хороводах ожесточившихся ветров, прежде чем смешаться с новорождённым снежным покровом. Природа готовилась принимать в гости самое суровое время года.

Готовилась и Миена. Зима для некромантов — самый удобный, с точки зрения колдовства, период. Обращения к Источнику проходят проще, на заклинания тратится меньше сил, а обряды связи с Маромиром порой превышают самые смелые ожидания: на встречи являются такие могущественные сущности, что можно хоть целый городской квартал уничтожить вместе со всеми его жителями, было бы желание.

Однако желания у Миены, на тот момент, были куда мельче и проще, и всё больше касались хозяйства, или лёгких изменений погоды в те дни, когда надо было выбраться в город. Будут, конечно, и заказы, Миена знала — люди в Горкино и окрестных деревнях

прекрасно понимают, когда лучше всего обратиться к некроманту. Некоторые испугаются, конечно, но другие доберутся до её дома. Сначала один раз, а потом и, возможно, второй, когда она отошлёт их обратно, за жертвой — если сил понадобится больше, чем останется после ночного обряда. Собственных куриц на чужие дела тратить — это, пожалуйста, за отдельную плату. А сельские жители, в большинстве своём, люди прижимистые, им проще лишний раз до дома сбегать, пусть и по морозу.

Впрочем, по морозу пока никто и не ходил — грядущая зима должна была стать первой, которую Миена встречала в этом доме.

Новоиспечённая некромантка пришла сюда минувшей весной. Сразу после окончания Порога — школы, где она провела восемь лет — Миена стала думать о том, чтобы обзавестись собственным жильём. Возвращаться в родную деревню, к матери с братом, нечего было и думать: во-первых, те осудили её желание учиться некромантии, а во-вторых, девушка была уверена, что они считают её виновной в том, что случилось с отцом и маленькой Малкой. Существовать в одном с ними помещении было бы попросту невозможно, к тому же род её занятий мог подпортить их отношения с соседями. Некроманты обычно селились где-нибудь на отшибе: природа их Источника пробуждала во многих людях ужас и озлобление. Известны были случаи, когда коллег Миены обездвиживала алчущая крови толпа, лишая возможности защититься магией, и забивала камнями. Конечно, это случалось только в дремучих деревнях и не выходило за рамки слухов: власти могли перевешать за убийство если не всех, то хотя бы зачинщиков бойни. Официально маг просто уходил из дома и не возвращался. Но знающие люди со злорадством усмехались: мол, раз он так любил Маромир, то пусть идёт туда и целуется со своими мертвецами...

Тех, кто пользовался услугами некромантов, как правило, осуждали. Но услугами всё равно пользовались. Тот мир, в который уходят души умерших — Маромир — самый энергетически мощный из всех миров Паутины. Он неуютный, холодный и мрачный, но зато там живут сильные сущности. В обмен на энергию из других миров, которая ненадолго делает их существование проще и ярче, эти сущности — а и иногда и души ушедших — могут делиться силой с колдунами. Тому, кто пользуется именно этим Источником, подвластны заклинания, недоступные другим магам, берущим силу у растений или, скажем, пресной воды. И человек, которого действительно припекло, идёт именно к некроманту. Тайно, с опаской, возможно, с омерзением — но идёт. Поэтому некроманты селятся подальше от людей — но не настолько далеко, чтобы до них невозможно было добраться.

Для того, чтобы создать дом, некроманту нужно убить большое и желательно значимое в людских преданиях животное. Например, медведя. На момент окончания Порога Миена никогда не лишала жизни никого крупнее курицы, но понимала, что если она хочет стать действительно сильной, то всё равно нужно однажды перейти на «тяжёлую артиллерию». Однако, когда девушка уже было собралась выдрать с корнем какую-нибудь траву, чтобы получить силу для усыпления медвежьей бдительности, она вдруг подумала: зачем тратить такой ценный ресурс энергии на дом? Медведь может понадобиться для какого-нибудь другого дела. К тому же весна — время, когда переходы между мирами живых и миром мёртвых даются сложнее всего.

И тогда Миена решила для начала поискать подходящий заброшенный дом — хоть бы и в родном Приречье. В конце концов, убить медведя никогда не поздно.

В лесу Миена выкопала небольшой кустик и сожгла его. Это дало ей силу на заклинание

верной дороги — не самое сложное в исполнении, но требующее большой концентрации. Главное, когда произносишь его, как можно точнее представлять себе, что именно хочешь найти.

Через несколько дней — и несколько ночей, за которые Миена познала радости сна под открытым небом, в хлеву и в дровянике — нужный дом был найден. Не в Приречье, правда — пришлось уйти дальше по берегу Веи. Дом нашёлся неподалёку от сельца Горкино, в опоясывающем поле леске, в десяти мериках от главного города здешнего края — Дальновейска. Небольшой, но добротный, из толстых брёвен, с пристроенной к нему баней и маленьким сараем. Подойдя ближе и коснувшись ладонью баясины, Миена сразу поняла, что этот дом однажды был создан некромантом.

Не медведь. Олень. Энергия благородного животного давно уже канула в мире мёртвых, сделав его ненадолго более тёплым и красочным — но не вся; следы обмена сохранились в заклинании, которое сдерживало эти брёвна, и чувствовались до сих пор.

Что ж, немножко подновить — для этого вполне хватит пары-тройки куриц — и можно жить. Так решила Миена.

У неё появился небольшой огород. Курятник. Две козочки. Пока по окрестностям шли слухи о новой некромантке, пока Порог отчитывался о последних выпускниках и в Тиугаре их вносили в специальный Реестр Магов — нужно было на что-то жить. Миена с удовольствием занималась хозяйством, стараясь как можно меньше появляться в ближайших деревнях и сёлах, но всё равно её вскоре стали знать там в лицо. Неприязненные взгляды и испуганный шепоток за спиной вызывали досаду, но в то же время внушали спокойствие. Боятся. Значит, не решатся забраться в дом, свести коз — да даже сказать в лицо что-то неприятное поостерегутся.

Жилось Миене не то, чтобы радостно, но зато спокойно. Всё шло своим чередом. Пугливые клиенты робко стучали по ночам в её дверь, и чем ближе было дело к зиме, тем чаще этот стук раздавался в маленьких Миениных сенях. Поначалу она вздрагивала, боялась, что сделает что-нибудь не так — однако приток клиентов только рос. Девушка ждала, что однажды её услуги понадобятся в Тиугаре, а то и в столице, в Рикване — по окончании Порога она подписала договор, по которому обязана была явиться по первому же вызову из гильдии некромантов. Людей их профессии иногда задействовали во всякого рода государственных делах. В королевском дворце всегда служил некромант, а прочих же часто привлекали министры или градоправители, по необходимости, основываясь на характеристиках, которые давал своим питомцам Порог. Миена была хоть и не лучшей выпускницей, но входила в первую пятёрку, поэтому и надеялась, что её позовут. Однако время шло, а заговорённый тубус с гербом гильдии так ни разу и не стукнул в её ставни.

Она успокаивала себя мыслью, что в Вистании сейчас всё слишком хорошо и спокойно, чтобы привлекать некромантов. С соседями отношения прекрасные, урожай в этом году удался, казна наполнена доверху. Да и прочие маги не пальцем деланы. Некромантов обычно зовут, когда война на пороге, ну или случается что-то совсем уж из ряда вон выходящее...

Никогда Миене в голову не пришло бы проводить обряд, чтобы посмотреть, что происходит в это время в Рикване. И уж тем более в королевском дворце. Поэтому она и не видела, как прямо на полу в коридоре спят стражники королевской опочивальни, как без скрипа приоткрывается расписанная лакированными миниатюрами дверь, и чья-то осторожная тень крадёт к занавешенной пологом кровати...

Всё, что последовало потом, покатилося, как снежный ком. Слишком быстро, чтобы

новости успевали доходить до окрестностей Дальновейска. Конечно, глашатаи, отправленные градоправителем, успели разнести по окрестным сёлам, что, мол, король Лиус Белый умер — и да здравствует король Арбес Белый! Но кто побежит сообщать новости некромантке? О том, что во главе Вистании оказался наследник Лиуса, она узнала от очередного ночного визитёра три дня спустя. Об обстоятельствах гибели предыдущего короля никто из сельчан не имел ни малейшего представления. Слухи до них всё ещё шли. И не только об убийстве.

О том, кто это убийство совершил, пока знали лишь власти. Градоправитель Дальновейска получил депешу срочным курьером. В ней говорилось не только о воцарении нового короля, но и об убийстве предыдущего. А также о срочных мерах, которые следует предпринять в связи с этим убийством. Потому что виновник уже найден, его имя пока держится в тайне, но как только будет обнародовано, общественность вскипит.

«Будьте готовы, — говорилось в письме. — Отряды сильнейших наёмников и магов будут брошены во все уголки страны, ибо обстоятельства требуют от нас решительных действий во имя покоя граждан...»

Градоправитель содрогнулся при мысли о том, чем всё это может обернуться, но в обратном письме заверил нового короля в своей бесконечной лояльности. Отправив гонца, он тотчас же приказал своему самому верному помощнику составить список некромантов, живущих в Дальновейске и его окрестностях. Когда придёт время — он должен быть во всеоружии...

Миену занимали совсем другие проблемы. Очередной визитёр — следующий после того, который рассказал некромантке о новом короле — просил денег. Девушка закатила глаза и дунула на прядь волос, упавшую на лицо. Как раз сегодня она вымыла голову, русые кудряшки распушились ещё пуще обычного, и все попытки собрать волосы терпели крах.

— На монетном дворе ставят специальный знак, — с некоторым раздражением сказала Миена. Не в первый раз к ней приходили с подобной просьбой. — Этот знак можно заметить только вооружившись микроскопом...

— Чем?

Миена исподлобья посмотрела на клиента. Нехорошее у него было лицо, недоброе. Злобные искорки в чёрных глазах не исчезали ни на секунду, из смятой, как пакля, бороды с проседью торчала сизая груша носа. Человек плохо жил, много пил и винил в этом всех вокруг, кроме самого себя.

— Специальным инструментом, — перевела Миена. — Невооружённым глазом этот знак не углядишь, а он есть. Я не смогу сделать то, что не вижу. Кроме того, если вы не в курсе, подделка денег запрещена законом.

Мужик хрипло рассмеялся.

— Да кто ж этот знак на них выискивать будет, у нас на рынке-то...

— Нарушать закон я не буду, — отчеканила Миена.

— Ага, а как душегубством заниматься — так это пожалуйста! — разозлился мужик. — Вам же, некромантам, и человека убить не зазорно ради волшбы своей поганой!

— Только в исключительных, согласованных с властями случаях.

Мужик сплюнул — прямо на пол! — и ядовито заметил:

— А соседка моя, Курента, которая наследство давеча получила, просила тебя дом отгрохать, так тоже отказала! Про силы какие-то толковала, которые, дескать, зимой тревожить нельзя для такого дела! Тот, который до тебя здесь жил, шутя и с брёвнами

управился, и с крышей, и внутри всё устроил одним волшебством. А у тебя кишка, видать, тонка — одно название, что некромантка! Вылив на неё этот ушат желчи, он развернулся было, но в тот же самый момент в руке Миены хрустнул панцирь улитки. Она держала с лета нескольких улиток в специальном ящике, подкармливая их выращенными на подоконнике растениями, и всегда перед работой клала пару-тройку штук на стол. Это была особая порода, хрупкая во всех смыслах и капризная. Осколки панциря в мягком тельце означали для такой улитки почти мгновенную смерть — именно то, что и было нужно некромантке.

В приоткрывшуюся завесу между мирами потекла энергия, оборачиваясь знакомым холодком в кончиках пальцев. Миена вскинула правую руку и дала короткий приказ на марском языке, подчиняя себе пространство. И пространство выгнулось дугой; невидимая лента обвила шею бородача, затянулась петлёй. Но не очень туго: всё-таки убийство есть убийство, и если не докажешь, что случай был «исключительный», вздёрнут на эшафоте, как обычную душегубку.

— Не советую тебе рассуждать о моих кишках, — хрипло проговорила Миена. Холод разливался по телу, как будто она погрузилась в одежде в родниковое озеро, и вода начинала медленно пропитывать ткань. — Как бы твои собственные в узел не свернулись. И говорить о том, в чём не разбираешься, тоже не советую. Сейчас я отпущу тебя, ты возьмёшь тряпку, что у печки, и подотрёшь за собой. А потом провалишь отсюда и больше никогда не вернёшься. Поверь, смерть — не худшее, что может с тобой случиться.

Уже потом, когда Миена сидела в одиночестве за своим рабочим столом и счищала с ладони останки улитки, она подумала, что повела себя крайне неразумно. Ведь этот тип наверняка насочиняет о ней всякого и растреплет на всех углах. С одной стороны, оно и к лучшему — больше бояться будут, меньше будут наглеть. С другой, это может навредить работе.

Вообще-то обычно девушка гораздо лучше владела собой. Но сейчас дело было в том, что неприятному гостю удалось её задеть. Миена-то прекрасно знала, почему она не стала строить дом для Куренты.

Потому что ей не хотелось убивать ни медведя, ни оленя, ни лося ради того, чтобы создать дом для вздорной тётки, которая и так неплохо живёт — просто хочет покрасоваться перед соседями, ибо в этом видит главную цель и смысл своего существования. Миена вообще любила животных. И ей, если совсем по-честному, было жалко убивать кого-то из лесных зверей. Да и сомневалась она, что сможет это сделать.

Но с другой стороны, это была ступень, которую нужно было преодолеть, чтобы стать настоящим профессионалом. В Пороге Миена участвовала в обрядах, где использовались убитые волки, лисы и кролики. Дело это было добровольное, к тому же присутствовать в любом случае можно было всем. Миена хорошо помнила, как её однокурсник Триген, заколов связанного матёрого, создал из груды корявого железа красивую, с завитушками, карету, только неокрашенную и без сидений. Гарена, первая из пяти девочек на курсе, ради обряда на жертвеннике расправилась с кроликом, причём предварительно сама его завлекла и сковала заклинанием. С помощью кролика четырнадцатилетняя некромантка призвала из Маромира в Явомир мелкую, но довольно агрессивную сущность. В обмен на полученную от кролика энергию Гарена обрела возможность колдовать пять дней кряду, не обращаясь к Источнику дополнительно... И Роис, конечно. Роис тоже проводил обряд. И тоже с волком. Почему-то всем мальчишкам хотелось использовать волков. А уж Роису сами Создатели Миров велели — ему, с его неумным жизнелюбием, жаждой во всём быть первым и решать

нерешаемые, на первый взгляд, задачи. Вот и тогда он хотел прозреть пространство, причём увидеть он замыслил комнату логорского дворца, резиденции правителей соседней страны. И не абы какую комнату, а опочивальню принцессы! Разумеется, наставнику он поначалу об этом не поведал, и высказал полностью свою просьбу уже тому, что явилось на его зов из Маромира. Ох и скандал потом был... Особенно когда сущность отказалась убираться обратно в свой мир, и её пришлось умирять вместе всем классом. Маромирские обитатели очень тонко чувствуют потенциал того, кто их вызывает; известно, что некромант, помимо энергии смерти, делится ещё и своей энергией, а Роис в этом смысле всегда был лакомым кусочком...

Миена сердито тряхнула головой. Воспоминания только растрavляли душу.

Но если подумать, каждый из её одноклассников сильнее, чем она. Даже девчонки по разочку да зарезали кого-нибудь из больших животных. Пусть со слезами, пусть они зажмуривались, втыкая в звериную грудь ритуальный кинжал — но они смогли преодолеть свой страх, чтобы шагнуть дальше в глубины искусства некромантии. И Миена знала, как это бывает. Так же она решилась когда-то убить первую курицу. В деревне ей доводилось расправляться только с рыбой, но рыба что, она холодная, в её груди нет горячо бьющегося сердца... А курица — это было сложнее. Проще самой себе ладонь порезать — для редких обрядов некроманты иногда используют собственную кровь, делясь с Маромиром только своей энергией. Но когда первая курица была убита, за ней последовала вторая, и дальше уже пошло легче. Хотя убийство, как оказалось, было не самой сложной частью обряда, и даже не самой пугающей!

Этот шажок, потребовавший от неё недюжинных сил, оказался крошечным по сравнению с теми, что совершали будущие Миенины коллеги. В следующий раз она пошла дальше, и убила бельчонка. Но только потому, что почувствовала приближавшуюся к нему смерть — и успела первой. Бельчонок всё равно был обречён помереть от голода, однако заколоть его, маленького и беспомощного, оказалось во сто крат хуже, чем курицу. Его даже не надо было заколдовывать — Миена отнесла зверёнка к жертвеннику в ладонях. И, когда она взяла кинжал, перед внутренним взором, как наяву, предстала врезавшаяся в память картина: мужчина в чёрном плаще возле детской кровати — и лезвие, отразившее жёлтый блик светильника...

«Я должна это сделать, чтобы ничего подобного в моей жизни больше не было», — подумала тогда Миена.

И всё-таки переборола себя, и нанесла удар. При этом умудрилась порезаться сама, поэтому кровь, впитавшаяся в жертвенник, оказалась смешанной, и обряд не получился. Зато с крысой в следующий раз вышло быстро и почти легко, хотя крыса (впрочем, как и бельчонок) — это, конечно, мелочь для Маромира, энергии в ней чуть больше, чем у козла молока. Кровь крови рознь, это все некроманты с первого урока знают.

На крупных животных она в Пороге так и не перешла. Но сейчас нужно было решиться. Переступить через себя.

Миена кинула взгляд на две деревянные фигуры в форме цветочных бутонов. Узкие и гладкие, они были вырезаны одним из тиугарских мастеров, а то, что можно было принять за слой лака сверху, на самом деле, было обрядовым заклинанием. Пока фигурки оставались светло-медовыми, люди, которые во время обряда держали их в руках, находились в безопасности... Как Миена уговаривала маму с братом в этом обряде поучаствовать, отдельная история. Зато теперь, если дерево начнёт темнеть, у неё будет несколько часов,

чтобы добраться до отчего дома.

После неприятного посетителя Миена принялась постоянно проверять ткань пространства на отпечатки смерти. Не рискуя начинать с полного сил здорового животного, она ждала подходящего случая — как с тем бельчонком.

И дождалась.

В сухой и зябкий Вороний вечер девушка раздавила о яблоневый ствол принесённую из дома ночную бабочку, тут же ощутив пальцами дуновение Маромира. Миена закрыла глаза, медленно вдохнула воздух, полный предчувствия приближающегося заморозка. И вздрогнула.

В лесу умирал человек. Миена чувствовала незримую метку, которая всегда появляется на том, чью душу готовится втянуть в себя Маромир. После этой метки обречённый может прожить меньше секунды, а может — несколько месяцев. Тому, кто ждал смерти в лесу сейчас, оставалось не более двух часов.

Следовало спешить.

Злясь на такой подарочек судьбы — Миена была уверена, что приведёт на свой жертвенник зверя! — она вернулась в дом. Надела тёплое пальто. В своё время на это пальто тогдашняя студентка Порога потратила почти целую стипендию, но нисколько не жалела: коричневое, длиннополое, на меху и с капюшоном, оно служило Миене уже не первый год и защищало даже от самого сильного мороза. Поместила специальную колбу со смолой дерева си в переносной фонарь и подожгла.

А потом Миена отправилась в лес. Чёрные стволы тянулись к звёздам, под сапогами поскрипывали промёрзшие сухие листья. По тонкому снежному слою метался оранжевый блик фонаря. Хорошо, что лес маленький, молодой; валежника почти нет, идти удобно. И Миена шла. Шла наперегонки со смертью, спешившей к кому-то невидимому в чаще. Знать бы, как он там оказался. Или она? Что могло привести кого-то в эти края, с противоположной от Дальневейска стороны, почему этот кто-то умирает?..

Нет. Знать не надо. Не надо думать, что её ждёт встреча с человеком. Это уже не человек, это средство для того, чтобы она, Миена, смогла перейти на новую ступеньку собственного могущества. Только и всего. Не нужно делать его чем-то живым, особенно учитывая то, что как раз-таки живым он скоро перестанет быть.

Однако, минут через сорок, когда Миена достигла своей цели, убедить себя в том, что перед ней всего лишь *средство*, оказалось решительно невозможно. Потому что на земле, на сосновом корне, прислонившись к стволу, сидела девушка-подросток. Кутаясь в мужское пальто — не зимнее, как у Миены, а больше подходящее для ранней осени — незнакомка казалась особенно маленькой. Из-под вязаной шапки торчали две растрепавшиеся тёмные косы. Глаза умирающей были закрыты, но она не спала. Дрожала, что-то бормоча себе под нос, и всё плотнее стягивала полы пальто...

Вязкий сон замерзающего леса втягивал её в себя. Оставался час... может, чуть больше.

Миена стиснула зубы и села на корточки, поставив рядом фонарь. Не обязательно видеть глаза того, чью волю собираешься поработить заклинанием; главное — оказаться как можно ближе. Человек, конечно, не животное, с ним сложнее; но только не с тем, на кого набросил свои сети Маромир. Если всё сделать правильно, девчонка пойдёт на жертвенник, как миленькая, а если не сможет ноги передвигать, так Миена поделится с ней силой. Ей хватит...

Проще простого. Только вспомнить последний обряд, усилием воли возвращая чувство

прикосновения к Источнику, возвращая знакомый холод в кончики пальцев... Ещё не выдохся дар позавчерашнего гостя. Проще простого... это будет проще простого.

Ну же. Давай.

Миена почти решилась, когда девушка вдруг открыла глаза. Те блеснули в оранжевом свете фонаря: полные боли, и ещё такие живые...

Марское слово призыва чужой воли осталось произнесённым.

Зато заговорила девушка:

— Не надо... Не надо, пожалуйста... Я всего лишь...

— Тихо, — сказала Миена. — Всё хорошо.

Незнакомка закрыла глаза, её лицо чуть разгладилось. Поверила?..

Миена сидела, кусая губу. В ушах её отдавалось: «Не надо... пожалуйста...»

Не надо, смерть. Не забирай.

Но если уж смерть вцепилась в жертву, то нипочём не отпустит. И вырвать обречённого из её когтей почти невозможно... Почти.

Был бы это старик, или безнадёжный калека — Миена бы перестала сомневаться. Мало ли, что человек болтает в бреду! Создатели Паутины Миров решили, что эта душа должна отправиться в Маромир, а значит, так должно быть.

Но девчужке бы ещё жить и жить...

Вот именно. Жить!

Миена глубоко вздохнула.

Да будет так. Если девочке и суждено вскоре погибнуть — то не от её рук. И не сейчас.

Отбросив мысли о собственном малодушии, некромантка сосредоточилась, пытаясь почувствовать прореху, в которую струилась жизненная сила девушки. Нахмурилась, распахнула пальто на бедняжке — и увидела хорошо знакомую тёмно-серую жилетку из мягкой плотной ткани с маленькой эмблемой Порога на груди. На правом боку блестело тёмное пятно. Кровь.

Кто-то ранил студентку Порога. Узнать бы, кто, почему, и как она здесь оказалась!

Ничего, скоро узнаем, сказала себе Миена, рисуя в воздухе над раной невидимую печать. «Остановка». Один из основных магических символов.

«Трафф гунгу!.. — возмущалось нечто алчное, сокрытое под марской занавесью. — Трафф гурагу... Гаестри...»

«Не ты открывала... Не тебе закрывать... Прочь...»

Сильный некромант справился бы с этим куда быстрее. С Миены же десять потов сошло, когда, наконец, печать дорисовалась, мигнула голубым и погасла. Теперь можно было с уверенностью сказать, что кровь больше не течёт — пока, и что поток энергии девочки перестал сочиться в Маромир. Ненадолго, конечно. Для более мощной печати нужна более мощная жертва. Но Миена знала, что сколько-то времени она выиграла. Если его хватит хотя бы на половину пути — она успеет.

Довольно весомую часть собственных сил она влила в израненное тело незнакомки. Закинула её руку себе на плечи, с трудом встала, поднимая их обеих.

— М-м... — простонала студентка. — Куда мы... зачем...

— Давай, переставляй ноги.

Миена, которая и сама значительно ослабела, потащила свою ношу вперёд, надеясь, что чувство направления ей не изменит. Впрочем, в этом лесу заблудиться было сложно, особенно для уроженки Приречья.

Когда и где слетела печать, она не поняла, но ввалившись в дом, Миена обнаружила, что девчонка уже при смерти.

— Ну нет, — выдохнула некромантка, расстёгивая, но не снимая пальто — знала, что в подвале будет холодно.

Остатки магических сил она потратила на то, чтобы притянуть к себе курицу. Времени бежать в курятник не оставалось, каждая минута была на счету. Закрыв дверь и не обращая внимания на кудахчущую наседку, Миена наскоро перевязала рану, подхватила безвольное тело под мышки и поволокла в подвал, к жертвеннику. Потом вернулась за курицей. Мелковато, конечно, для того, что она задумала, но разве сейчас есть выбор? На то, чтобы призвать козочку, силы бы уже не хватило, а тащить её в подвал не было времени. Одна надежда на то, что приблизившаяся зима позволит призвать в Явомир кого-нибудь помощнее и подружелюбнее. В крайнем случае, сделка не состоится, и тогда призванный просто исчезнет.

Жертвенник был сделан ещё прошлым владельцем дома. В отличие от того, что стоял в Пороге, он был выполнен куда грубее. Половина огромного гранитного валуна, некогда расколотого пополам, смотрела в потолок подвала гладкой серой поверхностью. Когда Миена только появилась здесь, ей пришлось очищать гранит от выросшего мха. Он был везде — кроме этой, рабочей части. Потому что там, где совершаются обряды связи с Маромиром, не растут даже мёртвые травы.

Однако другие поверхности жертвенника оставались живыми до сих пор. Это был очень древний валун, по которому многие годы били дожди и снега, выедавая его каменное тело. Миене почему-то казалось, что её жертвенник когда-то принадлежал большой скале, потом раскололся и лежал в какой-нибудь реке или горном озере... Ей даже чудился запах холодной воды, исходящей от него. И пусть виной тому, скорее всего, была сырость подвала, этот запах всё равно помогал ей настроиться.

Миена оставила девушку на полу. На жертвенник положила наспех связанную курицу. Поставила две свечи друг напротив друга — но так, чтобы воображаемая линия между ними не пересекала жертву. Быстро зажгла их с помощью палочек си — длинных щепок, кончики которых были пропитаны смолой горючего дерева. Потом Миена встала в изголовье с ритуальным кинжалом в руках и постаралась медленным дыханием успокоить сердце, которое, верное инстинкту, в панике забилося, предчувствуя скорое соприкосновение двух миров. Ничего. Сейчас успокоится. Сейчас...

И правда, вскоре сердечный ритм, подчиняясь тренированному сознанию, замедлился. Замедлилась и кровь, текущая по жилам Миены. Главное, не вспоминать, что эта кровь может перестать течь совсем — сколько обрядов срывалось из-за этих мыслей и вызванных ими страхов... А сейчас нельзя. Нельзя терять время.

— Тур гураху, — сказала Миена вслух.

«Я иду».

Левая рука легла на курицу, и та в который раз кудахнула. Уже не возмущённо — испуганно. Это хорошо. Страх позволяет жизни достичь своего пика. Боящаяся жертва — более лакомый кусок для Маромира.

Миена старалась отогнать непрощенную жалость к несчастной птице, но под тёплыми рыжими перьями быстро билось маленькое сердце, и отстраниться казалось невозможным.

Ничего. Так всегда бывает. Всегда приходится переступить через себя.

Решившись, наконец, некромантка ударом кинжала оборвала ниточку куриной жизни.

На жертвенник брызнуло алым.

Миена положила кинжал и стала вглядываться в пространство между свечами. То заколебалось, помутнело, и вскоре из открывшегося портала медленно потёк туман. Рассеялся вокруг, скрывая от взгляда куриную тушку и сам камень, и тем более бесчувственную девушку на полу. Огоньки свечей проступили в этой пелене блёклыми оранжевыми кругами. Повеяло холодом...

Страшно. Каждый раз страшно. Каждый раз, когда появляется это озеро с маленькой качающейся на его водах лодкой. Дерево, из которого сделана лодка, росло ещё в самом начале времён: никто никогда не говорил об этом Миене, но она знает. И теперь главное — не сбиться, проговорить все необходимые марские слова в одном ритме и на одном дыхании. И сделать шаг вперёд.

Не оборачиваться. Ни в коем случае не оборачиваться, не смотреть туда, где сидит твоё оцепеневшее тело, провожая тебя невидящим взглядом. Просто поднять весло, выпрямиться во весь рост и оттолкнуться. И пусть древнейшая лодка испарывает серо-синюю гладь озера, и пусть не пугает то, что в холодный вечный маромирский вечер изо рта не вырывается пар. И пусть исчезают из головы лишние вопросы: как можно мёрзнуть вне собственного тела, даже чувствуя, по-прежнему, тяжесть пальто; как в мире, где озёрные камни всегда покрыты инеем, на кривых чёрных деревьях умудряются появляться листья. Сероватые, маленькие, редкие... но они ведь есть. Не благодаря ли той энергии, которой делятся с Маромиром некроманты?..

Никаких вопросов. Очистить голову, орудовать веслом, не ленясь — ведь чем быстрее доплывёшь, тем быстрее всё это закончится...

Не мечтать, чтобы всё побыстрее закончилось.

Проступают звёзды на тёмном, с изумрудном отливом, небе. А впереди — мрак. Большой Берег — место, куда приходят те, кто является на зов.

Сегодня на встречу к Миене явилось нечто большое, но очень тощее. Тёмно-серая кожа обтягивает высокий скелет, в котором чудится что-то птичье; многочисленные присоски на верхних, похожих на щупальца, конечностях шевелятся, словно от невидимого ветра, и одно щупальце держит грубо сколоченный деревянный сосуд. Узкая голова существа смотрит на пришлицу пустыми глазами. Рот отсутствует. Миена стоит и смотрит в ответ. Она уже достаточно близко подошла к берегу, чтобы существо встало рядом с ней и позволило ей доставить себя туда, где лежит мёртвая курица и маяками горят сквозь туман две свечи. Жертвенник вобрал в себя необходимую энергию, и существо чувствует её.

— Тур гурагу, — гудит существо.

И Миена не удивляется, что оно может говорить, не имея рта. В конце концов, обитатели Маромира способны и на более удивительные вещи.

Миена делает приглашающий жест и поворачивается, беря весло. Лодка слегка качается, реагируя на тяжесть того, кто шагнул в неё и встал сразу за Миеной.

Присоски со свистом всасывают воздух. Запах гнили проникает в ноздри и, кажется, окутывает Миену с головы до ног...

Некромантка берёт весло.

Не думать о том, что стоит сзади.

Не думать о том, что ждёт впереди.

Весло окунается в воду...

Она вздрогнула — и снова ощутила себя сидящей на полу перед жертвенником. И снова

начала видеть — своими реальными глазами. Никакого тумана уже не было и в помине. Исчезло и озеро вместе с древней лодкой. А на жертвеннике, на том месте, где недавно лежала тушка курицы, стояло огромное маромирское создание, тощее и серое. Создание, не имевшее рта.

Миена пришла в ужас. Что это такое?! Только сейчас она сообразила, что на зов явилось нечто, совершенно не похожее ни на дух ушедшего, ни на мелкую марскую сущность, к которым она привыкла. Гость едва помещался в её подвале. А когда он стоял в лодке за ней, казалось, будто они одного роста... Впрочем, там ведь совершенно другое пространство, другие измерения.

Существо загудело — утробно, гулко и так громко, что у Миены заложило уши.

Оно спрашивало, какую сделку желает заключить вызывающая.

Миена желала выкупить жизнь, которая была обещана Маромиру.

«Вот энергия, вот кровь — всё отдаю за одну жизнь».

Маромирец подался вперёд, обдавая запахом гнили. Какой он был жуткий! Эта огромная морда, на которой существовали только большие круглые глаза! Это тощее тело! Эти рваные движения и, главное, рост!

Когда существо загудело снова, Миена невольно отшатнулась.

Пришелец был недоволен. Он рассчитывал хотя бы на равный обмен, а лучше — на выгоду. А ему что предлагают? Какую-то паршивую горсточку энергии! Он даже показательно продемонстрировал некромантке деревянный сосуд, как будто она могла увидеть перетёкшую туда энергию от прерванной жизни курицы.

«Тебе нужна ещё энергия? — спросила тогда Миена. — Возьми мою!».

Она с готовностью поднесла кинжал к предплечью.

— Парагу долг парагу, — сказала существо.

Жизнь за жизнь. Ещё жизнь, плюс к этой — куриной, за которую положена только маленькая порция силы, и не более того. Жизнь, равная по энергии человеческой жизни.

Миена похолодела. Он пришёл сюда за лакомством, привлечённый зимой и умирающей девочкой. Он думал, что именно девочка ляжет на жертвенник — ведь энергию Маромиру могут давать только те смерти, которые произошли от рук человека, уже прикасавшегося к Источнику, то есть от рук некроманта. А теперь увидел, что это не так.

А Миена видела, что это очень могущественное существо. Загнать его обратно в Маромир против его воли не смогли бы и десять некромантов. Оно уйдёт только тогда, когда захочет. А захочет — только когда получит то, за чем приходило. Курицы мало, да и козы бы не хватило. Медведь разве что подошёл бы — но медведя нет. Никого нет, кроме неё и умирающей — и страшного гостя с требовательно протянутым щупальцем, в котором зажат деревянный сосуд.

Это означает, что кто-то должен умереть. Либо девочка, либо Миена. Иначе может случиться непоправимое. Существо не исчезнет раздосадованным, как могли сделать мелкие твари вроде тех, что приходили к некромантке раньше. В отместку за обман оно может забрать две жизни сразу. А может вообще выбраться из подвала и, не сдерживаемое никем, отправиться в ближайшее поселение, чтобы добыть столько энергии, сколько поместится в его сосуд, и ещё больше. Миена не сомневалась, что оно сможет это сделать.

И сейчас казалось бы: чего проще? Просто убей девочку, которая и так приговорена.

Просто убей. И получи много-много силы. Ох, какой она будет сильной! Этот гниющий монстр запросто отжалее ей столько могущества, что можно будет горы сворачивать

несколько дней кряду, не обращаясь к Источнику дополнительно. И в её становлении как некромантки это тоже поможет — ведь чем серьёзнее жертвы, тем выше потенциал вызывающего. А чем выше потенциал — тем более интересной приманкой становится некромант для Маромира...

Это та ступенька, которую она должна пройти. Нужно просто решиться, просто ещё раз переступить через себя — и дальше уже станет легче...

— Парагу... мерсто, — помертвевшими губами произнесла Миена.

«Жизнь взаймы».

Ох, дура.

Сколько раз им в Пороге твердили: не оставайтесь в долгу у Маромира. Не всякий долг можно отдать сразу. А пока его не отдашь, работать нормально не сможешь: ведь на должнике ставится особая метка, и случись ему обратиться к Источнику, а тем более, совершить обряд на жертвеннике, это обязательно будет известно тому, кто эту метку поставит, и последствия могут быть самые плачевные. Миена помнила жуткие истории об истлевших телах у жертвенников — телах тех, кто не смог завершить переход... Кредитор всё равно заберёт то, что ему причитается, особенно если будешь дразнить его жизнями куриц, подаренных кому-то другому.

Но слова уже были сказаны, и пришелец, протянув свободное щупальце, дотронулся им до Миениного лба. Девушку передёрнуло от этого ледяного прикосновения, к горлу подкатила тошнота. Она зажмурилась.

— Парагу мерсто, — отдалось в её голове похоронным гулом.

Договор состоялся.

Когда Миена открыла глаза, существо исчезло. Кончики пальцев зудели от холода, как если бы она только что вынула руки из сугроба: значит, за куриную жизнь ей дали немного силы. Этого хватит, чтобы вылечить девочку. И, может, на что-то ещё. А потом...

А потом она, наконец, убьёт медведя.

В доме Миены было две комнаты, а нормальная кровать — всего одна. Высокая, железная, на которой лежала не подходящая по размеру, но ужасно удобная перина. На этой перине теперь спала отобранная у Маромира гостя, закутанная в толстое шерстяное одеяло. Спала уже второй день. И второй час — спокойно.

Миена же, балансируя между бодрствованием и дремотой, сидела в кресле. Она и сама чувствовала себя больной.

В этом доме никогда не было так шумно, как за последние сутки.

Из паутины бреда, хныканья и вскриков Миена умудрилась выцепить имя. Аряна. Это имя стало ещё одной ниточкой, за которую можно было тянуть, возвращая девчущку в настоящий мир. Да, умиравшей в лесу студентке Порога вернули жизнь, но если бы Миена, в своих попытках лечить, что-то сделала неправильно, Маромир мог бы снова нацелиться на бывшую жертву, а на новую сделку, не заплатив по предыдущему счёту, Миена пойти не смогла бы. Поэтому она очень старалась всё делать правильно.

Только очень уж это было сложно.

Но теперь, когда гостя уснула, можно было попробовать прийти в себя. Например, выйти на улицу и подышать... Впрочем, это в любом случае следовало сделать: выбраться в Горкино, чтобы крупы купить, например, и кое-чего ещё по хозяйству. Оставлять Аряну одну не хотелось, но с другой стороны, Миена и не планировала долго гулять. Девчонка, даже если проснётся, испугаться не успеет. А о том, что кто-то её потревожит до возвращения хозяйки, можно было тем более не волноваться: кто осмелится забраться в дом некромантки?

Накануне выпал снег, но уже с утра подтаял. К середине дня мороз не вернулся, и Миена, пока шла через поле, прямо-таки упарилась в своём в толстом пальто. Ближе к облепленным домами холмикам она додумалась снять капюшон и расстегнуть пару верхних пуговиц.

Ворона в здешних краях славилась неустойчивой погодой, но Миена чувствовала, что это последние удавшиеся проказы южных ветров: зима вот-вот возьмётся за своё дело всерьёз и прогонит все воспоминания о тепле. Пока же пришлось помучиться: под снежной кашеобразной массой, прилипавшей к сапогам, было скользко, и ноги то и дело норовили разъехаться в разные стороны.

Горкино было достаточно большим селом, и после того, как заканчивались полевые работы, становилось почти таким же людным, как город. Особенно много народу шло по торговой (по факту — единственной) улице, куда как раз отправилась Миена. Здесь снег, не чета полевому, был серым и мокрым, чуть темнее распахнутого над селом пасмурного неба. Вдоль заборов сидели люди: кто на дощечках, кто на табуреточках, разложив перед собой товары. Торговцы поопытнее или позажиточнее приходили сюда со специальными самодельными конструкциями: тут тебе сразу и прилавок, и навес, или же просто каркас для того, куда можно положить толстую ткань либо коровью шкуру. За заборами темнели стены хлевов и амбаров: фасады домов на торговую улицу редко выходили. Кому охота слушать гвалт, который иной раз здесь стоит?

Вот и сейчас умудрились сцепиться. Заезжий купец, торговавший прямо с телеги, вызывал острое недовольство других торговцев. Не нравилось им, что гость расположился

здесь вместе с лошадыю и всем своим скарбом. Телега практически не загораживала проход — но это «практически» никого не устраивало, к тому же повозка была тут как бельмо на глазу. Во влажный воздух вплетался запах навоза, а связка сена, которую время от времени подьедала флегматичная каурая лошадь, уже давно перестала быть связкой и разметалась по всей улице, что, конечно, тоже послужило поводом для придинок. Вообще-то купцы чаще приезжали во время каких-нибудь ярмарок, когда к селу стекались люди с окрестных деревень, но иногда заглядывали и случайно, по дороге в Тиугар или Дальневейск — или наоборот.

— ...Отвёл бы к трактиру свою скотину, там коновязь есть! — возмущалась средних лет женщина, расположившаяся неподалёку от телеги. Её товар — вязаные носки и шали — лежал на обыкновенных, застеленных тканью ящиках, и рядом с развалами яркой готовой одежды, представленной на телеге купца, смотрелся весьма жалко. А вернее, не смотрелся вообще.

— Да, давай, расскажи, куда мне ходить! — Купец, даром, что приезжий, вёл себя похозяйски. — Лучше б за товаром глядела, прохиндейка старая, вон у тебя хвост в луже!

Кончик пуховой шали и правда свесился в подтаявший снег. Но в селе такие мелочи мало кого волновали: высохнет.

— Это я-то старая?! — Женщина аж привстала от возмущения. — А ну, пошёл вон отседова, мы тебя в Горкино не звали!

Товарки, дальше по ряду, одобрительно забурчали, но хватать и выпроваживать наглого обладателя лошади никто не спешил. Кузнец, что стоял за самодельным прилавком напротив честной компании, сделал вид, что происходящее его вообще не касается ни в какой степени, хотя с такой крепкой фигурой и пудовыми кулачищами мог бы справиться с нахальным приезжим в два счёта.

Бурчание стихло, когда Миена, прижимая к себе слегка потяжелевший мешок, дошла до конца улицы, где и разгорался сыр-бор. И женщины, и кузнец косились на некромантку немного со страхом, немного с неприязнью. Только купец, который не знал, кто она такая, оживился:

— Девушка, подходите: платьица, пальтишки, платочки, всё за полцены сегодня отдаю! Вообще-то это очень вовремя, подумала Миена, вспомнив, что у Аряны с собой не было никакой сумки — а если и была, то пропала где-то по дороге вместе с содержимым.

Она подошла к телеге, начала рыться в вещах.

— В город едете? — спросила Миена.

— Нет, наоборот, — улыбнулся мужчина. — Вот уже полмесяца катаюсь по окрестным сёлам, пока совсем холода не наступили.

— И хорошо торговля идёт?

За время учёбы она привыкла, что каждая покупка на базаре должна непременно сопровождаться беседой. И городской купец почувствовал себя, наконец, в своей стихии, с охотой разливаясь соловьём и рассказывая, где и за сколько он распродал полушубки. Этот разговор был данью вежливости: Миена не особо вслушивалась в ответ на свой вопрос, прикидывая, подойдут ли Аряне тёплые женские штаны, которых в селе, разумеется, больше никто брать не будет, или окажутся большими?..

— Ресса на себя смотрит? — спросил купец, слезая с телеги, чтобы не мешать девушке разглядывать товар.

— Нет, у меня гостит... племянница. Вот думаю подобрать что-нибудь, а то ей здесь

ходить не в чем...

— Ещё одно отродье в Горкино принесло, — не сдержалась какая-то торговка по соседству.

Миена медленно повернула к ней голову. Немолодая женщина, закутавшись с головой в пуховую шаль, чахла над перевешенными через поставленный на ребро ящик связками чеснока. Заметив, что некромантка её услышала, женщина отвернулась, пряча лицо.

Глупая.

— Совсем не обязательно видеть человека, чтобы его проклясть, — заметила ей Миена. И вернулась к купцу. — Я вот эти возьму, пожалуй. И ещё кофту и пару рубах.

Верхняя одежда на Аряну у неё была: старенький, но вполне ноский тулуп, в котором она сама какое-то время ходила, когда только приехала в Порог. Девочке должен быть в пору.

— И не стыдно деньги-то, маромирскими прихвастнями заработанные, направо-налево кидать... — продолжала бурчать торговка.

Купец притих, больше не пытаясь поддерживать разговор, но все вещи завернул в кусок холстины, чтобы покупательнице удобнее было нести.

Миена отнеслась к его молчанию и посерьезневшему лицу как к должному. Понял, видимо, чем она занимается, и теперь хочет отделаться поскорее, от греха подальше.

Однако она ошиблась. Не спеша отдавать свёрток, мужчина прикусил губу и покачал головой в отороченной мехом шапке.

— Были бы вы осторожнее, вот что, — сказал он, наконец.

Миена удивлённо вскинула глаза.

— Я? Почему?

— Вы же некромантка, да? — Он понизил голос. — Говорят, что убийца короля на эшафоте выкрикнул, что придёт время, и некроманты подчинят себе всю Вистанию, установят свои порядки, и никто не сможет им противостоять, потому что они самые сильные маги...

Миена скептически хмыкнула.

— Я под такие сказочки выросла, ресс. У нас в Приречье в каждой второй сказке какой-нибудь некромант мир завоёвывает. Посудите сами: что убийца короля, кем бы он ни был, может знать о некромантах? И делать ему нечего на эшафоте, кроме как подобные предсказания выкрикивать! Поверьте мне, как специалисту, умирающему и без того есть о чём подумать.

Купец чуть наклонился, приблизив к ней усатое лицо.

— Вы разве не знаете, что его величество убил королевский некромант?

Миена молча смотрела на купца, недоверчиво наклонив голову. Что за глупости?

— Когда я был в Тиугаре, — шёпотом продолжал делиться мужчина, — я своими глазами видел объявление, где всем некромантам повелевают явиться для допроса в Замок Бэр. И люди, которые это объявление при мне читали, были настроены очень недобро. Так что смотрите в оба, ресса. Назревает что-то нехорошее.

***

Рассказ купца встревожил Миену больше, чем ей бы хотелось. Она говорила себе, что если бы случилось что-то действительно серьёзное, ей бы прислали письмо из гильдии некромантов или из Порога.

Но с другой стороны, если королевский некромант действительно был объявлен

убийцей Лиуса Белого — то куда уж серьёзней? Миена видела этого человека. Его звали Лекир Литесский, и был он выходцем из древнего графского рода. Однажды граф приезжал в Порог, сухопарый и бледный, выглядевший куда старше своих сорока с небольшим. Студенты, из тех, кому не чужда была некоторая надменность, вслух делились соображениями о том, что придётся слушать много пустопорожних наставлений. Думали, сейчас им будут говорить о важности их ремесла, об ответственности, об осторожности, которая должна быть присуща каждому магу...

Но Лекир безо всяких предисловий заявил:

— Считайте, что вы прокляты. С самого первого дня вашей учёбы здесь. Навсегда. Если вылетите раньше, чем получите диплом, то может, вам повезёт прожить нормальную жизнь. Если нет, то вас будут бояться и обливать помоями везде, куда бы вы ни пошли. Вас вполне могут убить просто за то, что вы есть. Люди слабы, поэтому они боятся таких, как мы. Цена, которую мы платим за свою силу, слишком высока. Но зато нашей силе противопоставить практически нечего. Если вы считаете, что эта цена справедлива и готовы её заплатить — значит, вы на своём месте. Если нет — подумайте о смене профессии. И уходите, пока не поздно.

Эти слова тогда буквально ввелись в Миенину душу. Она думала о раздоре с матерью и братом. Но ещё — об убитой в детской кроватке Малке и о погибшем от побоев отце.

И никогда сильнее, чем в тот миг, она не ощущала, что находится именно там, где должна находиться.

Выходит, силы Лекира оказалось недостаточно, чтобы избежать эшафота? Несколько магов, конечно, могут обездвигить некроманта и даже временно лишить его способности к колдовству, но для этого им нужно очень постараться. И, разумеется, напасть внезапно. Или, может, Лекир пришёл с повинной... Какая-то очень уж тёмная история получается.

Миена не могла отделаться от вида головы графа Литесского — такой, какой она её запомнила: со слегка выдающимся вперёд подбородком, с тёмными, с проседью, волосами... Девушка представляла, как эта голова лежит в корзине у эшафота после того, как топор палача отсёк её. В Тиугаре их однажды заставили сходить на публичную казнь, и некоторые детали этого действия остались в памяти Миены настолько явственными и чёткими, что она до сих пор могла по ним восстановить всё случившееся от начала до конца. И казнь Лекира теперь представала перед её внутренним взором почти так же красочно.

Почему он убил короля? А если не убивал — то почему его казнили как убийцу?

И почему она, Миена, состоящая в гильдии некромантов, узнаёт об этом от заезжего купца? Может ли быть всё настолько плохо, что коллегам просто не до неё?..

С этими мыслями она вошла в дом. В сенях встала на половую тряпку, положила свёрток на галошницу и сняла пальто. Сменила сапоги на тапки и, забрав покупки, прошла в жилую половину.

Вечер пока и не думал приходить, поэтому зажигать светильники было рано. Жар от протопленной с утра печки расплзся по всему дому, и Миена, миготом отогревшись и вдохнув знакомые запахи, почувствовала себя спокойно. Что бы там ни происходило, до Горкино оно пока не дошло. Вот дойдёт — будем переживать. А пока неплохо бы проведать спасённую пациентку...

Аряна уже не спала. Как только Миена вошла в комнату, то сразу поняла, что можно не таиться и не стараться потише скрипеть половицами.

— Привет, — сказала она, чувствуя себя до странности неловко. Как будто хозяйкой

дома была эта больная девчушка, а Миена заявила к ней без спроса. Но прятать неподобающие чувства она научилась ещё в Тиугаре, поэтому быстро настроилась на покровительственный тон. — Меня зовут Миена. Ты находишься у меня дома, недалеко от села Горкино. Я некромантка, как и ты. Смотри, — она села на стул возле кровати и развернула свёрток, — я тут тебе принесла кое-какую...

— А они знают, что вы некромантка? — перебила её девушка.

От звука её голоса — совершенно обычного, разве что негромкого, как у всякого нездорового человека — Миена неожиданно вздрогнула и стала внимательно разглядывать гостью, будто впитывая в себя её облик. Тёмные глаза в обрамлении удивительно длинных ресниц смотрели в ответ не то, чтобы с испугом, но с настороженностью. Каштановые волосы — вьющиеся, хоть и не так мелко, как у самой Миены — разметались по подушке, и лицо Аряны на их фоне казалось ещё бледнее.

Почему-то в тот самый момент, когда Аряна задала свой вопрос, некромантка в полной мере осознала, что вот это живое, тихо говорящее — могло бы не лежать здесь. Не говорить. Не быть живым. А то, что оно стало живым, то, что оно есть — это её, Миены, заслуга. Да ей пришлось рискнуть, чтобы вытащить душу Аряны из лап Маромира, ей пришлось пережить ужас и связать себя обетом, который ещё попробуй выполни. Но необыкновенное ощущение, которое Миена испытала, осознав, что спасла человеческую жизнь, того стоило.

Однако она запрятала очередное ненужное чувство вглубь себя и спросила:

— Кто — они?

Девочка облизнула губы.

— Можно воды?

— Боюсь, пока не стоит. Так что за «они»?

— Ловцы, — прошептала Аряна. — Это они напали на Порог. Вы меня переодели, я видела. Значит, знаете, что я из Порога. Я почти смогла сбежать, но меня ранило выстрелом... — Она снова облизнула губы. — Я очень долго шла... Думала, приду хоть куда-нибудь. Но потом плюнула и просто села у дерева. И даже, честно говоря, думала, что теперь, когда надежды не осталось, я увижу Оклегон... Говорят же, что его видишь, когда теряешь надежду. Всю жизнь мечтала увидеть, нам с братом отец про него сказки рассказывал, когда мы маленькие были... Но Оклегон всё не появлялся. И я подумала, что это уже точно конец, что я умру.

— Как видишь, не умерла. — Миена произнесла это не без гордости. А ещё невольно позавидовала человеку, которому в детстве рассказывали сказки про Путешествующий Мир, а не про злых некромантов. — Что за ловцы? Что им нужно?

— Король приказал заключить под стражу всех некромантов, — медленно проговорила Аряна. — Для этого собирают отряды ловцов, в каждом из которых обязательно есть маг. Если кто-то из некромантов не явится лично, за ним высылают погоню. Кто будет противиться — того велено убивать без промедления...

Миена поняла, что девушка повторяет врезавшиеся ей в память слова.

— Зачем этим ловцам нападать на Порог?

Она с удивлением услышала, что её голос по-прежнему звучит спокойно, хотя страх уже полз по телу тысячами ледяных ручейков. Мысли, которые Миена пыталась гнать от себя, снова завладели её сознанием.

Выходит, пока купца не было, многое изменилось. Тиугарским некромантам нужно являться в замок Бэр уже не для допроса, а для ареста. Что ж там за заговор такой, раз все

некроманты попали под раздачу?

— Студенты тоже считаются, — сказала Аряна. — Считаются все, кто обращается к нашему Источнику. Таких легко вычислить даже тому, кто не имеет дела с магией. Поэтому если они узнают, что вы тоже некромантка...

— Давай на «ты», — предложила Миена. — Сюда пока никто не приходил, никаких объявлений не делал. Поэтому я знать ничего не знаю. В селе я сказала, что ко мне приехала племянница. Нужно, чтобы ты поправилась. А дальше будем думать.

— Но ведь ловцы... — Аряна приподнялась на кровати, но тут же, поморщившись, упала обратно.

— Лежи спокойно. Я давно уже не студентка Порога. Я... я сильная. Я сумею нас защитить...

Последнее прозвучало совсем беспомощно, и Миена разозлилась на себя. Завтра же! Завтра пойдёт и приведёт к жертвеннику медведя! Теперь это вопрос жизни и смерти, нельзя медлить!

— Мой брат тоже был сильным... — Аряна уставилась в потолок. — Он прибежал к нам, чтобы предупредить об опасности. Он тоже был некромантом. Выпустился в этом году... Но их было много, и у некоторых были револьверы. Одну пулю он остановил, вторую уже не смог... У меня никого не было, кроме него...

— Как его звали? — помолчав, спросила Миена.

— Тобаль. Моего брата звали Тобаль...

Сеятели разрухи и вся их рать! Тобаль!.. Да нет, не может быть. Этот долговязый парень, обсыпанный веснушками, глядя на которого никогда не скажешь, с каким Источником он работает...

Миена только сейчас поняла, что Аряна действительно очень похожа на брата. Тот, правда, не рассказывал о своих родственниках никогда, и вообще был тихий, неразговорчивый, предпочитавший людям общество книг.

Миена вскочила и заходила по комнате. Что делать? Бежать? Куда?

— Значит, так. — Она остановилась. — В село я больше не выхожу. Наложу кое-какие заклятия, чтобы отвести глаза, если мой дом будут искать. До весны продержимся, лес прокормит. Потом попробуем перебраться в какой-нибудь городок на Вее, где никто не будет знать, кто мы и чем занимаемся. Подождём, когда всё это закончится.

Нехитрый план Миены говорил о том, насколько плохо она понимала серьёзность ситуации. Аряна лишь чуть-чуть опередила тиугарского глашатая — одного из многих, разосланных по вистанским сёлам, который вот-вот должен был добраться до Горкино. В то время в замке Бэр и других тюрьмах некроманты уже давали показания. Десятки сильнейших магов, связанных с другими Источниками, сдерживали способность своих коллег колдовать, и те, в попытке доказать, что ни к какому заговору не причастны, рассказывали о самых распространённых обрядах, о некромантских заклинаниях и их слабых местах. Это были наиболее глупые представители своей профессии; те, что поумнее, догадавшиеся, к чему идёт дело, бежали из городов в попытках скрыться — но по их следам тотчас же отправлялись отряды ловцов...

Миена глупой не была, но те клочки информации, которые дошли до неё через купца и Аряну, открыли ей лишь часть истории. Она ошиблась, думая, что у них с девочкой есть время, и что заклинание для отвода глаз поможет ей скрываться дома несколько месяцев. Она ошиблась, думая, что дело в заговоре, о котором якобы стало известно со слов Лекира

Литесского.

Дело было в том, что молодой король Арбес Белый хотел избавиться от некромантов. И нашёл горячую поддержку со стороны вистанского народа.

На свой страх и риск, Миена убила пару улиток, что помогло ей произнести несколько заклинаний для защиты дома. Пора было заняться подманиванием медведя, но некромантка решила, что это подождёт. Когда пойдут снегопады, способные замести любые следы, тогда она сунется в лес, а пока... пока можно заняться вязанием, например, благо шерсти ещё немного осталось от той, что Миена покупала ещё в Ручье, втором весеннем месяце. В городе, в который они с Арянной переберутся, наверняка можно будет продать с рук тёплые носки и варежки. На вырученные деньги они продержатся, пока не найдут работу...

Так они и стали жить в ожидании весны в Миенином доме. Серая Воронья хмарь сменилась белизной Луны, и зима принялась заметать вьюжной метёлкой берега речки Веи, укрывая их мягкой снежностью. Аряна потихоньку поправлялась и даже взяла на себя кое-какие домашние дела.

Медведя Миена так и не убила, и вообще ещё ни разу не спустилась к жертвеннику. Магией она пользовалась редко, каждый раз боясь, что что-то пойдёт не так. По правде говоря, она надеялась, что Аряна и здесь станет ей помощницей, но девушка, которая совсем недавно впервые отдала жертвеннику свою кровь, призналась, что училась плохо и почти ничего не знает. Она сказала Миене, что если бы брат в своё время не настоял на том, чтобы она пошла в некромантки, ноги бы её не было в Пороге. И три месяца, прошедшие с начала обучения, нисколько не примирили её с действительностью.

— Зачем же он отправил тебя в Порог, если тебе не хотелось становиться некроманткой? — спросила Миена, сматывая в клубок пряжу, которую на расставленных в стороны ладонях держала Аряна.

Девочка вздохнула:

— Говорил, что это очень почётная профессия, что с дипломом Порога я всегда смогу себя прокормить... Он хотел, чтобы я осталась в Тиугаре после обучения, а то и вообще поехала в Рикван. Я всё никак не могла понять, зачем это нужно: наш отец оставил нам хорошее наследство, и я надеялась, что потом смогу путешествовать на эти деньги... Я всегда хотела путешествовать. А теперь... наверное, после смерти Тобаля и моего исчезновения у денег нашлись другие хозяева. И у дома тоже... Как ты думаешь, мне ещё можно сменить Источник?

— Боюсь, что нет. Ведь вы уже пошли обряд посвящения. Стало быть, больше никакой Источник тебя не примет. Придётся учиться обращаться с тем, что есть.

— Теперь нельзя обращаться с тем, что есть, — проворчала Аряна.

— Это ненадолго. — Миена возражала так уверенно, словно бы сама не сомневалась в том, что говорит — хотя, на самом деле, она редко бывала в чём-то действительно убеждена. — Они раскроют этот свой заговор, и всё вернётся на круги своя. Тобаль был прав, некромантия — самая сильная из отраслей магии. Нас везде ценили и ценят, в том числе при дворе...

— Ценят, когда не боятся, — сказала Аряна.

Она сама и подумать не могла бы, насколько была права.

Однажды вечером, в перерыве между метелями, Миена выбралась из дома и отправилась в лес, прихватив с собой фонарь: зимой темнело быстро. Кто-то умирал в чаще — и это был не человек. Может, медведь?.. Впрочем, даже если что-то поменьше — тоже

неплохо. Для обряда в уплату долга, может, не хватит, но вдруг снова удастся без потерь обратиться к Источнику?.. Тогда можно будет запастись силой на пару дней. С жертвенником уже не получится, но и то хлеб...

С такими мыслями Миена шагала сквозь сонм заиндепевших сосновых стволов, протаптывая глубокую борозду от калитки. Если будут силы, она потом заметёт этот след. Если нет — придётся всё-таки поработать Арянке. На крайний случай, некромантка сунула в карман мирно спящую мышку, которую обнаружила утром в сарае. Мышка проспит ещё часа два, а потом, если не пригодится, Миена её расколдует и отпустит...

И всё же, как приятно брести, нарушая ещё не тронутый снежный покров, наслаждаясь тишиной и звонким колючим воздухом! Миена на какое-то время даже забыла, что собралась кого-то убивать. Мороз жёг щёки, подол пальто иногда цеплялся за кусты, разрушая снежные пирамидки на гроздьях промёрзлых ягод, ноги слегка ломило — но это была приятная усталость.

Миена любила зиму. С самого детства, когда утром можно было напроситься на рыбалку с отцом и братом, а днём, переделав все домашние дела, сбежать кататься с горки вместе с соседскими ребятами, или рассекать на коньках по большому пруду. Миена запоздало подумала, что пропустила Первый День Зимы, хотя когда-то это был её любимый праздник. Наверное, в Горкино тоже устраивали торжество. Хозяйки напекли рогаликов, символизирующих Луну, кто-нибудь играл на гармошке, люди пели и веселились, ровесники Миены прыгали через костёр... Конечно, было бы глупо отправляться туда в такое время, но она всё равно почувствовала досаду.

Одни мысли потянули за собой другие, и Миена уже вспоминала, как приветствовали зиму в Тиугаре. Какие огни взлетали над площадями — жёлтые, голубые, оранжевые! Какие гирлянды плыли над бульварами днём — чтобы с появлением темноты прильнуть к деревьям, окутать их и забыться сном, посверкивая в темноте маленькими искрами. Какие яблоки из чистейшего белого снега вырастали на ветвях в Квадрат-Парке! Казалось, все Источники разверзались сами, чтобы наводнить Тиугар волшебством... Ну, почти все.

Когда холодно, и на тебе тулупчик, никто не видит форму школы Порог, нет этих любопытных и опасливых взглядов, под которыми чувствуешь себя как под прессом, грозящимся вот-вот раздавить. Можно на некоторое время ощутить себя нормальной тринадцатилетней девчонкой. Можно улыбаться, задирая голову и жмурясь от солнца и снежинок; можно покупать дымящиеся сладкие лакомства на ярмарках и с удовольствием их поглощать, а то и напроситься в чью-нибудь компанию, чтобы поучаствовать в строении снежной крепости или игре в снежки... Порогом подобное поведение не порицается. Наоборот, изо дня в день в школе повторяют, что нужно наслаждаться каждым моментом, уметь везде и всегда находить радость: это будет уравнивать обращения к Источнику, полуночные обряды и изучение мощнейшего из языков Паутины Миров — марского, языка мёртвых.

Главное — не вспоминать, не думать о том, что ты теряешь время. Ты, которая пообещала себе быть самой сильной — тратишь драгоценные минуты на ерунду.

Но легко сказать: не вспоминай, не думай.

Легко сказать: ощущай радость.

...Вскоре она уже шагала без особого удовольствия, нахохлившись и поочерёдно пряча руки в карманы пальто. Хоть и в рукавицах, те всё-таки немножко мёрзли: к вечеру сделалось ещё холоднее.

И темнее. Начинали сгущаться сумерки, а до умирающего зверя оставалось идти ещё прилично... Может, плюнуть и повернуть назад?

Силуэт за деревьями не сразу привлёк внимание Миены. Она очнулась от своих мыслей, только когда услышала скрип снега под чьими-то ногами. Девушка остановилась, завертела головой в попытке увидеть источник звука.

Он оказался ближе, чем можно было бы надеяться. Рослый незнакомец, не таясь, широкими шагами шёл прямо к Миене. Руки его были спрятаны в карманы бесформенной куртки неопределённого тёмного цвета; в остатках света можно было различить белый короткий мех на капюшоне, надвинутом едва ли ни на самые глаза, которые чуть заметно поблёскивали... Очки. Незнакомец носил очки.

— Простите! — крикнул он, сообразив, что его заметили. И ускорил шаг: чтобы добраться до девушки, ему нужно было спуститься по одному небольшому пригорку и забраться на другой. — Я ищу кое-кого... Вы живёте где-то поблизости?

— Да, — ответила Миена не очень дружелюбно.

— У меня пропала сестра. — Мужчина остановился в двух шагах от неё. Это было разумно: если бы он подошёл ближе, Миена бы тут же отступила. — Она могла выйти к какому-нибудь из окрестных селений. Ей двенадцать лет, у неё каштановые волосы, зовут Арянной... Не встречали вы такую?

У неё-то каштановые, подумала Миена, поднимая светильник, а у тебя рыжие. Вон, из-под капюшона торчат. И это не говоря о том, что у Аряны был всего один брат. Которого убили.

Скоро совсем стемнеет, до жилья далеко. Вещей у тебя при себе нет. Значит, ты либо отошёл от стоянки, где у костра сидят твои друзья, либо остановился в какой-нибудь деревне поблизости. Именно остановился, а не живёшь: уж больно вид у тебя городской. И понесло тебя, видите ли, прогуляться по лесу в поисках сестры, которая тебя вовсе не сестра. Ты не боишься заблудиться в надвигающейся тьме, тебя не страшат оголодавшие волки и не вовремя проснувшиеся медведи, иначе ты захватил бы с собой по крайней мере фонарь. Значит, ты маг. Причём маг, который успел обратиться к своему Источнику и заpastись силой впрок.

А учитывая, что ты знаешь о девочке Аряне, которая должна была спрятаться в этих краях, и внаглую выдаёшь себя за её брата, ты не обычный маг, а маг из отряда ловцов.

— Нет, не встречала, — сказала Миена.

— Жаль. Может, вместе пойдём? Не следует девушке одной по лесу гулять. К тому же скоро совсем темно станет.

— С первым встречным, конечно, гулять куда безопаснее, — заметила Миена. — Но уж простите, я как-нибудь сама. Мне недалеко.

С этими словами она развернулась и потопала по своей же борозде. Не получится сегодня совершить обряд — ну и ладно. Если этот тип не пойдёт по её следу — значит, она дешево отделалась. Жалко только, что замести теперь нельзя... Хорошо, что дом...

Миена вдруг встала. Дом! Дом-то заговорён! И если рыжий всё-таки решит последовать за девушкой, подозрительно одинокой в темнеющем зимнем лесу, то увидит обрывающийся след на снегу... И, конечно, всё поймёт. Особенно если сам маг.

Обернувшись, Миена обнаружила, что незнакомец не идёт за ней. Но и не уходит прочь. Так и стоит, сунув руки в карманы и глядя ей вслед. Чёрный силуэт на фоне исполосованного сосновыми стволами неба.

Силуэт поднял руку и помахал. Миена хмыкнула себе под нос, но говорить ничего не стала. Поведение парня подсказало ей, что сейчас, по крайней мере, опасность ей не грозит, в спину он не ударит. Значит, есть время скрыться, а там уже можно придумать, что делать...

Девушка снова пошла вперёд, убыстряя, насколько было возможно, шаг. Она ещё несколько раз оборачивалась, чтобы убедиться, что её не преследуют, а когда отошла на достаточное расстояние, всё-таки убила мышку и занялась сравнением снежного покрова. Теперь протоптанная борозда просто обрывалась в одном месте, и всё. Зато далеко от дома. Если бы рыжий пошёл сразу, то у него ещё был бы шанс её найти, а так... попробуй разбери, в какую сторону отправилась некромантка. Да, теперь, если он пойдёт за ней, то поймёт, что она маг, и что скорее всего некромантка, раз скрывается, но это уже не будет иметь значения.

Мышиную тушку Миена выкинула в кусты. Маленькая ямка в снегу под сплетением тонких безлиственных веток... Даже если она и привлечёт чьё-то внимание, то ничего не скажет сверх того, что Миена сама сказала замечанием собственного следа.

Домой девушка пришла уже затемно, вымотанная донельзя. Потопала на крыльце, давая возможность налипшему на сапоги снегу отвалиться, потом долго отряхивала подол. Выглянувшая на её топот Аряна услужливо подержала фонарь.

— Простудишься, — сказала ей Миена.

— Мы же сейчас внутрь пойдём. — Аряна беспечно пожала плечами. — Не успею... Ты без жертвы? Я думала, ты за этим в лес пошла.

— За этим, но... ты прости, Арян, придётся, видимо, тебе заняться обрядом. Я встретила в лесу какого-то типа. Скорее всего, из ловцов. Я не решилась при нём пользоваться Источником.

— Ну ещё бы! — ахнула Аряна. — Я попробую, конечно... А можно с помощью своей крови?

— Боюсь, этого будет недостаточно... Нам нужно узнать, как близко к нам подошла опасность. Судя по этому рыжему, очень близко. Пока мы защищены, но я не уверена, что этого надолго хватит. А я ещё сейчас и не могу работать в полную силу... У тебя, кстати, нет никакого знакомого мага с волосами рыжего цвета и в очках?

— Нет... А почему ты спрашиваешь? Почему я должна его знать?.. Он что, — ужаснулась Аряна, сообразив: — Он что, про меня спрашивал?!

Миена, которая поначалу думала не пугать девочку, кивнула. Лучше уж пусть знает, и будет во всеоружии.

— Тогда я всё сделаю. — Аряна решительно сдвинула брови. — Я кое-что вычитала в твоей библиотеке, пока валялась, и примерно представляю, как действовать. Только ты следи, чтобы я ничего не испортила, ладно?

Наблюдать открытие портала со стороны — совсем не то же самое, что в нём участвовать. Ты не видишь никакого тумана, не видишь, как вызывающий отделяется от тела и уплывает на лодке туда, откуда может не вернуться.

Миене внушало надежду только то, как быстро и почти спокойно Аряна убила курицу. Может, и там совладеет со страхами и мыслями?..

Но дыхание Маромира всё равно ощущалось — холодком, пробежавшим по позвоночнику, темнотой, невесть как закрывшейся в грудь и надавившей на сердце. Этого не было, когда Миена присутствовала на обрядах однокурсников. Наверное, чем чаще плаваешь к Большому Берегу, тем прочнее связь, тем тоньше чувствуешь веяния с той стороны... А может, это долг Маромиру привязал её к нему прочнее, чем хотелось бы.

Аряна дёрнулась, как от удара, и открыла глаза. На жертвеннике проступили очертания невысокого обезьяноподобного существа серого цвета. Существо сидело на корточках, перебирая длинными пальцами одной руки по гладкому камню. В другой руке был сосуд с маленьким носиком, отдалённо напоминающий чайник.

Девочка тяжело дышала — так, что огоньки свечей опасно колебались, грозясь потухнуть — и во все глаза смотрела на того, кого ей удалось привести. Руки судорожно свели края накинутого поверх домашнего платья тулупа: в подвале и так-то было холодно, а во время путешествия по маромирскому озеру отогреться тем более было невозможно. Как и сразу прийти в себя.

— Всё хорошо, — шепнула Миена. — У тебя получилось. Теперь протяни ему руку и скажи: «Михрус».

У девочки явно был талант. Она очень быстро вышла из ступора, словно бы каждый день совершала обряды вызова. Требовательно протянула ладонь, недрогнувшим голосом произнесла нужное слово. И даже не поморщилась, когда маромирец пожал ей руку в ответ. Миену же при виде этих длинных серых пальцев, обвивших пальцы Аряны, начало слегка подташнивать.

— Как ты? — спросила Миена, когда пришелец исчез.

— Хорошо, — отозвалась Аряна ровным голосом и повернулась к старшей коллеге. В скупом оранжевом свете свечей тени от её ресниц ложились на кожу изогнутыми стрелками, отчего глаза казались ещё больше и ещё темнее, чем были. — Что нужно делать, чтобы выяснить про опасность?

— Глубокая миска, вода... И надо будет запомнить довольно длинный текст на марском языке. Я тебе сейчас запишу, выучишь. Пойдём в дом.

Сама Миена обряды на воде любила больше всего. Особенно, когда туда не нужно было добавлять кровь. Ей нравилось смотреть, как энергетика марских слов будоражит поверхность воды, мягко колышит её от одной стенки миски к другой, вытягивает иголочками, закручивает маленьким водоворотом... И лишь впитав в себя все звуки, до самого последнего, мгновенно разглаживается и чернеет. И тогда самым главным становится — убрать посторонние мысли из головы, взглянуться в эту глубокую черноту, дать ей себя заморозить. Что-то увидеть получается далеко не всегда. Но если всё сделаешь правильно, то обязательно придёт знание. Ты обязательно получишь ответ на свой вопрос.

У Аряны получилось не с первого раза. Она потратила много сил, но в итоге Миена всё-

таки увидела, как остекленели карие, широко распахнутые глаза, а грудная клетка замерла на вдохе.

Потом девочка закричала и отшатнулась, да так, что чуть не свалилась с табуретки, на которой сидела.

— Что? — тормошила её потом Миена. Это затравленное выражение она уже видела на лице своей подопечной, и надеялась, что оно не скоро появится снова. — Что случилось?

— Так страшно... — выдохнула Аряна. — Как будто я падаю в колодец...

— Плохо. Значит, близко подошли... Ты видела что-нибудь?

Миена спросила на всякий случай, практически уверенная, что ответ будет отрицательный. Если уж ей, дипломированной некромантке, видения во время этого обряда приходят редко, то что говорить о девчонке, которая проводит его впервые?.. Однако Аряна и тут смогла её удивить:

— Я видела человека... У него на куртке вышита когтистая лапа... И ещё людей, но уже со спины... У двоих арбалеты... Они шли к какому-то селению. Холмы заснеженные, и дома стоят... невысокие... вроде как деревня какая-то...

— Холмы? — Миена похолодела. Если бы Аряна не кричала от страха, если бы ощущение опасности не было бы для неё таким острым, не воскресило бы прежние ужасы — можно было бы надеяться. А так... — Горкино. Это Горкино, Арянка.

Девочка вытаращилась на неё.

— Так это... здесь? Они здесь?!

Некромантка помолчала, раздумывая.

— В твоём видении было светло?

— Да... более-менее. Пасмурно...

Миена думала недолго.

— Собираемся, — решила она.

Конечно, Аряна могла видеть завтрашний день, а не сегодняшней. Но лучше было подстраховаться.

***

Аряна уже не раз надевала тулуп, когда ходила, например, в сарай, подоить коз, или, вопреки наставлениям Миены, высовывалась за калитку, прогуляться по лесу. Для этих целей он был вполне подходящим, но сейчас, когда девочка стояла перед ней, полностью одетая, Миена поняла, что долго она в этом не проходит. Во-первых, рукава всё-таки оказались Аряне коротковаты, во-вторых, некогда белый мех на воротнике выглядел довольно неряшливо, не говоря уже о светло-коричневой ткани. Если не приглядываешься, то вроде хорошо, но на деле — есть потёртости, а кое-где и серые пятна... Выберешься в таком в какой-нибудь город, тот же Тиугар, и прохожие будут кривить носы. Впрочем, других вариантов всё равно не было.

От прежнего владельца на чердаке остался вещевой мешок. После того, как Миена зашила разошедшийся шов, он стал вполне пригодным для путешествия: вместительный и лёгкий. В первую очередь некромантка положила в него два деревянных бутона в мешочке, всё такие же светлые и даже чуть тёплые на ощупь (так часто бывало). За ними отправились четыре варёные картофелины в мундире, оставшиеся с обеда, хлеб, крупа, запасная одежда для Арянки и для самой Миены. С трудом девушка впихнула в мешок несколько свежесвязанных вещей, а также, презрев риск — кое-какой некромантский инвентарь во главе с ритуальным кинжалом. В боковой карман положила коробочку с солью,

продолговатый футляр с палочками си, а также складной ножик. Всё это удалось упаковать довольно быстро, потому что Миена давно потихоньку готовилась к такому развитию событий. На всякий случай.

Но как же всё-таки скоро это случилось, Создатели. Гораздо скорее, чем можно было бы представить.

Миена с тяжелеющим сердцем оглядела дом, который после сборов вдруг стал казаться почти необитаемым, хотя здесь всё ещё горели светильники, висели связки трав, собранных летом... хорошо бы из них тоже кое-что добавить к запасам. Если поместится...

Она глянула на Аряну. Та выглядела угрюмой, но не сожалеющей. Ещё бы, она ведь не жила здесь столько, сколько Миена, не успела привязаться к дому. Возле девочки на табуретке лежали два шерстяных одеяла, скрученные валиками и привязанные друг к другу, и ещё один маленький узелок сверху. Всю эту конструкцию опутывала большая толстая верёвка. Две части оплётки болтались свободно, так, что получалось некоторое подобие лямок. Это то, что собиралась тащить Аряна. Не настолько тяжёлая поклажа, как мешок Миены, но и не сказать, чтобы совсем лёгкая.

Миена перебрала в уме вещи, которые нужно было взять, хоть и была уверена, что ничего не забыла. Она заранее успела всё продумать, и сейчас просто выполнила уже подготовленный некоторое время назад план. Так же, мысленно, пробежалась по дому, вспоминая, очистила ли подвал от возможных обрывков чар, погасила ли огонь в печи и закрыла ли задвижку, не оставила ли где съестного... Нет, ничего не оставила, нигде ничего не забыла. Не за что зацепиться, чтобы задержать себя в этом доме.

Осталось только одно дело. Пожалуй, самое рискованное, но не сделать его Миена не могла.

— Пойду оставлю записку одной женщине из села, — сказала она. — Довольно разумная, я у неё молоко покупала, пока своими козами не обзавелась. Хочу, чтобы она их забрала. И куриц, если получится.

— Да ну их, — бросила Аряна. — Тут свои бы шкуры спасти... Почему, кстати, ты не отдала их в уплату своего долга?

Аряна не знала, почему Миена осталась должна Маромиру, ей был известен лишь сам факт. Но нередко упоминала об этом, волнуясь, что если их дом всё-таки найдут, его хозяйка не сможет справиться с незваными гостями.

— Козы — не благородные животные, — ответила Миена, стараясь не показать, как её резануло пренебрежительное «да ну их». — Мне нужен лесной зверь, большой и свободный, не прирученный. Это важно. Ну или... или человек. Козы — слишком мелкая монета для того, кому я обязана.

— Как же тебя угораздило... — Аряна покачала головой. Даже проучившись в Пороге всего три месяца, она знала, что нельзя оставаться у Маромира в долгу.

— Уже неважно, — отрезала Миена. — Всё, давай не будем терять время. Жди меня.

— А если они придут? — В тёмных глазах девочки снова всколыхнулся страх.

— Даже если они уже в Горкино — в чём я сомневаюсь — то по ночам снег месить и искать зачарованный дом не будут. — Некромантка старалась, чтобы её голос звучал ровно и успокаивающе. — Да и я долго не прохожу. Суну записку под дверь — и назад.

— А если тебя заметят во дворе?!

— Кто? Это тебе не город. Сельские жители, особенно те, у кого скотина, привыкли рано вставать и, соответственно, рано ложиться. Так что не волнуйся. Возьми немножко

травок — будем заваривать и пить на привалах. Набей карманы улитками, там ещё осталось несколько — пригодятся. Погаси тут везде свет, фонарь заberi, с собой возьми. Шапку не забудь. И жди меня в сенях вместе с вещами.

Раздав эти указания, Миена вышла из дома и направилась к посёлку. Ночь была вьюжной, над полем вихрилась мелкая серебристая пыль. Разгулявшийся морозный ветер кусал щёки. Девушка, надвинув поглубже капюшон и слегка наклонив голову, упорно шла вперёд. Ничего-ничего... Так ещё целую ночь идти. В лучшем случае. Надо привыкать.

Когда Миена дошла до Горкино, снег уже не пылил, а падал крупными хлопьями. И ветер на узеньких улочках не ощущался так остро. Отдуваясь после восхождения на холм — брести в глубокой, по щиколотку, снежной вате было тяжеловато — Миена остановилась перевести дух у сельского колодца. Горкино казалось вымершим: в чёрных домах, укрытых серебристо-голубоватыми пуховыми одеялами, не горело ни огонёчка. Кроме местного трактира — который, впрочем, вскоре тоже должен был закрыться. Самый короткий путь лежал как раз мимо этого трактира, но Миена, от греха подальше, решила сделать крюк и отправилась в обход.

Нужный ей дом был таким же безжизненным, как и прочие. У калитки успело навалиться снегу — пришлось отгребать. Петли едва слышно скрипнули. Где-то залаяла собака — не у хозяев, у которых её не было, а двумя дворами правее. Миена замерла, но потом сообразила, что подобные звуки в селе не редкость, и на них уже давно никто не просыпается. Особенно соседи.

Под дверь просунуть записку было невозможно, подходящей щели не нашлось — поэтому Миена положила её на носок стоявшего на крыльце сапога и придавила сверху небольшим поленцем. Так, во-первых, сразу заметят, во-вторых, ветром листок никуда не отнесёт.

«Вот и всё, — подумала Миена. — Меня здесь больше ничего не держит».

Она вышла со двора и, замерев, со странным щемящим чувством, огляделась. Пока девушка ходила, снег и ветер поутихли; облаков на небе стало меньше, кое-где проглянули крупные звёзды. Пузатый месяц проливал на село свет; там, где снежный покров под этот свет не попадал, выростали пронзительно-синие тени, которые постепенно переходили в непроглядный мрак. Горкино спало. Его жители не знали, что через пару-тройку дней с некромантского дома исчезнут чары — но идти туда всё равно будет бесполезно... И вроде странно: Миена не видела от этих людей ничего особенно хорошего, но отчего-то всё равно привязалась к селу. А когда будущее представляется туманным и опасным, уходить хочется ещё меньше...

Миена вздохнула и побрела вниз по склону, по направлению к полю. Погружённая в свои мысли, она совершенно позабыла о кружной дорожке, а когда услышала у трактира голоса, сворачивать куда-либо было уже поздно: огороды здесь находились почти вплотную друг к другу, не протиснешься.

Хуже всего было то, что говорили двое, стоявшие на улице. Один — местный вышибала, его Миена видела уже не раз. Другой — коренастый тип в чёрной куртке. Видимо, вышел подышать свежим воздухом, а заодно и покурить. В трактире, конечно, тоже можно было курить сколько угодно, но у типа слишком уж вонючее было курево, и наверное, кто-то попросил его не дымить отравой. А может, он сам решил. Вышибала, скорее всего, просто увязался за компанию...

Пройти, что ли? Подозрительно, конечно, но спрашивать, что она здесь делает, они вряд

ли решатся, а если и расскажут ловцам об этой встрече, ей уже будет всё равно...

Миена почти решилась, когда услышала, как курильщик, сплюнув в снег, заметил:

— На самом деле, ловец — неплохая работёнка... Платят хорошо.

— А риск? — боязливо спросил вышибала. — Всё-таки известно, нет на земле твари страшнее некроманта...

— Всё наша жизнь — сплошной риск, — философски заметил курильщик.

Некромантка стояла у самой кромки света, боясь пошевелиться и выдать себя. Заметит кто краем глаза — и, может быть, убежать-то уже и не получится...

«Ничего, — пыталась успокоить себя девушка, — немного помёрзну, пока они не уйдут — и дёру... Всё равно дом пока зачарован, и не всякий, даже маг, сможет найти туда дорогу».

— Наука не стоит на месте, — говорил меж тем курильщик, — и ей надо доверять. Особенно магической науке, вы понимаете. Да, некроманты — самые сильные из магов. Но если у светлого мага есть голова на плечах, он сможет одолеть эту силу. И сейчас такие, светлые, с головами на плечах, работают, чтобы облегчить нам задачу. Тем более принципы заклинаний у них в большинстве своём одни и те же... Мне объяснял один умелец, изготовитель моего кинжала: если надавить на правильный рычажок, сломается даже очень мощное заклятие...

— Кинжала? — не понял вышибала.

— Ну да... Но не совсем обычного, конечно. Это сильнейший артефакт, который как раз такие рычажки и дёргает. Сколько бы ни пряталась ваша девочка, сколько бы зверюшек ни погубила, сколькими бы заклинаниями не обвешалась — выкурим мы её завтра из норки...

«Шиш вам, — зло подумала Миена. — Завтра нас тут уже не будет...»

Эх, забрать бы сейчас тот кинжальчик в качестве военного трофея! Но нельзя, нельзя: наверняка товарищи этого курильщика по отряду сейчас в трактире — расслабленные от еды и плохонького горкинского вина, но всегда готовые отреагировать на любой посторонний звук... Да и пускай думают, что Миена сидит в своём зачарованном доме, ни о чём не подозревая. Это даст им с Аряной несколько часов форы.

Оставалось одно — ждать. Хорошо, что пальто тёплое и не продувается, а то окоченела бы тут уже. Жаль только, не удалось больше услышать ничего полезного: пофантазировав о том, как они будут её «выкуривать», мужчины стали обсуждать, достаточно ли уже промёрзли окрестные водоёмы, чтобы можно было рыбу ловить, не рискуя пойти ко дну, и встал ли уже лёд на Вее, потому что там, дескать, самый хороший клёв.

«Не встал, конечно, — хмуро подумала про себя Миена, чей отец был рыбаком, и которая прекрасно знала своенравный характер главной вистанской речки. — Но вы рискните, на всякий случай. Это лучше, чем некромантов травить».

Когда они ушли, Миена почти бегом прошла перед трактиром, стараясь держаться подальше от освещённых окон. К счастью ей удалось слиться с другим пятном темноты, когда дверь трактира снова скрипнула. Девушка замерла, словно ей выстрелили в спину, хотя понимала, что теперь её вряд ли кто увидит.

— Хорошо здесь... — раздался женский голос. — Тихо.

— Когда отловим положенное число некромантов, купим себе дом в какой-нибудь похожей деревушке, — тут же отозвался мужчина, в голосе которого прозвучала усмешка. — Хочешь?

Женщина залиvisto рассмеялась.

— Ты же знаешь, я там с тоски сдохну... Так, подожди.

Обеспокоенность, внезапно разбавившая этот весёлый голос, не сулила Миене ничего хорошего.

— Что? Ты что-то чувствуешь?

— Кажется, да... Как будто присутствие. Мне нужен Источник. Пойду возьму свечу.

Этого только не хватало.

Эта женщина — маг! Маг, Источником для которого, по всей видимости, является огонь. А некромантка все силы уже потратила на то, чтобы замести следы, и защититься теперь не сможет.

Миена в панике завертела головой. Да, конечно, зимой некроманту работается лучше, чем в любое другое время года. Заклинания становятся сильнее, обряды проводятся легче. Но зимой есть одна большая проблема: всё, что можно быстро принести в жертву, спит. Спят насекомые, птицы, спят растения, спрятав корни под покрытую снегом землю. Поэтому найти что-то, с помощью чего можно прикоснуться к Источнику, невероятно сложно.

Сложно — но возможно. Особенно если ты была хорошей ученицей и внимательно слушала преподавателя по боевой некромантии. В Пороге этот предмет вёл старичок, ветхий, как многовековой фолиант. Не заснуть на его лекциях считалось подвигом, однако Миена, мечтавшая быть самой сильной, жадно впитывала любую информацию.

«Помните, что в критической ситуации думать почти невозможно, — скрипел старый маг. — Но вы — творцы чудес! Это заложено в вас, иначе вы бы не смогли попасть в нашу школу. Вы чувствуете Источник, даже когда не обращаетесь к нему. Главное — слушать себя, свою сущность. То, что сидит внутри вас, никогда не врёт. Мгновения, чтобы прислушаться, у вас может и не быть, и тогда вам останется лишь уповать на удачу, помощницу храбрых!.. Но если у вас это мгновение есть — слушайте. Чувствуйте. Если вы правильно используете миг спокойствия — в следующий миг вы уже сможете правильно действовать...»

Миг спокойствия у Миены был.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Чувствуй, приказывала себе она. Чувствуй Источник...

Жизнь оставалась не только под глубоким снегом. Она могла быть гораздо ближе. Миена хорошо это знала, потому что однажды в детстве скovyрнула кору старой ивы — и обнаружила там кладку яиц каких-то насекомых. Выглядело это отвратительно, но зато так впечаталось в память, что теперь услужливо возникло перед внутренним взором.

А ведь не только яйца можно найти под корой.

И ещё, конечно, есть куколки, уснувшие на ветках, птицы в дуплах, бабочки в щелях на чердаке. Все они не так уж далеко. И все они находятся на грани между жизнью и смертью, потому что стоит только разрушить их убежище — они будут обречены.

Если Миене повезёт — она почувствует...

В очередной раз, но уже более осознанно, она огляделась, стараясь различить оттенки темноты: чёрные силуэты, вырезанные на ночном полотне. И увидела — всего в паре шагов от себя — небольшой пень.

Некромантка глянула через плечо. Возле крыльца — видать, только что спустился по двум разохшимся ступенькам — стоял мужчина и настороженно осматривался, словно пытался прозреть насквозь ночную темень. Высокий, с заросшим чёрной щетиной лицом. Куртка расстёгнута — видать, просто накинул, не собирався надолго выходить. А на куртке, хоть отсюда и не видно, наверняка вышита лапа...

Но это-то плевать. Главное, что он не маг. А пока та женщина найдёт свечу, палочки си... У неё есть ещё пара мгновений. И если их не хватит — значит, пиши пропало.

Значит, должно хватить.

Миена бросилась к пню, смела с него слой снега и стянула рукавицу. К счастью, пень оказался в достаточной мере стар и трухляв, но ковырять голыми пальцами промёрзшие щепки всё равно было не ахти каким удовольствием.

Она почувствует, она поймёт. Она ощутит отпечаток смерти. Это должно быть почти так же, как было с замерзавшей в лесу Аряной. Это должно быть легко...

И вот, наконец — лёгкое дуновение Маромира...

— Подержи-ка.

Миена резко повернула голову, и увидела, как девушка, в такой же куртке, как у мужчины, с густыми каштановыми волосами до лопаток, вручает коллеге-ловцу толстую восковую свечу, а сама стаскивает крышку с деревянного футляра с палочками си.

Некромантка зажмурилась, нащупывая пальцами левой, не исцарапанной, руки что-то ещё живое, но уже обречённое. Сосредоточилась. Надавила. Шёпотом произнесла несколько марских слов, воображая, как вокруг неё сплетается кокон.

Огонёк свечи медленно, как бы нехотя, вплёлся в зимнюю ночь, вытянулся. Пальцы девушки перебрали по самому краешку пламени, словно нажимая невидимые клавиши.

— Да откроется мне тот, кто прячется в ночи... — произнесла магичка неожиданно хриплым голосом. Как и все маги, которые не были связаны с Маромиром, заклинания она читала на родном языке, на котором говорили все в Явомире — и не только. — Хм... Ты знаешь, мне померещилось. Кажется... Но я пройду ещё, на всякий случай.

Однако ждать, когда она будет «проходиться», Миена не стала. Стараясь не выдать себя ни едином звуком, она быстро двигалась вдоль заборов, не спеша выходить на открытое пространство. Да, пускай она отвела глаза возможным преследователям и сделала глуше собственные шаги, но Миена сейчас была отнюдь не в том положении, чтобы полагаться на собственную магию. Непонятно, сколько продержится заклинание, энергией для которого послужила такая ненадёжная жертва. Да и про долг Маромиру не стоит забывать...

Некромантка бежала через поле во всю прыть, обернувшись только на опушке леса. След в след за ней никто не мчался — но не факт, что её не видели. Скорее, скорей... Миена бросилась в гущу деревьев, и замедлила шаг только тогда, когда почувствовала лёгкое сопротивление воздуха: это собственные чары воспринимали её как «свою», включая в клочок пространства, куда не было хода чужим людям. И ещё Аряне — но именно поэтому девчужке и было велено не ходить дальше старой раздвоенной сосны, чтобы не заблудиться и не потерять дом. Впрочем, Аряна, ещё не полностью отойдя от ранения, вообще совалась на улицу редко, предпочитая заниматься хозяйством или чтением Миениных книг.

Вбежав в сени, Миена сразу расстегнула пальто: пока бегала, стало жарко.

Аряна сразу поняла, что что-то случилось. Фонарь выхватил из темноты встревоженные глаза, девочка встала с табуретки, на которой поджидала хозяйку дома.

— Боюсь, наследила я... — выдохнула Миена. — Если повезёт, то сегодня они не поймут, что я была там, и не пойдут за мной. Но они уже здесь, Аряна. Ловцы в Горкино.

Девушка ахать не стала; лишь слегка попятилась, словно опасность уже подошла вплотную. Миена схватила её за руку и качнула головой:

— Некогда бояться... Пошли в сарай. Для заклинания верной дороги курица будет надёжнее улиток... Хотя всё равно сунь мне пару штук в карман, на всякий случай. И себе

Тоже.

Чтобы не пугать видом крови добросердечную селянку — Миена надеялась, что достаточно добросердечную, чтобы та не бросила на произвол судьбы её козочек — курицу пришлось вытаскивать во двор, оглашая окрестности её возмущённым кудахтаньем. Когда кудахтанье стихло, и зимняя ночь проглотила очередные марские слова, Миена закидала снегом кровавую лужу, и топор заодно: прятать его, а тем более чистить, было некогда. Нетерпение росло в ней: заклинание, вкупе с обострившимся чувством опасности, торопило, гнало вперёд.

И они пошли вперёд. Протяжно пропела вслед петля калитки, заскрипел снег под ногами. Месяц спрятался. В мутном небе цвета чернил нет-нет да проглядывала звёздочка, на которую не хватило клочка облака. Однако Миена и Аряна почти не смотрели наверх. Кончился небольшой лесок возле Горкино, потом луг, продуваемый ветром, и начался другой лес. Он был старше, темнее и как будто ещё тише предыдущего. Сосны возвышались над беглянками, как серые пирамиды.

Некромантка шла, словно хищный зверь по следу, не ощущая усталости, доверившись инстинкту — то есть заклинанию. Девочка спешила за ней, тяжело отдуваясь, но не жалуясь. Как будто тоже чувствовала, что им вот-вот наступят на пятки. Но в конце концов всё-таки не выдержала:

— Долго нам ещё?

Миена остановилась, обернулась. Оранжевая лужица света вытекла на снег из её переносного фонаря, легла ровным кругом между девушками.

— А ты долго шла из Тиугара? — Получилось не особенно внятно: замёрзшие губы едва двигались. Мороз вообще действовал на Миену не самым лучшим образом: бледная и слишком тонкая от природы кожа покрывалась красными пятнами, а потом, в тепле, наверняка начнёт шелушиться. Миена отлично знала об этой своей особенности ещё со времён зимней рыбалки, когда она с отцом и Менгом полдня просиживала у полыньи.

— Несколько часов... — выдохнула Аряна. Ей мороз лишь слегка прибавил румянца, даром, что городская жительница. — Но я была ранена и не знала, куда иду...

— То место, куда мы идём, дальше, чем Тиугар.

— А... что это за место? Где?

Миена пожала плечами:

— Я не знаю... Заклинание знает. Но если ты устала, можем сделать небольшой привал. Только не будем разжигать костёр. Просто перекусим быстро и пойдём.

Они поставили фонарь на снег, сели на ствол упавшего дерева. Достали по краюшке хлеба. Сейчас, выдохнув и слегка отвлёкшись от завладевшего ею заклинания верной дороги, Миена почувствовала, как на неё навалился лес. Со всей своей тишиной — морозной, хвойной; со всеми своими деревьями — толстенными, старыми, разлапистыми. Девушка сама себе показалась хвойной иголкой: чем-то маленьким, незначительным, чем-то, что эта грозная стихия леса может вмиг раздавить. А где-то там, за деревьями, наверняка приюхивался какой-нибудь особенно голодный волк...

Но это ничего. У неё есть улитки, она сможет отогнать зверя, если тот попытается сунуться к ней или Аряне... Впрочем, лучше об этом пока не думать. Отец учил не вспоминать о водяном, когда сидишь в лодке, иначе тот непременно вынырнет; Миене

почему-то казалось, что с волками тоже так.

— Послушай, Ми, — внезапно произнесла девочка. Имя своей старшей подруги она сократила уже давно, и та, хоть и не сразу, смирилась. — Я всё пытаюсь понять, как так получилось, что новый король отдал такой приказ. Ведь есть закон о том, что нельзя убивать людей.

Миена помрачнела.

— Есть, — сказала она.

— Получается, король сам не соблюдает свой же закон. И люди это видят. Почему они его поддерживают?

— Они считают, что он прав.

Миена укусила хлеб, хотя от этого разговора ей вообще расхотелось есть.

— Как он может быть прав, если нарушает закон? — упрямо спрашивала Аряна. Она к своей краюшке даже не притронулась. — Почему они этого не видят?

— Может, и видят... — невнятно отозвалась Миена. Потом проглотила разжёванный кусок хлеба и добавила: — Но ты же сама сказала: они боятся.

— Что, все боятся? А ловцы? Ты же видела, среди них маги. И те, кто напал на Порог не выглядели такими уж напуганными.

— Ловцам за это платят.

— И что, деньги важнее наших жизней?

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — вздохнула Миена. — Я знаю не больше тебя. Даже меньше.

— Но ты старше. Может, ты понимаешь что-то, чего не понимаю я. — Голос Аряны дрожал от едва сдерживаемого гнева, она говорила всё громче и громче. — Потому что я не понимаю. Я не понимаю, почему я торчу ночью зимой посреди леса с едва зажившей раной в боку! Я ничего никому не сделала, ничего не нарушала! В Пороге были ребята помладше меня — они вообще погибли!

— Да от меня-то ты что хочешь?! — не выдержала Миена. — Можно подумать, я в восторге от того, что происходит!

— Я хочу, чтобы ты меня научила. — Аряна неожиданно успокоилась. — Я хочу владеть самыми сильными заклинаниями. Я кое-что успела почитать в твоих книжках, но этого недостаточно.

— Я и так тебя учу, — проворчала Миена. — Потихоньку. Но ты ведь понимаешь: я не зря провела в Пороге восемь лет. Некромантия — сложнейшая наука. Один марский язык мы учили три года!..

— Мне не нужен весь марский язык. Только самые необходимые слова.

— Они все необходимые... — растерянно отозвалась Миена. — И потом, чтобы выучить сильные заклинания, нужно сначала выучить те, что попроще. Нужно идти от простого к сложному, понимаешь? Это естественно для любого процесса обучения...

— Но ты же видела, я провела обряд на жертвеннике. Да, с твоей помощью — но у меня всё получилось! В следующий раз и без тебя смогу. А ведь я знаю, что обряды только на третьем курсе начинают разбирать.

Миена не спешила на это отвечать. По правде говоря, способности Аряны её удивляли, если не сказать восхищали. Пусть и с поддержкой, но проникнуть на Большой Берег с первого раза — выдающееся достижение, не говоря уже о том, чтобы во время обряда на воде не только почувствовать опасность, но и увидеть её. Чувствовать в таких случаях — это

тоже навык, который нужно развивать. Нужно уметь останавливать поток мыслей, погружаться в определённое состояние. Далеко не каждый способен без тренировки довериться трансу, в который входит некромант в подобных случаях.

— Я думаю, это всё-таки неправильно, — убеждённо сказала, наконец, некромантка. — Во-первых, я сама не учитель, а во-вторых, это попросту опасно. Магия — определённая нагрузка для организма, и нужно его постепенно готовить, а не сразу подвергать...

— Да тебе просто лень со мной возиться! — выкрикнула Аряна, вскочив на ноги. Нетронутая краюшка полетела в снег. — А какой у меня выбор есть, скажи? Нет, ну ты скажи, а?!

Миена хотела было так же резко ответить, но призадумалась. А и правда, какой? Некромантов сейчас сажают или убивают. И не факт, что не убивают после того, как сажают. Что делать двенадцатилетней девочке, которая успела передать свою кровь жертвеннику? Как-то жить дальше. Но как?..

— Выбор есть, — медленно произнесла Миена. — Не колдовать. Вообще. И ждать.

Аряна презрительно фыркнула и хотела было ещё что-то сказать, когда в лесу вдруг коротко, словно просто обозначая своё присутствие, взвыл волк.

Миена тоже вскочила, выронив хлебный огрызок, и нащупала в кармане улитку. Пока через варешку, просто убеждаясь, что та на месте.

— Пойдём-ка отсюда, — сказала она почти шёпотом.

Аряна не стала спорить.

***

Солнце было похоже на ярко-розовую бусину, укутанную несколькими слоями белоснежной парчи. Под сенью деревьев поле, который только что перешли Уртан, Кантея и остальные члены отряда, представлялось волшебным озером. Солнечным, сизо-белосеребристым. Это Кантея так сказала, что озеро; Уртан же, который всю жизнь провёл на Вее, видел озёра лишь пару-тройку раз, и помнил их недостаточно хорошо, чтобы соглашаться или не соглашаться с невестой.

— Дай-ка кинжал, — сказала Кантея Карвану.

Тот глянул на магичку и недовольно выпятил толстую нижнюю губу. Конечно, не нравилось ему, ювелиру в третьем поколении, что им помыкает какая-то девчонка! Но сам виноват: если не можешь сделать побрякушки, при виде которых не скривится действительно разбирающийся в драгоценностях покупатель, то изволь слушаться мага. Потому что ты член отряда и зарабатываешь себе на хлебушек с маслом, а значит, должен соблюдать правила.

Уртан же только улыбнулся. Кантея всегда такой была, с детства. Даже со взрослыми она быстро переходила на «ты» и словно втягивала их в очередную придуманную ею игру. В ней текла кровь северных воителей, и порядки семьи, где Кантея воспитывалась, плохо воспринимались вистанскими учителями, такими чопорными, словно бы они учили не сельских детей, а каких-нибудь аристократов. Когда Кантея на одном из уроков запальчиво выкрикнула, что её уважение сначала нужно заслужить, её поставили в общей комнате на горох, чего никогда прежде не делали с девочками. И ничего, простояла, дочь грозных завоевателей, до самого вечера, ни слезинки не уронила! С тех пор мало что поменялось. И конечно, бесталанный ювелир был далёк от того, чтобы к нему обращались почтительнее, чем к мальчишке на побегушках!

Мальчишка, кстати, в их отряде тоже имелся. Звали его Миклад. Впрочем, он был не

совсем мальчишка — юнец. Лет шестнадцать. Вечно насупленный, темноволосый, с неожиданно тяжёлым для его возраста взглядом. Однако кинжал сейчас был именно у Карвана: Кантея боялась, что если будет носить его сама, то он может повлиять на её собственные чары. Дескать, энергия из него сочится и без специальных заклинаний, и лучше не рисковать. Конечно, она могла бы отдать кинжал Уртану, однако о своих отношениях они не распространялись, а на небрежно брошенный ею вопрос о том, кто понесёт кинжал, Карван отозвался первым.

Делать было нечего. Пришлось расстёгивать тулуп и лезть за ножнами. Протянув кинжал Кантее — остриё при этом было направлено на магичку, в то время как изящная тёмно-синяя рукоятка оказалась повёрнута к ювелиру — Карван стал выглядеть ещё более недовольным. Кантея не заметила, что ей передали кинжал неправильно — такие мелочи её не могли занимать по определению. Особенно когда она была занята делом.

Несколько слов, произнесённых шёпотом, которых Уртан не услышал — и вот уже клинок воткнулся в голубоватый снег. Тут же подул ветер; в тишайшем, доселе неподвижном лесу поднялась белая позёмка, согнулись к земле голые ветви кустов. Белый вихрь закрутился вокруг кинжала, наматываясь на него. Щуря слезящиеся глаза, Уртан увидел, что вихрь вскоре перестал быть белым от снега и потемнел, посерел... а потом вдруг сделался прозрачным — и всё закончилось. Утихла стихия, и о её внезапной вспышке напоминали лишь белые нашлёпки снега на сосновых стволах, которых прежде не было.

— Вот она, тёмная сила... — прошептал Такир — широкоплечий молодец с густой бородой каштанового цвета. Про него Уртан знал только, что когда-то этот тип был охотником, только охотился на зверей, а не некромантов. Видимо, решил подработать, пока действовал запрет на промысел лесного зверья.

— Да... — потрясённо выдохнул Карван.

Мальчишка промолчал. Уртан тоже. Тёмная сила... Нашли очередное подтверждение тому, что им втемяшили в голову. На самом же деле — просто такой эффект. Не факт, что если с чарами той же Кантеи подобное проделать, они будут выглядеть по-другому. Может, такими же серыми — откуда им знать? Но об этом никто не задумывается, сразу поворачивая любой факт против некромантов. И дальше будет только хуже.

Если бы не тюрьма, которую Уртан променял на эту работу, вряд ли бы он вообще оказался здесь. Бывшему лодочнику не нравилось, что из-за убийства предыдущего короля стали охотиться на ни в чём не повинных людей. Немножко понимая, как действуют Источники, он никогда не боялся некромантов, и уж тем более не думал, что всех их нужно изолировать от общества. Кантея, которая тоже называла блажь Арбеса чушью, испытывала хотя бы азарт. Уртан же был лишён даже этого удовольствия. Он не понимал, чем и кому могли бы помешать маги, общавшиеся с Маромиром. Да, среди них тоже бывают преступники, как и среди обычных людей. Но неужели к ним относится эта девушка, живущая на отшибе?

— Сейчас мы её найдём, — удовлетворённо произнесла Кантея, поднимаясь на ноги.

***

— И это — всё? — только и смогла вымолвить Аряна.

Они по-прежнему стояли среди леса. Никаких сёл или деревень, никаких признаков жилья — если не считать за таковой добротный сделанный шалаш, который явился им на рассвете. Вусмерть уставшие, со слипавшимися от сна глазами, девушки не сразу отделили заснеженный домик от общего пейзажа, сначала приняв его за большой, странной формы

сугроб.

— Это заклинание... — пробормотала Миена. Она была близка к тому, чтобы разрыдаться. — Прости, Арянка. Видишь, они не хотят давать мне то, что мне нужно. Подсовывают то, что могло бы получиться при меньших затратах...

— Это из-за твоего долга? — хмуро спросила Аряна.

Некромантка не ответила. Ей было тошно от самой себя. Целую ночь идти, выбиваясь из сил, дрожа от страха и холода — и получить в итоге такое.

И это всё она виновата. Убила бы медведя — не было бы таких проблем.

— И что мы теперь будем делать? — поинтересовалась Аряна с раздражением.

— Спать...

— Здесь?!

Миена устало кивнула. Ей уже всё равно было где — главное отдохнуть. Хоть немножко, хоть пару часиков...

— Разведём костёр... Видишь, там кто-то лапника наломал — наверное, этим шалашом обычно пользуются охотники. На лапник положим одеяла, ты поставишь заклинание-маячок... Надо поспать, Арян, иначе мы просто рухнем. И уже никуда никогда не дойдём.

Девочка рычаще вздохнула, но присела и забралась внутрь. Шалаш оказался неожиданно просторным, места здесь хватило бы ещё как минимум на одного.

— Наконец-то отдохнём... — протянула Аряна.

— Отдохнём, отдохнём... — устало отозвалась Миена. — Только сначала тебе нужно будет поколдовать. Доставай улитку.

— Может, лучше белок каких поймать? — проворчала девочка. — Давить этих улиток ужасно сложно, у меня с первого раза не получается. И пальцы потом болят...

Миена вспомнила бельчонка, которого приносила в жертву, будучи в Пороге, содрогнулась и ничего не ответила. Когда они разведут костёр, можно будет следующую жертву сунуть в огонь. Проблема в том, что в таких случаях необходимо держать жертву в руках, а если она будет маленькой, потребуется ещё одно заклинание, чтобы не обжечься...

Через полчаса, окружённые коконом защитного заклинания, девушки спали, завернувшись в одеяла, и взошедшее солнце ничуть им не мешало. По правде говоря, оно почти и не пролезало в шалаш, к тому же путницы легли ногами к единственному выходу.

Когда ранние зимние сумерки, чьё наступление ещё приблизила пасмурная погода, начали медленно оплетать чёрные стволы деревьев, Аряна подскочила, как будто что-то подкинуло её на её ложе. Заклинание-маячок будит не хуже ледяной воды, выплеснутой в лицо спящему колдуну. Девочка об этом не знала, но догадалась, увидев сквозь сиреневый полумрак бредущие меж ёлок силуэты.

— Ми! — шёпотом позвала она. И громче: — Миена!!

Некромантка сначала приняла сидячее положение, и только потом проснулась. Однако увиденное тут же сбросило с неё остатки дремоты.

— Быстрее!

Сразу стало понятно, что одеяла они собрать не успеют. Однако ещё была возможность затеряться, запутать след... Миена надеялась, что по темноте за ними гнаться не будут, а до темноты оставалось совсем чуть-чуть.

Она ошибалась.

Неудобно бежать по снегу. Особенно в длиннополом пальто и с вещами за спиной, когда одну из рук оттягивает фонарь, который, к тому же, они не успели зажечь. Неудобно

бежать, зная, что ты всего лишь отвоёвываешь минуты у неизбежного. Или даже секунды. Зимой страх не помогает, не подстёгивает. Зимой страх — это почти всегда обречённость.

Лес был против того, чтобы некромантки спаслись. Глубокие сугробы делали вид, что они холмики, покрытые тонким снежным покровом, и беглянки то и дело проваливались по колено, а то и по пояс. Высокие кусты, казалось, протягивали к ним голые ветки, стараясь сцапать, удержать. Одна из таких веток расцарапала Миене щёку, и некромантка, плохо понимая, что делает, выудила из кармана платок и прижала к лицу. Как будто это могло как-то помочь.

Когда взвизгнула Аряна, и чей-то голос победно крикнул: «Поймал!», Миена поняла, что это всё. Конец.

Она остановилась, резко развернувшись, и, отбросив платок, стиснула пальцами улитку. Но в тот же миг заметила в свете приблизившихся фонарей, как что-то большое и явно тяжёлое резко подлетает вверх. Тёмные капли брызнули во все стороны, и безжизненное тело рухнуло на снег.

— Только приблизьтесь ещё! — закричала Аряна и стремглав кинулась к подруге. Та диковато посмотрела на юную убийцу и перевела взгляд на девушку с каштановыми волосами, которую сегодня уже видела на пороге трактира. Та медленно стёрла со щеки кровь. А в следующую секунду из груди магички вырывался яростный вопль. Выверенный удар по стоявшему на земле фонарю — так, чтобы тот не погас. И вот уже, мазнув ладонью по огоньку, пылающая жаждой мести магичка бросается в погоню...

Она коснулась Источника. Она характерным образом изогнула кисть. И она явно бежит быстрее Аряны.

Осколки панциря вонзаются в мягкое тело улитки. Пальцы сжимаются ещё сильнее, и кажется, будто они окаменели...

— Кантея, подожди!

Этого, который попытался её остановить, Миена тоже сегодня видела. Она очень хорошо понимала, что потеря товарища по отряду — кажется, того самого курильщика — привела Кантею в такое состояние, что никакие слова уже не смогут повлиять на неё. А сделать что-то мужчина не успеет.

Потому что ему не под силу удержать мага. Потому что ему не под силу остановить смерть.

Если бы у Миены была возможность подумать, она бы, наверное, подобрала другое заклинание. Но куда там было думать!

Валявшийся на земле сук с помощью некромантской силы превратился в кривую, но очень быструю стрелу. Всё произошло так быстро, что Миена и сама не сразу поняла, что она сделала.

Кантея вскинула руку к пробитой насквозь груди, но так и не коснулась её. Миена увидела, как тело женщины оседает на снег, но дожидаться, когда остальные ловцы осознают произошедшее, было некогда.

Аряна отчаянно бросила в оставшихся ловцов что-то невидимое — но, очевидно, промахнулась. Или просто сил на заклинание осталось меньше, чем она думала. Девочка зарычала было от бессильной злобы, но тут Миена сдёрнула её с места и, быстро прошептав несколько марских слов, бросилась бежать.

Конечно, это заклинание не задержит их надолго. Но хотя бы чуть-чуть времени в запасе есть...

О валявшемся в снегу платке, на котором осталась её кровь, она даже не вспомнила.

***

У путешествия, которое начинается зимой, конец predetermined. Сказки Приречья родились не на пустом месте. Люди, которые сочинял их, знали, о чём говорили. И, наверное, теряли кого-то в зимнем лесу. Да, если ты опытный путешественник, если у тебя на хвосте не висит погоня, если ты спокойно перебираешься из одного города в другой и просто решил сократить путь через лес — то конечно, чего тебе бояться? Ты несколько ночей поморозишь бок у костра, ты будешь больше уставать, чем если бы путешествовал летом, но в конце концов придёшь туда, куда тебе нужно. А если ты ещё, вдобавок, и магией владеешь, то дело, считай, в шляпе.

Но героев мрачных сказок обычно загоняют в лес обстоятельства. Они мало понимают в зимних путешествиях — и путешествиях вообще. Они понятия не имеют, где находятся стоянки лесорубов, они смогут развести огонь только при большой удаче. И, скорее всего, за ними по пятам идёт что-то ещё более страшное, чем зимний лес.

За девочками, пробиравшимися ночью по лесу, шла смерть. После того, как они убили двух ловцов, это стало очевидным.

Обсуждать то, что случилось, не осталось сил. Какое-то время они брели в тишине, и снег под их ногами хрустел, как сочное яблоко в чьи-то зубах. Потом начал задуть ветер, и к этому хрусту прибавился лёгкий шелест. Миена знала этот звук: так струилась позёмка. Ею овладела лёгкая тревога, хотя такие порывы ветра ещё ни о чём не говорили. Они могли вскоре и утихнуть совсем...

Но могли и усилиться.

Смутно представляя, где находится ближайшая река, и надеясь, что не потеряла направление, некромантка шла, стиснув зубы, и думая о том, что по реке рано или поздно можно будет выйти к людям — как бы там ни было. К любым людям. К человеческому жилью, теплу, печке, горячей похлёбке и взваре на лесных ягодах... или на чём-нибудь. Погоня не успеет, не успеет, не должна успеть нагнать их. А Миена с Аряной просто отдохнут немножко, погрееются — и пойдут дальше. Возможно, принесут в жертву пару сверчков, живущих за хозяйской печкой, и тогда смогут спрятаться вернее, быстрее... О том, что неведомые пока хозяева могут вообще не пустить их на порог, Миена старалась не думать — как и о том, что сегодня она впервые убила человека.

А порывы ветра становились всё более сильными.

Пусть получится. Пожалуйста, пусть получится, стучала отчаянная мысль в голове девушки. Пусть звёзды сойдутся наилучшим образом, и лес расступится, и появится речка...

Но звёзды никогда не выглядели более далёкими, более равнодушными. Они были чем-то похожи на те, что горят над вечным озером в Маромире. Ярчайшие крошечные точки, выглядывая из-за облаков, не мигая взирали на бесконечность леса, на великанские сосны под снежными накидками и на двух уставших путниц. Миена с Аряной упрямо передвигали ноги, шагая и шагая вперёд, и с каждым шагом надежда становилась меньше...

— Я больше не могу, — сказала Аряна.

Миена обернулась и увидела, что её подопечная бросила вещи на снег и уселась сверху.

— Надо идти, — сказала некромантка. — Ты разве не чувствуешь? Ветер...

— И что? — зло отозвалась Аряна. — Если мы пойдём, он стихнет?

— Нет, но возможно, мы успеем прийти до того, как он станет сильнее.

— Куда прийти? — спросила Аряна.

Миена кинула свой вещмешок рядом, поставила почти бесполезный в данной ситуации фонарь и тоже села. Спрятала лицо в ладонях. Щекам сразу стало теплее от грубого прикосновения рукавиц, лёгким жжением напомнила о себе царапина, однако девушка едва ли это почувствовала.

Арянка права. Всё кончено. Нечего тешить себя надеждами. Они замёрзнут прежде, чем выйдут отсюда. Потому что Миена всё так же беспомощна, как и тогда. Всё так же слаба.

— Эй! — Аряна легонько толкнула её в плечо.

— М?

— Не раскисай. Мы пока живы.

— Я просто греюсь, — невнятно соврала Миена, не убирая от лица ладоней.

Аряна промолчала, как будто поверила. Вообще-то она не видела смысла утешать старшую подругу, но что-то ей подсказывало, что она вроде как должна. Может быть, воспоминание — такое далёкое, что оно было уже почти выдумкой, здесь, в этом лесу, под шорох позёмки — воспоминание о том, как хмурая молодая женщина сидела на краю постели и подносила к её губам ложку с густой горячей кашей. И Аряна потом ещё думала, что когда сосредотачиваешься на том, чтобы проглотить кашу, бок почти перестаёт болеть.

Так они сидели. Может, долго, а может, совсем чуть-чуть. Время как будто пропало, остался только лес, и сосны эти огромные, каждая — как воплощённая легенда о тех временах, когда в этих лесах ещё не было людей, особенно зимой, а были только волки. И ещё оставался ветер. Ветер, который тянул ручейки позёмки и сбрасывал с сосен серебристую пыль...

Миена, когда отняла руки от лица, не сразу поняла, что снег летит не только с сосен. И что в облаках уже нет ни луны, ни звёзд.

— Давай пересядем вон за ту ёлку, — быстро сориентировалась она. — Тогда на нас будет меньше дуть.

Аряна согласилась, что идея разумная. Однако до «вон той ёлки» нужно было ещё добраться. Перед ней, как назло, снег был глубже, сугробистей. Разлапистое дерево стояло, как огромный парус, принимая на себя удары ветра с колючей белой пылью. И снег скапливался, скапливался...

Девушки шли, наклонив головы и по щиколотки увязая в снегу. Стремительно разошедшаяся метель совсем сбила их с толку. Ведь ещё недавно ветер казался почти безобидным!

Ну вот и ёлка, наконец. Здесь ненамного легче, но можно хотя бы дыхание перевести...

— Сеятели разрухи... — вдруг раздалось совсем рядом. Миена в первое мгновение решила, что ей показалось, потому что мужскому голосу просто неоткуда было здесь взяться. — Ну и погода, а!

Фонарь упал на снег. Миена с Арянной дружно попятились от спасительной ёлки и от человека, которого словно принесло сюда недобрым холодным ветром: так внезапно, так невозможно проступила его тёмная фигура в этом снежном мареве.

Миена узнала его. Не по голосу, а по очкам, которых снизу едва тронул рыжеватый блик упавшего, но всё ещё горевшего фонаря.

— Да вы не бойтесь, — благодушно (насколько это было возможно в подобных обстоятельствах) посоветовал парень. — Тому отряду сейчас не до вас, а другие пока ничего не знают... Аряна, меня зовут Корбар. Я друг твоего брата. Тобаль просил меня позаботиться о тебе.

— Надо придумать, как их убить, — шипел Миклад, невидяще глядя в кружку с пивом, к которому он не притронулся, хотя их с Уртаном заказ был сделан ещё полчаса назад. — Сначала подобраться, потом — убить...

— Мы должны были доставить их в замок, — отозвался Уртан. Так тихо, что парень почти не расслышал его голоса среди какофонии трактира, в который они зашли по дороге. По дороге куда — этого он и сам не знал, просто шагал за своим старшим товарищем.

— Они монстры!!

Уртан вздохнул.

— Послушай... Я не хочу больше во всём этом участвовать. Возвращайся назад, последуй примеру Такира. Без мага мы всё равно не воины. Тебя назначат в другой отряд, а я... про меня скажи, что я сбежал.

— Неужели ты не хочешь отомстить? — Миклад тяжело смотрел на него из-под густых бровей.

Уртан ничего не ответил. Нет, он не хотел ни за кого мстить. Он хотел остаться один на один со своим горем.

Конечно, он понимал, что Миена убила его невесту. И, по вере Кантеи, за кровь должна пролиться кровь, иначе убитый не найдёт покоя в посмертии. Но он также понимал, что некромантка просто защищалась. Если бы она не убила Кантею, то была бы убита сама.

Уртан пока не пришёл ни к какому выводу. Как поступать, он подумает потом. Ему нужно время.

Он так и сказал Микладу:

— Мне нужно время. Не думай обо мне. Хочешь мстить — мсти.

— Все некроманты — убийцы, — сквозь зубы цедил паренёк. — Не люди. Ошибка природы. И мы должны вычистить мир от них. Это грязь. Грязь, понимаешь? Ты разве не затем пошёл в этот отряд?

Ошибка природы. Грязь. Не люди...

Уртан вспомнил о платке, который лежал у него за пазухой. Этот платок он зачем-то подобрал в снегу — там, где погибла Кантея. Кровь на нём выглядела вполне человеческой.

И страх этих девушек был очень человеческий.

— Я пошёл туда, чтобы не сидеть в тюрьме, — сказал Уртан. — Меня поймали на контрабанде, и я хотел сохранить хотя бы какую-то свободу. Но сейчас... Если арестуют — пускай сажают обратно. Хотя вряд ли властям сейчас есть до меня какое-то дело.

— Но неужели... — ещё страшнее зашипел Миклад.

— Послушай, у меня погибла невеста. — Уртан впервые за всё время разговора поднял на него глаза. — Мне сейчас сложно принимать решения. Я хочу просто... я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Миклад, который впервые услышал про невесту, сдвинул брови, посопел. Уртан был уверен, что юный ловец сейчас не выдержит, развернётся и уйдёт, сочтя его предателем или слабаком. Однако мальчишка его удивил:

— Я понимаю. У меня недавно мать умерла. Тебе сейчас не до того... Я подожду.

— Чего ты подождёшь?

— Подожду, когда ты придёшь в себя. Если я вернусь без тебя, ты сразу же станешь вне

закона, но пока мы вместе — мы идём по следу некроманток. По крайней мере, для Риквана. А потом, когда ты будешь в состоянии принять правильное решение, мы пойдём за ними на самом деле. И убьём их. Потому что большего они не заслуживают.

Уртан не стал говорить, что ждать Микладу придётся долго. Ему, если честно, было всё равно, что тот будет делать. Хочет таскаться с ним — пусть таскается.

Надоест — сам уйдёт.

***

— Ну, и как же ты собрался о ней заботиться? — Миена, узнав о том, что Источником для Корбара служит отражённый в воде солнечный свет, не скрывала сарказма.

— Выйдет солнце — что-нибудь придумаю, — пообещал Корбар, приплясывая на месте от холода. Делать это было не очень легко — на это раз за спиной мага висел довольно объёмистый вещевой мешок, почти как у Миены, только посовременнее.

— До тех пор, пока оно выйдет, мы успеем тут окоченеть. Сколько ещё осталось до рассвета?

Корбар пожал плечами. Он, кажется, и сам был не рад, что опрометчиво дал обещание другу, не зная, что того вскоре убьют. Чтобы отыскать среди леса двух некроманток, ему потребовались все оставшиеся силы. А ещё кинжал, который он умудрился выкрасть у ловцов. После смерти Карвана и Кантеи те не сразу вспомнили об артефакте, однако магу несложно отвести глаза нескольким людям, пусть и вооружённым.

— Ты хотя бы представляешь, правильно ли мы идём? — спросила Аряна. На рыжего она смотрела с подозрением, потому что не могла его припомнить. Что, конечно, ни о чём не говорило — Тобаль был человеком скрытным.

— По-моему, неправильно.

Миена вздохнула.

— И что теперь делать?.. — Она не обращалась к новому знакомому, скорее, размышляла вслух. Однако тот всё же ответил:

— Я бы предложил попробовать развести огонь. Мы чуть-чуть согреемся, а когда выйдет солнце, я натоплю снега и выясню дорогу к ближайшему селению.

— Ты в городе вырос? — поинтересовалась Миена.

— Ну, в общем, да, в Тиугаре...

— Оно и видно. Так вот, послушай: развести огонь при таком ветре, при отсутствии сухих дров — практически невозможно. Даже ёлка не спасёт.

— Поэтому я и сказал: попробовать, — ничуть ни смутился Корбар.

— Пробуй. — Она безучастно пожалала плечами. Что толку переубеждать?

— И попробую. Давайте только, помогите мне протоптать полянку.

Девушки принялись усиленно топать, приминая снег. Миена говорила себе, что делает это только для того, чтобы согреться, хотя греться таким способом казалось занятием таким же бесполезным, как разведение огня.

И тут вдруг Аряна ахнула, резко остановившись. Миена с Корбаром повернули головы, проследив за её взглядом... и увидели огонёк. Как будто одна из звёздочек выбралась из пелены облаков и зачем-то спустилась сюда, в сердце зимнего леса.

— Фонарь, — убито сказала Аряна.

Миена не спешила с ней соглашаться. Если их всё-таки выследили — эти ловцы, или другие — то фонарей должно было быть больше. К тому же свет этого огонька никак не напоминал тёплый жёлтый свет, который получается, когда поджигашь масло дерева си.

— Это не фонарь. — Корбар покачал головой. — Смотрите, цвет другой, и оно движется очень плавно... Причём не в нашу сторону, а как бы параллельно.

— Но что это может быть? — спросила Миена, пытаясь проглядеть снежную взвесь.

— А пойдёмте-ка посмотрим. — Воодушевление, звучавшее в голосе Корбара, заставило Миену поморщиться. Если он прошёл тот же путь, что и они, то откуда в нём столько сил, чтобы исследовать неизвестные блуждающие огоньки?!

Чем ближе они подходили, тем яснее проглядывал в ослепительной звезде розоватый оттенок, какой бывает у самых первых летних закатов.

Приближаясь, звезда становилась больше и больше. Она казалась какой-то необъёмной и была похожа на большой солнечный зайчик с розоватым отливом. Эдакий круг, перемещающийся по чёрным стволам. Закрываясь свободной от фонаря рукой от яростно танцующего снега, Миена как будто начала различать что-то в этом кругу. Больше красок, непонятных очертаний, которые изменяются прежде, чем глаз успеваеет ухватить их...

— Быть не может... — потрясённо проговорил Корбар. — Это же Оклегон!

— Оклегон?! — Аряна застыла на месте от изумления.

— Оклегон, Путешествующий Мир... Называй, как хочешь. Итог один: это наше спасение. Пошли. Давайте, скорее, пока он не исчез!

Природа Паутины Миров практически не изучена, и вряд ли когда-нибудь человеческий разум сможет её постичь. Поэтому никто не скажет, сколько всего миров существует, и как они расположены. Маромир, например, как будто находится в каком-то отдельном месте, но дотянуться до него возможно отовсюду — через смерть. А попасть — с любого жертвенника. Причём только некроманту. Оклегон же — самый загадочный среди всех этих загадочных мест. То, что вход в него видят те, кто потерял надежду — конечно, просто совпадение... Хотя кто знает.

А теперь оказывается, что этот вход — большой круг из белого света с редкими розоватыми всполохами. Солнечный зайчик... вернее, лунный. Как пятно света может скрывать в себе целый мир?

Об этом Миена подумает потом — и ответа, конечно, не найдёт. Сейчас же ей нужно бежать, быстро-быстро бежать, разрезая собственным телом тугую вьюгу и стараясь не проваливаться в сугробы...

Аряна отстала ненамного. Когда они обе, взявшись за руки, влетели в сияющий круг следом за Корбаром, на миг всё вокруг вспыхнуло ослепительно белым светом. Тут же мороз прекратил кусать лицо, а ногам стало невероятно легко двигаться.

Когда свет рассеялся, Миена увидела деревья с затейливыми игольчатыми листиками — красными и кое-где — золотыми; а ещё небольшой прудик с ажурным мостиком над ним, белоснежную беседку в отдалении и мягкую траву под ногами, изумрудно-зелёную, с вплетённой в неё осенней листвой.

— А люди-то где? — как ни в чём не бывало, спросил Корбар.

***

Существ, живущих в Оклегоне, было принято называть людьми, потому что ничем от обитателей Явомира они не отличались. Внешне. Да и говорили на том же языке, что и все в Паутине Миров (за исключением, конечно, Маромира). Поэтому проблем с пониманием возникнуть было не должно... по крайней мере, так казалось Миене, Аряне и Корбару.

В парке, где они очутились, никого не было. Расстегнув верхние одёжки — в Путешествующем Мире царила осень — все трое осторожно брели, куда глаза глядят, в

надежде, что парк когда-нибудь кончится. Так и случилось. Ограда проступила в осеннем мареве стройными чугунными пиками, такими высокими, что они куда уместнее бы смотрелись возле тюрьмы. У распахнутых ворот стояла небольшая будочка, в которой дежурил смотритель. На взгляд Миены, пустому осеннему парку в роли сторожа куда больше подошёл бы какой-нибудь невысокий усатый старичок. С одним таким она была знакома в Тиугаре.

Но из будочки навстречу пришельцам из Явомира вышел высокий широкоплечий мужчина в бесформенном одеянии до пят — тонком, но, судя по виду ткани, тёплом.

— Добрый день, — церемонно произнёс Корбар, — подскажите, пожалуйста, где у вас принимают гостей из других миров?

Мужчина, чьё лицо и без того нельзя было назвать приветливым, чуть склонил голову набок, изучающе глядя на гостей Оклегона, и пожевал губу. Потом изрёк:

— Пойдёмте.

Недоумённо переглядываясь между собой, явомирцы отправились за своим провожатым.

Холодное солнце купалось в лужицах, дробилось в чисто вымытых стёклах и чуть тускнело на матовых поверхностях здешних домов. Их стены вобрали в себя цвета песка всех оттенков: мокрого, подсохшего, и того, что почти выщел под солнечными лучами. Иногда попадались белые, чёрные или кирпично-рыжие, ничуть, впрочем, не выбиваясь из общей гаммы. За домами, в конце какой-то широкой улицы, в какой-то момент вдруг выросли скалы — они были, скорее всего, за чертой города, но всё равно казались невероятно близкими. Прежде Миене никогда не приходилось их видеть, и зрелище немножко её испугало.

Этому городу очень шла осень. Здесь она была краснее, чем та, к которой привыкла некромантка, и редкие жёлтые листья лишь подчёркивали сплошной багрянец деревьев. Улицы под ногами были песчаные, с примесью мелких камушков. Пару раз по пути встретились круглые, похожие на большие яблоки, кареты, в каждую из которых были впряжены кошки огромных размеров. Собственно, лошадиных. Наверное, привычных для Явомира лошадей здесь не водилось...

Нечастые прохожие, хоть и косились на некроманток с Корбаром, старательно делали вид, будто ничего особенного не происходит. Все они, как и сторож в парке, носили длинные одеяния навроде шерстяных накидок — коричневые, серые, цвета красной глины; очень редко — чёрные. На головах у некоторых женщин красовались маленькие плоские шляпки без полей. Всё здесь было так удивительно для иномирца, что путники, постоянно оглядывавшиеся по сторонам, не сразу осознали, куда их привели. Только очередная ограда — точь-в-точь такая же, какая была у парка — насторожила Миену. Потом она увидела у ворот двух мужчин в одинаковых серых накидках с ромбообразными нашивками, тонкие копы в их руках, а за оградой — красно-коричневое здание с зарешеченными окнами.

Корбар опомнился первым:

— Это что, тюрьма?!

Он отшатнулся было, но один из охранников поднял свободную руку, и Корбара словно кто-то толкнул в спину — парень едва устоял на ногах. Миена и Аряна от неожиданности отскочили в разные стороны, но тоже натолкнулись на невидимые преграды. Уплотнение воздуха — этот трюк в Явомире умеет делать каждый обученный маг. Здесь, видимо, тоже.

— Благодарим, что привели их, — церемонно произнёс колдовавший стражник и

поудобнее перехватил копьё. С вязью неизвестных символов, вырезанных на тонкой древесине, и с изящным наконечником, блестящим в лучах осеннего солнца, оно мало напоминало боевое оружие и куда уместнее смотрелось бы в доме коллекционера. Да и наконечник-то был, кажется, серебряный...

— Рад был оказаться полезным, — буркнул угрюмый сторож парка, после чего развернулся и неторопливо пошёл по шелестящей дорожке обратно.

— На каком основании нас арестовали? — резко спросила Миена, слегка выйдя вперёд. От страха у некромантки тряслись поджилки — но тем увереннее звучал её голос.

— Пожалуйста, пройдёмте со мной, вам всё объяснят, — последовал ответ.

— А кто вам сказал, что мы собираемся куда-то с вами идти? — поинтересовался Корбар, тоже выступая вперёд. В одной руке он держал шапку, пальцы другой скользнули в маленькую лужицу на столбике ворот, золотую от солнца. Рыжие волосы, которые были убраны назад в небольшой хвостик, взлохматились — видать, неплотно завязал ленту — и вид мага имел одновременно комичный и устрашающий.

— Пожалуйста, воздержитесь от колдовства. — Стражник поудобнее перехватил копьё. — Не вынуждайте меня применять силу. Пока могу сказать только то, что сейчас задерживают всех подозрительных личностей. Особенно из других миров...

— Да мы только что прибыли сюда! — возмутилась Миена. — И при всём желании не успели бы ничего натворить!

— Разбираться будем не мы. Пройдёмте со мной, для выяснения обстоятельств. И не пытайтесь бежать.

Он не стал говорить, что будет, если его послушаться, но проверять никому не захотелось. Мрачно переглянувшись, явомирцы последовали за ним.

***

В небольшом кабинете, который своей квадратностью и древесностью неприятно напомнил Миене учительскую Порога, явомирцев встретили сразу двое человек, в тех же серых с нашивками накидках. И тоже с копьями.

— Садитесь, — сказал один из них, когда часовой отправился на свой пост.

Сесть полагалось на небольшую скамеечку у стены. Миена села, до боли выпрямив спину, Аряна скрестила на груди руки, неприязненно глядя на служителей закона. Пристроившийся с краю Корбар выглядел вполне себе спокойным — что, впрочем, могло не означать, что он спокоен на самом деле. Хотя маг даже пробормотал что-то насчёт того, что рессы могли бы и какую-нибудь тряпочку постелить на скамейку, а лучше вообще коврик.

— Явомир, значит, — произнёс всё тот же стражник после того, как незваные гости Оклегона сбивчиво ответили на несколько общих вопросов. Второй, который успел за время допроса сесть за стол, теперь изучающе разглядывал задержанных исподлобья. Копьё при этом, как ни странно, оставалось в его руках. — Доказать вы этого, конечно, не можете...

Для стражника он был как-то мягковат: немолодой мужчина с округлыми чертами лица, аккуратно подстриженными бакенбардами и проседью в светлых волосах. Говорил он негромко, с плавными, под стать жестам, интонациями. Странно было, что именно он из них двоих вынужден был стоять, хотя явно был старше второго.

— У меня есть с собой паспорт, — неуверенно произнёс Корбар.

— Что у вас есть? — вежливо переспросил мужчина.

— Э... документ. Листок, в котором написаны мои данные и стоит печать города, где я родился...

Стражник пожал плечами:

— Я не знаю вашей письменности.

— И что, это наши проблемы? — рассердился Корбар.

— Вы находитесь на чужой территории! — отрезал второй стражник. В его голосе Миене почудилась ненависть, и она испуганно вскинула глаза.

Стражник смотрел на Корбара так, будто хотел поджечь его взглядом. Длинные крепкие пальцы перебирали по древку копья, и в этих движениях девушке почудилось что-то кровожадное. Казалось, этот тип может в любое мгновение перехватить оружие поудобнее, вскочить из-за стола и нанести удар чужеземцу. В широко расставленных голубых глазах, блестевших из-под густых пшеничных бровей, она прочла ту же ненависть.

Всё это было, по меньшей мере, странно. Ведь эти двое не знакомы, никогда не виделись. За что же стражник мог так ненавидеть Корбара? Да, тот, конечно, злится, но это понятно для безвинно арестованного человека...

Но тут он словно устыдился своей вспышки и, опутив глаза, суховато добавил:

— Произошло преступление. Человек, который его совершил, выглядел как иномирец. Поэтому мы сейчас вынуждены задерживать всех иномирцев.

Аряна негромко, но довольно презрительно фыркнула. И Миена могла понять почему. Ситуация была до странности похожа на ту, из которой они пытались выпутаться в своём мире.

«Из огня да в полымя», — подумала некромантка.

— Мы ждём с острова Керкиная господина Ашшу, — сказал пожилой. — Он специалист по Явомиру. С его помощью мы сможем установить, говорите ли вы правду...

— Это каким же образом? — усомнился Корбар.

— Ну, по крайней мере, он сможет прочитать... паспорт. Кроме того, задаст вам несколько вопросов...

— То есть, наша свобода зависит от суждений одного местного специалиста? — поинтересовался Корбар, поправив очки. Жест этот получился у него до странности презрительным. — А кто его назначил специалистом? Он сам?

Миена, не таясь, толкнула мага локтем, однако тот даже головы не повернул. Смотрел он на пожилого, с которым разговаривал — а некромантка поглядывала на стражника, сидевшего за столом, потому и тревожилась. Тот буквально прожигал рыжего взглядом, а пальцы так вцепились в копьё, что костяшки побелели.

Пожилый вежливо объяснил Корбару, что господин Ашша когда-то сам жил в Явомире, но перебрался в Оклегон. Поэтому, как бы там ни было, без его оценки решить дальнейшую судьбу пришельцев будет сложно.

— А пока, к сожалению, вам придётся посидеть в камере, — заключил стражник.

— В камере?! — на этот раз опешили все трое.

— У нас чрезвычайное положение...

— Из-за одного убийства?! — не мог успокоиться Корбар.

Стражники переглянулись.

— Убит король, — наконец сказал тот, что сидел за столом. — Король Оклегона.

***

В Путешествующем Мире страна всего одна. Он не так уж и велик: если идти пешком по суше, потребуется около года, чтобы совершить кругосветное путешествие. Это Миене с Аряной рассказала женщина, с которой они оказались в одной камере.

— Поэтому, — заключила она, — король у нас всего один. Раньше было несколько государств, шли кровопролитные войны... Но потом нашёлся человек, который всех объединил, и с тех пор люди живут в мире... Жаль только, что тяга к насилию и присвоению чужого в нас неистребима.

Женщина тяжело вздохнула. Невысокая, темноволосая, смуглая, она была ровесницей Миениной матери. Тарина — так она назвалась. Когда девочки спросили, за что её арестовали, выяснилось, что Тарина написала в местную газету статью, в которой призывала не трогать пещеры Красной Горы, где, по слухам, хранятся несметные сокровища.

— Раньше там жил дракон, но он умер. Кости его нашли в скалах Кресского кряжа... И теперь снаряжают экспедицию в пещеры. А я считаю, что нельзя тревожить духов Красной Горы, это может грозить чем угодно, вплоть до конца света... Но какое там! Сокровища же! Нужно пополнить казну! — В луче солнца, сочившемся через зарешеченное окно, было видно, как на смуглой щеке Тарины загорелось алое пятно. Чёрные глаза яростно блеснули. Но так же быстро женщина взяла себя в руки. — В своей статье я позволила себе несколько резких слов в адрес властей Кадарры...

— Кадарры? — переспросила Миена.

— Это самый главный город нашего мира. Здесь дворец нашего короля, Министерский Дом и Чаша Власти.

— Столица... — задумчиво произнесла некромантка.

Тарина слегка нахмурилась на незнакомое слово, но ничего не стала спрашивать.

— Градоправитель Кадарры — фигура очень значительная. Некоторые почитают его больше, чем короля... Именно он организует экспедицию в пещеры. В своей статье я говорила, что он думает только о наживе, а не о безопасности людей. Градоправитель обвинил меня в клевете. У меня отобрали моё издание и отправили в тюрьму. Теперь вот жду суда...

— Ваше издание? — оживилась Аряна. — А о чём ваша газета? Мой отец был владельцем небольшой печатной мануфактуры, выпускал «Голоса науки».

Миена удивлённо покосилась на неё. Прежде девочка очень мало рассказывала о себе. О том, что их с Тобалем отец был учёным, Миена знала, но понятия не имела, что тот ещё и газету выпускал. Наверное, известный человек в своей области... А область у него, кажется, была связана с космосом. По крайней мере, Аряна однажды, разговорившись, призналась, что в детстве без проса бегала смотреть в большой отцовский телескоп...

«Меня всегда притягивало то, до чего сложно добраться, — сказала тогда она. — Звёзды, другие миры, дальние земли...»

— Мы пишем о всяких интересных событиях, которые происходят в Кадарре, — сказала Тарина и горько усмехнулась. — Впрочем, уже не «мы»... «Зеркало» теперь будет работать без меня.

— Но почему же, ведь суда ещё не было, — запротестовала Миена. — Может, для вас изменят наказание...

Тарина печально покачала головой.

— Не думаю. Статья была написана мной, это факт. Моя газета её опубликовала. Наказание определяется пострадавшим — в данном случае, градоправителем. Если суд сочтёт это наказание справедливым, оно подтвердится. А я думаю, он сочтёт, и ни смягчать, ни заменять чем-то не будет. Ещё и что-нибудь своё прибавит... Когда дело касается высокопоставленных лиц, меры всегда жёстче. Престиж власти... У нас с этим строго.

Господин Ашша прибыл через два дня. За это время Миена с Аряной успели привыкнуть к тюремной жизни и даже насладиться ею — по сравнению с ночёвкой в зимнем лесу общая камера казалась почти дворцовыми покоем. Если бы только Миене не снилось тело, пронзённое древесным суком, и блестящие в свете фонаря неподвижные глаза... Но ближе к утру она всё-таки засыпала, и отдохнуть немного удалось.

А потом их вызвали к господину Ашше.

Островитянин оказался человеком пожилым, но крепким, с короткими, почти полностью седыми волосами и кустистыми бровями. Он остановился в доме своего сына, куда в сопровождении полицейских и доставляли иномирцев. Туда же привели отдохнувших Миену с Аряной и хмурого, слегка обросшего за время заключения Корбара. Было это уже под вечер, когда Ашша порядком устал от бесед с остальными пришельцами из Явомира.

— Документы вроде бы в порядке... Вы чем-то похожи на моего сына, юноша, — вдруг сказал Ашша, протягивая Корбару паспорт. — Он тоже рыжий. В маму. Они оба в маму: и Виис, и Трелья... — Он усмехнулся. — Говорите, вы из Тиугара? И как же зарабатываете на жизнь?

— Работа для мага везде найдётся, — уклончиво отозвался Корбар. — По правде сказать, постоянного места у меня нет. Работаю, где приходится.

— Ну а вы, девушка? — Паспорт Миены также переключал к ней.

— Я тоже, — ответила та, подготовившись к этому вопросу. — Решаю проблемы людей с помощью магии.

— И какой же у вас Источник?

— Снег, — не задумываясь, отозвалась некромантка. Кто знает, может, сюда уже как-то просочилось, что в Вистании ведётся охота на некромантов. А признаваться, что ты бегаешь от властей, было бы неразумно.

— Хм... Как неудачно. Полагаю, не много удаётся заработать?

— Если с клиентами везёт зимой, то на год хватает. Мне много не надо, я живу в деревне, только зимой иногда выбираюсь в город. Там условия лучше.

Аряну, которой документы ещё не полагались по возрасту, представили как Миенину сестру, умолчав о её магических способностях. Корбар на редкость убедительно рассказал довольно-таки бредовую, на Миенин взгляд, историю о том, как они решили зимой отправиться в город пешком, чтобы не тратить деньги на лошадей, взяли с собой всё необходимое, и как раз шли через лес, когда увидели вход в Путешествующий Мир.

— Я часто объезжаю дальневейские деревни, — серьёзно вещал он, — и узнав, что девушки предприняли такой рискованный поход, вызвался их сопровождать... Бедняжки рано остались без родителей, и привыкли полагаться только на себя, поэтому еле-еле взяли с собой в компанию. — Корбар рассмеялся. — Знаете, бывает так, что представляешь себя человеком, вызывающим доверие, а потом оказывается...

Ашша вежливо улыбнулся в ответ.

— Вы понимали, что видите вход в Оклегон?

— Да, конечно, — отозвался Корбар. — Я учился в Королевской Магической Школе и получил отличное образование. По правде говоря, всегда мечтал увидеть Оклегон...

— И нас уговорил, — поддакнула Миена.

— А теперь, наверное, хотите вернуться домой? — спросил Ашша, испытующе глядя на них. Потом обратился только к Миене: — Вы ведь ехали на заработки, не так ли?

— Ну, в общем, да, — осторожно ответила та.

Ашша повернулся к присутствовавшему здесь стражнику:

— Может, хотя бы для них вы откроете Леоволок?

— Боюсь, что нет, — терпеливо отвечал стражник не в первый, видимо, раз. — Пока мы не найдём убийцу короля Свеста, мы не сможем его открыть.

Явомирцы переглянулись друг с другом.

— Простите, — решила, наконец, Миена, а Леоволок — это...

— Портал в другие миры, — тут же отозвался Ашша. — Там уже целая очередь скопилась, насколько я успел узнать у Вииса. Он сам давно хотел посетить Амирту...

— Ничего себе! — присвистнул Корбар. — Слышал о ней. Если мне не изменяет память, это мир, где каждому человеческому существу соответствует дракон?

Ашша смерил мага взглядом, который показался Миене чересчур пронизывающим, почти неприятным:

— Вы хорошо осведомлены.

— В тюрьме нам сказали, что здесь тоже жил дракон, но недавно умер, — вдруг поделилась Аряна.

— Да, — кивнул стражник, — он жил в пещере Красной Горы. А когда-то была ещё драконица, но несколько лет назад погибла где-то над дальним хребтом... У нас начали поговаривать, что якобы дракон был в неё влюблён и издох от горя.

Стражник усмехнулся и поудобнее перехватил копьё.

— Да, прискорбно, — пробормотал Ашша. — В общем, мне очень жаль, ребята, но придётся вам подождать.

— И за чей счёт мы будем здесь жить? — мрачно спросил Корбар.

Ашша глянул на стражника, и тот несколько смущённо ответил:

— За счёт государства. Правда, условия не очень хорошие, но...

— Но выбирать нам не приходится, верно? — закончил за него Корбар.

— По крайней мере, у нас теперь отдельное жильё, — заметила Миена на следующее утро, глядя сквозь прутья решётки на тюремный двор и улицу за воротами. — И можно ходить, куда хочешь. И ловцы на хвосте не висят.

— Ну да. А этот вообще прекрасно устроился, в одиночной камере, — проворчала Аряна. — Слышала, его хотели подселить к другому явомирцу? Так нет, отдельные покои ему подавай...

Миена обернулась. Её младшая подруга лежала на кровати поверх покрывала, закинув руки за голову, и буравила взглядом низкий потолок.

— Тебе он не нравится? — спросила некромантка.

— Мне вообще люди не нравятся.

Миена вздохнула. Она была бы рада помочь девочке начать смотреть на мир немного проще и дружелюбней, но не знала, как это сделать. Да и обстоятельства не способствовали.

Сама Миена ещё не до конца определилась в отношении их нового знакомого. Пока она только понимала, что у него есть голова на плечах, и что он отлично подстраивается под обстоятельства. В той ситуации, в которой они втроем оказались, всё это было весьма кстати. А что будет дальше...

— Хе-хей, девчонки! — донеслось из-за зарешеченного окна. И, когда Миена подошла, знакомый голос продолжил: — Спускайтесь, прокачу!

— Это он? — мрачно спросила Аряна.

— А кто ж ещё?

Миена задумчиво смотрела на карету с впряжённой в неё кошкой, а также на огненную, вызолоченную солнцем макушку Корбара и его вскинутую в приветствии руку. На стражников у ворот парень не обращал никакого внимания, а те усиленно делали вид, что мельтешение рыжего мага их не раздражает.

— Ты пойдёшь? — спросила Миена. — Он где-то раздобыл коляску с кошкой.

— Нет, не хочу.

Миена нахмурилась, внутренне напрягшись: несмотря на то, что Аряна была младше, что-то мешало ей давать той указания.

— Нам лучше не разделяться в незнакомом мире, — неловко заметила она в итоге.

— Ой, ну ладно. — Аряна нехотя поднялась и ладонью пригладила волосы. Здесь она ни разу не заплетала кос — по её словам, она их терпеть не могла, только в Пороге смирилась, потому что там распущенные волосы не приветствовались. — Пойдём. Тут вроде тепло... надену только свитер.

Миена для прогулки выбрала длинное шерстяное платье. Обувь, кроме зимних сапог, у неё не было, так что пришлось идти в них, заранее смирившись с тем, что ногам придётся жарко.

Они с Аряной вышли в тюремный двор, а затем и на улицу, показав стражникам жетоны, специально выданные всем иномирцам.

Кот в коляску был впряжён красивый, белый с рыжими подпалинами. Слегка задранный хвост чуть двигался над оглоблей вправо-влево, на приплюснутой морде застыло флегматичное выражение. Явомирские кошки, хоть и были мельче размером, вряд ли смогли бы так спокойно стоять на одном месте, дожидаясь понукания. Да и в принципе, чтобы кот

позволил себя запрячь... Да нет, никогда.

Коляска была маленькая, как раз для того, чтобы на единственном сиденье свободно разместилось два человека. На складках сложенного фартука из блестящей чёрной кожи играло солнце, колёса выглядели на редкость чистыми — было видно, что после последней помывки они проехали совсем немного.

— И у кого ты это взял? — настороженно поинтересовалась Миена у сидевшего на козлах Корбара.

— У одной местной аристократки... Очень любезная ресса, любит послушать сказки о других мирах. Ими и расплачивался... Садитесь, не бойтесь.

Корбар тоже сменил бесформенную зимнюю куртку на более лёгкий плащ. Видимо, парень, собираясь в дорогу, не рассчитывал вернуться скоро.

Девушки забрались в коляску. Корбар тронул поводья, и кошка двинулась неторопливой рысцей.

— Интересно, а что будет, если она вдруг перейдёт на бег? — задумалась Аряна. — Они же не как лошади скачут.

— Думаю, коляска перевернётся, — спокойно ответил Корбар. — Но мне рассказали, что эти кошки никогда не прыгают, если их запрячь. Они на редкость умные создания, их даже дрессировать не пришлось... Причём до короля Свеста — того, которого убили — никаких кошек не было. Вернее, были, и жили как будто бы где-то в горах, а потом вдруг пришли и стали помогать людям. Свест первый начал на них ездить, и по его примеру уже все остальные...

Некромантки переглянулись.

— Я смотрю, ты много успел узнать, — заметила Аряна.

— Пообщался с местным населением. Я, видите ли, не люблю сидеть взаперти, а чтобы выбраться отсюда, нужно что-то делать. И прежде, чем что-то делать, следует навести справки...

— Ну, с нами хорошо обходятся... — сказала Миена.

— И что? Животных в клетках тоже кормят и поят. И иногда даже выводят гулять. Я же предпочитаю самому выбирать, в каком мире и как мне жить. Вы ведь понимаете, что пока убийцу короля не найдут, мы застрянем тут, а значит, надо либо самим его найти, либо разобраться, где находится Леоволок и как его открыть...

— В папиных сказках героям, которые попали в Оклегон, достаточно было представить место, в которое они хотят попасть, — вспомнила Аряна. — Будь оно в этом мире, или в другом.

— Как жаль, что мы не в одной из сказок профессора, — весело отозвался на это Корбар. — Впрочем, не удивлюсь, если Леоволок именно так и работает. Вспомните, как вы попадаете в Маромир — для этого ведь тоже нужен настрой...

У Миены ёкнуло сердце и она быстро огляделась по сторонам. Однако улица Кадарры, по которой они ехали, была почти пуста — лишь одинокий прохожий виднелся вдалеке.

— Следи, о чём говоришь, — прошипела некромантка. — И вообще, откуда ты так хорошо представляешь себе специфику нашей работы?

— Я ведь дружил с Тобалем, — напомнил Корбар. — Мы с ним многое обсуждали, и магию в том числе.

— Откуда вы, кстати, друг друга знаете? — спросила Аряна.

— Мы учились в одной школе. Я имею в виду, до того, как стали магами. Правда, тогда

не общались практически, но уже потом...

— Тобаль никогда о тебе не рассказывал.

— А чего обо мне рассказывать?

— Ну... Я не знаю. Просто ты как-то очень уж неожиданно появился...

— Да, обстановочка не располагала к знакомству, — рассмеялся Корбар. — Ничего. Я уверен, что мы подружимся. Пока, по крайней мере, другого выбора у нас нет. А потом я знаю, куда тебя можно спрятать, чтобы переждать...

— Кстати говоря, — перебила его Миена, — тебе не кажется, что самое безопасное место для нас сейчас — именно Оклегон? Я имею в виду, нас с Аряной.

— Нет, не думаю.

— Почему?

— Потому что, во-первых, мы почти ничего об этом мире не знаем, а во-вторых, наша безопасность зависит от милости живущих здесь людей, а не от нашего собственного выбора. У нас здесь нет никаких прав.

— У нас с Аряной их и там нет, — отрезала Миена.

— Там я могу гарантировать, что она будет жива и здорова, а здесь — не могу, — сказал Корбар. — Кстати, про тебя я вообще не говорю. Если хочешь — оставайся. Я позабочусь о ней.

Миена слегка опешила от такого поворота событий, зато Аряна сразу заявила:

— Я без Ми никуда не пойду!

— Хорошо-хорошо, — успокаивающе произнёс парень. — Как скажешь... Ну что, девочки, может, немножко побыстрее поедем? С ветерком, а?

Он обернулся, задорно улыбаясь и блестя очками. Миена пожала плечами, и маг, приняв этот жест за согласие, тряхнул вожжами, вынуждая кота перейти на более быструю рысь.

Улицы изгибались, путались, как нитки в клубке, разворошённом котёнком. Изредка коляска поворачивала на широкую, наезженную дорогу, но вскоре снова приходилось петлять, как в лабиринте.

— Мы не заблудимся? — не выдержав, поинтересовалась Миена у Корбара.

— Нет, у меня обострённое чувство пространства, — не без самодовольства отозвался тот.

Не сказать, чтобы девушку эта фраза убедила, но не останавливаться же теперь и не выпрыгивать из коляски. Да и далековато уже уехали... Ладно, пусть гонит кота вперёд, никакой беды в том не будет. К тому же Аряне, судя по её довольному лицу, поездка нравилась.

Коричные городские кварталы меж тем сменились куда менее презентабельными, но и менее напыщенными окраинами. Здесь стало больше пространства и больше ветра. И скал — ближайшая каменная стена с редкой зелёной мишурой из оклегонского разнотравья ненадолго приковала к себе взгляд Миены. Какое величие ей чудилось в этих каменных наслоениях! Мостовая постепенно перешла в грунтовую дорогу, и коляска стала ехать медленней. Над улицей, на натянутых между низкорослыми домиками верёвках, сушилось бельё. Какой-то лохматый пёс с дружелюбно задраным хвостом увязался было за гостями, но вскоре отстал. Надо сказать, что ездовой кот на этого пса никак не отреагировал. В окне одного из домов показалось лицо какой-то старухи. Миена, заметив его, почти сразу отвернулась, однако чувствовала, что её провожает неприязненный взгляд.

— Может, нам лучше вернуться в город? — нерешительно предложила она, однако её

никто не услышал.

Тут повозка слегка вильнула — Корбар направил её в обход глубокой лужи. С другой стороны лужи, тем временем, шла молодая женщина с большой корзиной, накрытой полотенцем. На женщине была лёгкая яркая накидка, огненно-рыжие волосы были уложены в высокую причёску — скорее всего, уложены служанкой, а не ей самой. Всё в ней, за исключением грубых, заляпанных грязью ботинок, совершенно не соответствовало этим хмурым районам. Будь Миена в Явомире, она бы решила, что это городская жительница, зачем-то пожаловавшая в деревню.

— Трелья, Трелья! — внезапно разорвали осенний воздух детские голоса.

Девушка на другом берегу лужи остановилась, и Миена увидела, как из ближайшего дома выбежали двое ребятшек: белобрысый мальчик и такая же девочка, постарше. Они были в коротких, до колена накидках и босиком, словно остывшая осенняя земля, успевшая пропитаться дождями, была им нипочём.

— Дай пирожка! Ну дай пирожка, а? — загалдели ребята. — Пожа-а-алуйста!

Рыжая рассмеялась и полезла под полотенце. Вскоре на свет появились два вытянутых, словно лодочки, румяных пирожка.

— Вот как знала! Заказала больше, чем нужно для сегодняшних гостей... Держите ещё один, пополам разделите.

— Спасибо!

Дети схватили пирожки и, как только получили желаемое, стали, не таясь, разглядывать заехавших в их район чужаков. Наверное, коты сюда забирались нечасто, а такие пёстрые компании и подавно.

Корбар натянул вожжи.

— Ресса едет в город? — галантно осведомился он.

Девушка обернулась.

— Ты что здесь... — возмущённо начала она, но вдруг осеклась, нахмурившись. Пригляделась и, очевидно, поняла, что приняла возницу за кого-то другого. — Простите, вы кто? И как вы меня назвали?

— В мире, где я родился, рессами называют всех красивых женщин, — поведал Корбар. — Простите мою ошибку, я не учёл, что у вас, в Оклегоне, могут не знать этого слова...

«Вот прохвост», — подумала Миена.

Вообще-то рессами называли всех женщин, а не только красивых. Это было обычное уважительное обращение к собеседнице, так же, как ресс — к собеседнику. Не для всех, впрочем, подходящее — например, та девчушка, которая кидала на приезжих любопытные взгляды, делая вид, что всецело поглощена пирожком, для рессы была пока маловата.

— Так вы позволите вас подвезти? — спросил Корбар. — Вы ведь, наверное, в центре живёте?.. Девочки, потеснимся?

Отказывать было неудобно, хотя Аряна и проворчала что-то себе под нос. Когда Трелья, приняв приглашение, забралась в коляску, юная некромантка оказалась довольно плотно зажата между своими соседками. Из корзины, несмотря на полотенце, так аппетитно пахло свежей сдобой, что Миена невольно сглотнула слюну. В тюрьме кормили неплохо, но всё-таки не пирожками.

Запах почувствовал и сидевший к ним спиной Корбар.

— У вас сегодня гости? — поинтересовался он. — Я слышал, вы говорили ребятам...

— У моего брата, — отозвалась Трелья. Миене показалось, что её голос звучит довольно прохладно. — Мой отец — уважаемый в городе человек. Несколько лет он провёл на Керкинае — врачи посоветовали, там очень хороший климат для тех, кто страдает лёгочным недугом, как он — но сейчас отца вызвали для помощи в одном деле... Я думаю, вы и без меня знаете, раз иномирцы.

— Да, мы имели честь познакомиться с господином Ашшей, — подтвердил Корбар.

Миена вспомнила, что действительно, имя Трельи было ей не совсем незнакомым — его упоминал господин Ашша, когда говорил о своих детях.

— Значит, вам наверняка также известно, что он остановился в доме моего брата, Вииса. И, по случаю своего приезда, надумал собрать гостей. Я, поскольку занимаюсь столом, решила навеститься к одной своей знакомой, у которой всегда покупаю хлеб и пирожки. От дома далековато, конечно, но оно того стоит... А вы давно прибыли в Оклегон? Как вы находите Кадарру?

Она вежливо улыбнулась Аряне и Миене и чуть наклонила голову, имитируя заинтересованность.

Корбар был так любезен, что подвёз их новую знакомую к самому дому, уже известному им после разговора с господином Ашшей. Однако встречать девушку вышел вовсе не отец, а брат. Миена глянула на молодого человека, спешащего к коляске — вероятно, в окно увидел — и вздрогнула. Он был так похож на Корбара, что это почти пугало. Виис отличался тем, что не носил очков, а ещё волосы у него слегка вились, и глаза были не серыми, а зелёными, причём какими-то нездоровыми на вид: все в красных прожилках. Но вообще этих двоих можно было запросто перепутать.

Принимая у сестры корзинку и помогая ей выбраться из коляски, Виис рассеянно поздоровался с некромантками, но взгляд его при этом был прикован к вознице. И неудивительно: не всегда встречаешь свою почти точную копию. На его лице застыло немного испуганное выражение.

— Добрый день! — Корбар расплылся в улыбке и протянул руку. — По-моему, мы с вами являемся доказательством того, что разные миры порой становятся зеркалами друг для друга, вам так не кажется?

— Д-да, возможно, — слегка запнувшись, ответил Виис и пожал протянутую ладонь. Теперь, когда он чуть подался вперёд, Миена уловила запах вина. Неужели ужин уже начался?

Виис извинился и потащил корзину с пирожками в дом. За ним, в очередной раз рассыпавшись в благодарностях перед явомирцами, поспешила Трелья.

— Надо же... — пробормотала Миена, когда брат с сестрой скрылись в доме.

— Интересная парочка, — согласно отозвался Корбар, который не спешил трогаться с места. — Как вы думаете, если мы напросимся на званый ужин, может, нам не откажут?

— Если бы у нас был шанс туда попасть, нас пригласили бы сразу, — заметила Аряна. — В качестве благодарности.

— Это другой мир, у них могут быть другие понятия о благодарности, другие манеры, законы гостеприимства... Может, мы как раз и должны сами напрашиваться? А если и нет, то почему бы нам не прикинуться невежественными чужаками и не...

— Нет, — отрезала Миена. — Я категорически против.

Корбар фыркнул, и некромантка почувствовала, насколько беспомощно это прозвучало. Против она, подумаешь.

— Я тоже как-нибудь без ужина обойдусь, — поддержала подругу Аряна.

— Ну да, твой отец всегда говорил, что лезть туда, куда не просят, некрасиво. — Корбар закатил глаза. — К счастью, я никогда не воспринимал эти слова всерьёз...

— Ты и отца моего знал?! — изумилась Аряна.

— Конечно. Он преподавал у нас в обычной школе и читал у лекции по астрономии в магической. И, в общем-то, всегда был рад прочитать лекцию по поведению. Но в некоторых вопросах я был абсолютно необучаем, поэтому лезть туда, куда не просят — это, в некотором роде, стало моим образом жизни... В общем, как хотите, а я попытаю счастья.

С этими словами Корбар уверенным шагом направился к крыльцу.

— Если он думает, что мы за ним пойдём... — негромко протянула Аряна, нехорошо сузив глаза.

— Я не пойду, — тут же сказала Миена. Клокотавшую в ней злость она уже сдерживать не могла — то, что Корбар творит, что хочет, очень ей не нравилось. — И тебе не советую. Сеятели разрухи! Чтоб ему пусто было, рыжему придурку...

Аряна прыснула, и некромантка чуть понизила голос, сообразив, что немного разошлась.

— Я просто боюсь, что с этим его образом жизни он может втравить нас в неприятности, — попыталась объяснить она. — Потому что мы появились здесь как одна компания, а значит, получается, поддерживаем всё, что он делает...

— Тогда пошли отсюда. — Аряна решительно перемахнула через бортик коляски. — Как будто мы не с ним. И пусть как хочет.

Миена пожалала плечами и выбралась вслед за девочкой.

Вскоре они уже шагали туда, где, по их представлениям, должна была находиться тюрьма.

Однако, хоть центр Кадарры и казался просторным и понятным, на деле представлял собой несколько прямых широких улиц, переплетённых со множеством маленьких и кривых. Последние петляли и извивались всевозможными способами, пересекая друг друга под немислимыми углами — в этом можно было убедиться и во время небольшого путешествия по городу в коляске, но тогда Миена не особо обращала внимания на причуды местной топографии. Именно из-за них выбрать примерное направление было отнюдь не достаточно; важно было знать нужные повороты. Дело ещё осложнялось тем, что в полдень множество кадаррцев высypало на улицы, чтобы чуть-чуть отдохнуть от работы — кроме, разве что, лавочников, которых некому было подменить, и для которых это время дня было самым прибыльным. А когда вокруг полно народу в непривычной одежде, да все ещё косятся на тебя — попробуй тут, уследи за дорогой. Некоторые ещё и с копьями были... хотя вроде не полицейские. Тоже отвлекает: думаешь, чего это они, и кто позволил, и нельзя ли себе тоже такое заиметь, чтобы чувствовать себя чуточку поуверенней в этом вполне симпатичном, но каком-то очень уж чужом городе.

Дело в итоге кончилось тем, что Миена с Аряной снова вышли к окраинам, только уже к каким-то другим. Людей здесь оказалось меньше: в основном, дети да женщины, занятые стиркой и прочими повседневными делами. Запахи готовящейся еды наводняли улочки, и у Миены требовательно заурчало в животе: они с Аряной сегодня и не поели толком.

— Я думаю, надо у кого-нибудь всё-таки спросить дорогу, — решила Миена.

— Или воспользоваться заклинанием.

— Даже не вздумай!

Аряна пожалала плечами.

Миена решительно огляделась. На них по-прежнему косились и, по правде сказать, дружелюбными эти взгляды назвать было сложно. Она в задумчивости побрела по улочке вперёд, оглядываясь по сторонам. Аряна шла следом.

— ...тётка моя болела, вот почему я ушёл! — крикнул кто-то с явной паникой в голосе. — Тётъ, подтверди! Я у старшего конюха отпросился, он знает, и письмо видел... Да это за день до того было!

— Не нервничай, — посоветовал более спокойный и смутно знакомый голос. — Я ни в чём тебя не обвиняю... Пока.

— Да я ни в чём и не виноват!!

Миена остановилась у деревянного двухэтажного дома. На балконе второго этажа стояла довольно грузная женщина в возрасте, с наброшенной поверх накидки вязаной шалью. Рука женщины то и дело поднималась вверх — то ли чтобы закрыть рот ладонью, то ли чтобы дотронуться до груди, успокаивая встревожившееся сердце — но, словно опомнившись, снова опускалась вниз. А под балконом стояли двое: паренёк, на вид чуть старше Аряны, и светловолосый стражник с копьём в руках. Миена не сразу узнала его, но потом поняла, что именно этого человека встретила в свой первый день в Кадарре. Он был одним из тех двоих, что отправили их в тюрьму. Высокий рост, пшеничные брови, серьёзное лицо...

Попадаться ему на глаза не хотелось, но стражник сам повернул голову, словно почувствовав направленный на него взгляд.

— Добрый вечер, — поздоровался он. Его собеседник нервно оглянулся и облизнул губы.

— Здравствуйте... — Миена едва удержалась, чтобы не потупить. — Простите, что отвлекаем... Мы заблудились, не могли бы вы подсказать дорогу до тюрьмы?

— Подождите, пожалуйста, три минуты. Вместе пойдём, я тоже туда собираюсь. Мне только нужно задать этому господину ещё пару вопросов...

Миена с Аряной, переглядываясь, отошли в сторонку, чтобы не мешать разговору. По правде говоря, идти куда-либо с этим человеком не хотелось им обеим, но не намекать же стражнику, что они будут не в восторге от его компании?

Служителю закона понадобилось не три минуты, а все пять. Ну да и девушки не торопились.

— Не вижу с вами вашего приятеля, — заметил стражник.

— А... он сейчас у дома господина Ашши. Там намечается какой-то приём...

— И он надеется, что его туда пригласят? — Мужчина невесело хмыкнул. — Что ж, всё может быть, раз он явомирец... Но меня, например, никто не приглашал, хотя я и будущий зять господина Ашши. Я бы даже сказал, что у нас это не принято. Впрочем, держу пари, ваш друг из тех людей, кто пролезет куда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

— Вы неплохо разбираетесь в людях, — заметила Миена.

— Работа обязывает. Меня, кстати, зовут Лейс.

Некромантки тоже назвали свои имена, и беседа потихоньку начала складываться. Миене-то казалось, что путь до тюрьмы пройдёт, по большей части, в напряжённом молчании — но Лейс оказался чуть более приветливым человеком, чем можно было бы решить после первой встречи.

— Надеюсь, мы не отвлекли вас от дел? — спросила Миена.

— Нет. С конюхом я уже закончил, а больше никто из свидетелей здесь не живёт. Да и он не то, чтобы свидетель... так, проверяли, для порядка.

— Вы имеете в виду свидетелей убийства вашего короля?

— Да, разумеется. Я руковожу этим делом. Но людей у меня в подчинении не так уж много — в Оклегоне стражниками могут становиться только маги, а магический дар довольно редок в нашем мире — поэтому приходится иногда самому заниматься простыми опросами.

— И есть какие-нибудь подвижки?

На этот вопрос стражник отозвался не сразу.

— К сожалению, я не имею права это обсуждать.

Аряна едва слышно фыркнула.

— Да, конечно, — поспешила вставить Миена. — Просто хотелось бы хоть какую-то определённую...

— Понимаю, вам хочется домой. — Нельзя сказать, что в голосе Лейса действительно звучало понимание, однако, стражник старался подбирать фразы, которые казались ему уместными. — Но надеюсь, вам хватит терпения подождать до конца расследования.

Миена вздохнула, как бы смирившись с ситуацией, хотя домой ей как раз-таки не хотелось, по вполне понятным причинам. Весь этот разговор был всего лишь данью вежливости. Некромантка после нескольких лет жизни в Тиугаре привыкла к тому, что любая беседа приличнее молчания: даже бесполезная, даже абсолютно фальшивая. Она старалась следовать этому правилу, потому что однажды уже услышала в свою спину презрительное: «Провинциалка!» — и пообещала себе, что больше не даст повода для подобных оценок. Не потому что она стеснялась того, что выросла в Приречье — просто сильные люди не должны ни у кого вызывать презрения.

Что двигало стражником, Миена не знала. Наверное, вне кабинета он не мог себе позволить несдержанность, какую девушкам уже довелось увидеть. Или тогда это была просто уловка?.. Нет. Миена помнила, с какой ненавистью Лейс смотрел на Корбара. Он не притворялся.

— Брат госпожи Трельи так похож на нашего Корбара, — заметила она. В разговоре наступила небольшая пауза, затягивать её не следовало, и Миена заговорила о том, что было ближе всего к её мыслям.

— Да, я тоже обратил внимание, — отозвался стражник, глядя в сторону. Напряжение, которое он прежде вполне успешно скрывал, стало ощущаться почти физически.

Миена сообразила, что выбрала не самую удачную тему, но пока она лихорадочно придумывала, что теперь с этим делать, нить беседы внезапно подхватила Аряна:

— Он ведь тоже собирается в какой-то другой мир, не так ли?

— Господин Виис собирался посетить Амирту, — сухо ответил на это Лейс.

— А почему именно её?

Миена уже не впервые замечала, что Аряна, хоть и горожанка, не утруждает себя тем, чтобы хотя бы казаться вежливой. Она и сейчас-то вступила в беседу просто из любопытства, и теперь задавала прямые вопросы, даже не допуская мысли, что люди вообще-то не обязаны ей отвечать. Некоторую её грубоватость Миена давно воспринимала как нечто само собой разумеющееся; поначалу ей казалось, что в поведении девочки виноват ужас, которой той довелось пережить, но постепенно начинала догадываться, что Аряне это в принципе всегда было свойственно. Как будто разного рода ритуалы, принятые между

людьми, она считала пустой тратой времени.

— Насколько мне известно, у господина Вииса в Амирте родственники, — сказал стражник.

— Ого! — непосредственно восхитилась Арянка. — Это значит, у него тоже есть свой дракон?! И у Трельи?

Она чуть выбежала вперёд, чтобы посмотреть на Лейса, который шёл по другую от Миены сторону. Тот поглядел в ответ, слегка нахмурившись.

— Дети от смешанных браков не наследуют эту особенность, — сказал он. — Отец господина Вииса и госпожи Трельи явомирец, связь с Амиртой у них по материнской линии. И, должен заметить, это именно особенность. Вернее, отличительная черта Амирты. Человек и дракон там рождаются одновременно. И одновременно умирают. Они живут долгую жизнь... если, конечно, эту жизнь что-то не прерывает до срока. Или кто-то... И они постоянно незримо связаны. Так было в Амирте испокон веков, и никто не знает уже, почему так получается. Но эта связь крепче дружбы и уз крови. Невозможно надолго разделить амиртца и связанного с ним дракона. У них схожие характеры и судьбы, они часто навещают друг друга, хотя для драконов там есть одна огромная горная страна. И если, например, переместить амиртца в... Словом, — неожиданно осёкся Лейс, слегка занервничав, — не думайте, что я вас осуждаю, госпожа Аряна, но всё-таки говорить о том, что у кого-то из них есть «свой» дракон, некорректно. Это не домашнее животное, это предопределённость, дар Создателей Миров. Нечто куда более высокое, чем мы можем себе представить.

— Вот как... — проговорила заморожённая Аряна.

— У каждого мира свои черты, — сказал Лейс. — Оклегон в этом плане менее самобытен. У нас говорят, что когда-то этот мир пустовал, и история человечества в нём началась с прихода первого иномирца. Кроме того, в Оклегоне никогда не рождался Вождь Мира, а ведь всем остальным известным мирам это свойственно...

— Вождь Мира? — недоумённо переспросила Аряна.

— Вам разве не известно? — Лейс удивлённо посмотрел на Миену, и та покачала головой. Она тоже впервые слышала о таком. — Впрочем, это, кажется, как раз амиртские учёные открыли, они вообще всегда и во всём были первопроходцами... — Он улыбнулся каким-то своим мыслям. — Любопытная вещь, которая кажется легендой. Но это, тем не менее, факт. Везде, кроме Маромира, раз в столетие рождается ребёнок, рождённый повелевать. Не только людьми, хотя, если он выбивается в правители, то обязательно входит в историю. Но также наукой, искусством, магией — всем, чем решит заняться за свою жизнь. С рождения Вождь Мира обладает поразительными способностями. Мир в своём развитии делает большой шаг вперёд — и всё благодаря ему. А если способности должным образом развивать, то шаг будет не просто большой — огромный!..

— И как же, интересно, амиртские учёные такое могли открыть? — хмуро поинтересовалась Аряна. — Это ж надо было собирать данные по всем мирам за несколько сотен лет!

— Цивилизация амиртцев самая древняя и самая развитая из всех, которые нам известны, — ответил на это стражник.

Аряна хмыкнула:

— Я смотрю, вам вообще нравятся амиртцы.

— Да, Амирта вызывает мой живейший интерес и бесконечное уважение, — спокойно

подтвердил Лейс. — Я много читал о ней. Всё-таки там жили предки моей будущей жены.

— Трельи? — уточнила Аряна. — Она очень красивая.

— Да. Ещё она невероятно интересный в общении человек... Вы сами поймёте, когда познакомитесь с ней поближе.

Не стоило отрицать, что как только Аряна вступила в разговор, тот сделался куда более живым и интересным. Они поговорили ещё немного о Вожде и о том, зачем такой персонаж вообще может быть нужен Создателям Миров — в которых Лейс почему-то не верил, упоминая о них лишь для красного словца; потом разговор зашёл о магии, и Миена с Аряной с удивлением узнали, что оклегонцы научились хранить силу Источников... в копьях. Тех самых копьях, которые были в руках у каждого стражника и у некоторых простых горожан.

— И как же вам это удаётся? — поразилась Миена.

— Мне — никак, — улыбнулся Лейс. У него оказалась на редкость приятная улыбка, изменявшая лицо практически до неузнаваемости. — Это делают специально обученные люди.

— А где их можно найти? — заинтересовалась и Аряна. — Как вам кажется, они могут поделиться своими знаниями с явомирцами?

Лейс призадумался, прежде чем ответить.

— Вряд ли. Это государственное учреждение, оно занимается магическим оружием. Войн у нас нет, но преступников, как вы уже поняли, хватает; среди них тоже есть маги, и весьма изобретательные, а любая утечка информации... сами понимаете.

— Жаль, — вздохнула Аряна.

— Да, нам бы пригодилось, — подтвердила Миена. — И надолго его хватает?

— Что значит — хватает? — Лейс нахмурился. — Копьё неотрывно связано с Источником.

Аряна с Миеной переглянулись, вытаращив глаза. Девочка даже рот приоткрыла от изумления.

— А купить такую штуку можно? — спросила она, с жадностью глядя на стражника, будто тот мог решить все их проблемы.

Однако мужчина их разочаровал:

— Можно, но только если у вас есть диплом о соответствующем образовании.

В голосе Лейса прозвучало сочувствие, и Миена кивнула, как бы с благодарностью, хоть и понимала, что их с Аряной Источник вряд ли возможно затолкать в это самое копьё. Особенно так, чтобы связать копьё с Маромиром. Уточнять это было опасно, однако, Миена всё же не выдержала:

— А как же некроманты? Неужели их Источник тоже возможно таким образом... присоединить?

— Насчёт некромантов не знаю, — признался Лейс. — Вообще-то некромантов у нас мало... И я плохо понимаю, что они делают. Но думаю, всё возможно. Это необыкновенно сложное устройство, однако, у нас работают настоящие мастера. — В голосе стражника прозвучала нотка гордости. — Вот взять, к примеру, ваш Источник, снег. Снег — это ведь, по сути, вода в определённом состоянии, так? В лаборатории наверняка придумали бы, как сделать снег не тающим — и от этого вечного снега питалось бы ваше копьё... Моим Источником, к примеру, является дерево — но только живое и только в определённый период года. Так эту проблему там тоже умудрились решить!

Миена посмотрела на копьё. То выглядело совершенно обычным, а деревянная часть

посередине, за которую его полагалось держать, и вовсе слегка потемнела от времени и от постоянных прикосновений мага. Зато металлические детали блестели на солнце так, что аж глазам больно становилось. Миена бы не удивилась, если бы стражник признался, что чистит их каждый день.

Эх, не видать ей копы с маромирской силой... А так было бы здорово явиться в Явомир с такой штукой. Никаких жертв, никаких обрядов: просто сжимаешь покрепче копьё — а потом остаётся лишь позаботиться о том, чтобы никто не услышал, на каком языке ты заклинание произносишь...

Впрочем, даже если бы такое было возможно, то вряд ли бы это копьё смогло действовать в другом мире.

Знакомая площадь с красно-коричневым зданием возникла в конце очередной улицы, на которую им пришлось свернуть, но дойти до тюрьмы троица не успела. С площади послышались возмущённые крики. Причём голос был Миене уже хорошо знаком.

— Мне это подкинули! Да я... да я вообще, чтоб вы знали, крови боюсь! И сами посудите, на кой мне пользоваться ножом, если я маг?! Да ещё ходить с ним по гостям? Для вас что, любой иномирец автоматически приравнивается к идиоту?

Лейс первым добежал до конвойных, которые пытались тащить к тюрьме Корбара. У них, конечно, получалось, но довольно медленно, потому что жертва яростно вырывалась. Вид у мага был не лучший: растрёпанные волосы, покрасневшее лицо, съехавшие к кончику носа очки. Плащ его почему-то нёс один из стражников, и сам Корбар щеголял в довольно приличном, явно пошитом на заказ сюртуке из мягкой тёмно-синей ткани.

М-да, очень основательно он подготовился к вылазке в зимний лес...

— Что происходит? — Требовательный голос Лейса долетел до слуха Миены с Аряной, которые бежали куда медленнее стражника. Да и не особенно бежали, честно говоря — скорее, шли быстрым шагом. А потом и вовсе не дошли, остановившись в отдалении.

— Нож у него обнаружили, — пропыхтел один из конвойных. Появление начальника словно придало ему сил, и он так завёл руку подозреваемого назад, что парень скривился от боли. — В кармане этого его... одеяния.

Кивком головы стражник указал на товарища, который нёс Корбаров плащ.

— И почему решили, что это тот самый нож? — быстро спросил Лейс. — На лезвии была кровь?

— На лезвии — нет. На рукоятке была. Мыть надо было тщательней!

Последнее было адресовано задержанному. Корбар явно заставил стражников попотеть, и тем хотелось хоть немного сорвать злость.

— Ясно. Ведите, — коротко приказал Лейс. Потом повернулся к своим притихшим спутникам и таким же не терпящим возражений тоном — совсем не похожим на тот, каким он рассказывал им об амиртских драконах — произнёс: — Девушки, прошу.

«Ну да, ещё бы, — зло подумала Миена. — Если Корбар был здесь в день убийства короля, то мы, получается, тоже вралы».

Им с Аряной ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Это была та же комната — квадратная, обшитая деревом; те же два стражника вели допрос. Но теперь допрос был совсем другим. Да и не допрос это уже был, а обыск с уточнениями.

Лейс не сидел за столом — как, впрочем, и его коллега. Стол был завален вещами подозреваемых. Вот только что перерыли рюкзак Корбара — это заняло практически час, потому что помимо запасной одежды, фляги, перочинного ножа, палочек си и прочих полезных в путешествии вещей у мага обнаружили принадлежности для письма (рабочие и не очень), мешочек гладких камешков непонятного происхождения, моток пакли, какие-то крючки, отобранный у ловцов кинжал и пачка не то писем, не то черновиков, которые стражники откладывали в отдельную кучку. Наверное, чтобы потом дать почитать их господину Ашше. Затем всё, кроме этой пачки, снова сложили в вещмешок — причём на удивление аккуратно, и перешли к вещмешку Миены.

— Пойдите-ка, — сказал Корбар. — Вам не кажется, что это должна делать женщина?

— Мы позовём её, когда будем досматривать вас лично, — отозвался пожилой стражник.

Миена покраснела, сообразив, что в её вещах, помимо всего прочего, лежит ещё и бельё. Как можно было не додуматься? Особенно после того, как они нашли аналогичные предметы у Корбара. Сама она, правда, не обратила на них внимания — одежда и одежда, но эти-то всё вблизи видели!

Однако сказать об этом показалось несчастной ещё более невозможным, поэтому она промолчала и опустила глаза, чтобы, по крайней мере, не наблюдать за процессом.

— Ребята, вы действительно думаете, что я настолько... хм... не умён? — спросил Корбар. — Что я без приглашения пришёл на званый ужин, прихватив с собой оружие, которым убили вашего короля? И это, кстати, при наличии ещё одного ножа и кинжала?

— Мы вам не «ребята», — резко повернулся к нему Лейс. — Мы представители власти. Поэтому извольте поуважительнее.

— Хорошо. — Корбар поднял руки в знак капитуляции. — Уважаемые представители власти, не считаете ли вы меня идиотом?

Оставив второго стражника разбираться с вещами Миены, Лейс медленно подошёл и встал в паре шагов от Корбара.

— Нет, я не считаю вас идиотом. — Судя по тону, можно было подумать, что Лейс считает иномирного мага кем-то гораздо хуже идиота. — Но отпустить вас, согласитесь, тоже не могу. К тому же одежда, в которой вы прибыли в Оклегон, очень похожа по описанию на то, во что был одет убийца...

— Слышал я это «описание», — проворчал Корбар. — На ужине поспрашивал. Свидетели видели только силуэт. И да, тот был не в этой вашей хламиде, а в чём-то похожем на куртку со штанами. Но, если бы я был оклегонцем, я бы тоже раздобыл у какого-нибудь иномирца подходящую одежду, чтобы на меня не подумали...

— Как бы там ни было, — повысил голос Лейс, — отпускать вас я не имею права...

— А это что? — вдруг спросил второй стражник.

Миена вздрогнула, подняла глаза и увидела, что он держит два деревянных бутона, которые только что вынул из небольшого мешочка.

Внутри у девушки всё похолодело, потому что бутоны были абсолютно чёрные.

Миена приподнялась.

— Мне нужно домой, — проговорила она. И умоляюще посмотрела на Лейса, который тут же перестал буравить Корбара недружелюбным взглядом. — Пожалуйста. Отпустите меня домой. Откройте этот ваш... портал. Переход.

— К сожалению... — начал стражник.

— Мне нужно домой! — крикнула Миена. — Мне срочно нужно домой!!

Она быстро зашагала к Лейсу, намереваясь сама не зная что сделать — встряхнуть? ударить? — но тут вдруг с улицы раздался ещё более пронзительный крик. И не один.

Пожилой стражник положил деревянные бутоны на стол и бросился к окну. Лейс только обернулся ненадолго — терять задержанных из поля зрения он не собирался. Но спросил:

— Что там?

— Кошки... Кошки взбесились! И как они... они оглобли ломают!

Корбар и Аряна вскочили и тоже поспешили к окну. За ними, помедлив, отправился Лейс. Даже Миена подошла и замерла за плечом девочки.

Действительно, было видно, как одна из кошек, рыжая с белым, как та, на которой сегодня катались явомирцы, бежала куда-то гигантскими скачками, заставив двух пассажиров, пожилую пару, вцепиться друг в друга. На козлах никто не сидел. Другая, полосатая, выгнула спину и... обе деревянные оглобли треснули, будто перерубленные невидимым топором.

— Они умеют колдовать? — спросил потрясённый Корбар.

— Н-нет, — отозвался пожилой стражник. — По крайней мере, до сегодняшнего дня...

Однако чего-то жители Оклегона о своих кошках не знали. Оглобли трещали, как прутьики, и освободившиеся животные бежали прочь.

Все — в одну сторону.

Из окна было видно, что они стремятся в одно и то же место — мимо скальной гряды, которую уже видела Миена, туда, где грубые линии равнинного пейзажа гасились мягкими извивами пологих холмов. А среди холмов возвышался багряно-коричневый монолит с редкими вкраплениями зелёного.

— Это Красная Гора? — спросил Корбар.

— Да, — ответил Лейс. — И мне кажется, что именно туда они и бегут.

Его коллега вдруг вспомнил:

— Сегодня же должны были войти в пещеру. Эта экспедиция, которую организовал градоправитель...

— За сокровищами, — напряжённо кивнула Миена. — Да, мы все слышали эту историю. Простите, как и когда я смогу попасть домой? Мне очень нужно...

— Боюсь, что-то пошло не так с экспедицией, — заметил Корбар безо всякого сожаления, наблюдая, как кто-то из прохожих пытается остановить кошек магией, но не преуспевает в этом. Миену он — как, впрочем, и все остальные — словно и не услышал. — Вы говорили, что кошек привёл король? Которого убили?

Пожилой стражник медленно кивнул.

— Да. Его величество король Свест...

— Уж не оттуда ли?

— Мы не знаем, — неожиданно резко отозвался Лейс.

— Вот бы увидеть, что там происходит... — проговорила Аряна.

Для магов это как раз не было проблемой. Не сговариваясь, оба стражника подняли копыя и нарисовали в воздухе один большой круг, как бы обводя Красную Гору. Получилось что-то вроде увеличительного стекла, сквозь которое стало видно, как большие кошки, выгнув спины, стоят возле горы, защищая вход в пещеру. Возле них, не подавая признаков жизни, лежали два охотника за сокровищами.

— По-моему, они охраняют эту гору, — сказала девочка.

— Охраняют, — задумчиво протянул Корбар. — А раньше не охраняли. Потому что раньше там был дракон. Готов поспорить, что он появился примерно тогда же, когда к власти пришёл король Свест.

Лейс едва слышно скрипнул зубами. Он не отрывал взгляда от того, что происходило у горы, но глаза его сделались отсутствующими, а лицо словно одеревенело.

Миена едва взглянула в кружок приближенного пространства.

— Послушайте... — начала она.

— Да, — удивлённо подтвердил второй стражник подозрения Корбара. — По крайней мере, тогда его увидели в первый раз. Драконы иногда вылетают на охоту... Этот, впрочем, охотился только на животных, но нервы кадарцам всё равно потрепал изрядно...

— Получается, король оставил в горе стража получше, — рассуждал Корбар. — И в обмен на дракона кошки согласились служить людям... Кошки не такие заметные, как дракон, но что-то мне подсказывает, что до дракона в Красную Гору тоже особо не совались. Из-за большого количества несчастных случаев.

— Так и есть, — кивнул пожилой стражник. — Ходили легенды... Выжившие говорили, будто видели то большое кошачье ухо, то целую морду, высывающуюся из-под земли рядом с сокровищами... До самих сокровищ они так и не добирались. Людей находили у пещеры, разодранных неведомым животным... Потом все решили, что это и был дракон, просто раньше он не показывался.

— Объявил голодовку, — кивнул Корбар. — А незадолго до смерти вдруг захотел покушать. Но на самом деле, его там не было до недавнего времени. Он пришёл вместе с королём...

— Ты хочешь сказать... — расширив глаза, начала Аряна.

— Что они из Амирты, — кивнул Корбар, тоже, по-видимому, немало слышавший про это место.

— Из Амирты? — Девочка повернулась к Лейсу, который по-прежнему стоял неподвижно. — А такое может быть?

— Всё может быть, — сдержанно ответил тот. — Версия вполне себе складная. Но это ещё не делает её истиной.

— Да послушайте же меня! — не выдержала, наконец, Миена. — Эти деревянные бутоны — на них было заклятие, и моя семья... Мне нужно домой!! Где находится этот ваш Леоволок?!

Лейс повернулся к ней и раздражённо заметил:

— Это невозможно, мы уже говорили вам: пока убийца короля Свеста...

— Мне плевать на вашего убийцу и вашего Свеста! — взорвалась Миена. — Я уйду домой, хотите вы этого или нет, и никто мне не...

Лейс бесстрастно поднял копьё. Губы его едва шевельнулись, однако Миена вмиг почувствовала, что у неё нет сил ни кричать, ни стоять. Мир превратился в ворох

разноцветных пятен — и закружился, закружился...

***

Когда мельтешение красок перед глазами рассеялось, некромантка обнаружила себя на койке в камере.

Миена подскочила. Кроме неё здесь никого не было, да и сама камера оказалась меньше. Откуда-то сверху доносился шум суматохи, и девушка, задрав голову, увидела маленькое зарешеченное окошко, а в нём — чей-то ботинок, стоящий на земле, и, собственно, ногу в ботинке. Впрочем, и ботинок, и нога вскоре исчезли.

Подвал. Холодный каменный мешок, куда её посадили, чтобы не мешала обсуждать убийство короля Свеста и сумасшествие кошек.

По правде говоря, Миена раскаивалась в том, что не сдержалась. С ней давно такого не было — она приучила себя к самоконтролю. Но когда речь заходила о её семье...

И всё равно: непростительно. Недопустимо.

Девушка встала и нервно прошлась от койки к умывальнику и обратно.

В самом деле, криками здесь не поможешь. Нужно составить план действий.

Для того, чтобы попасть домой, необходимо пройти через Леоволок. А сделать это можно будет только тогда, когда найдут убийцу этого Свеста и разрешат переходы между мирами. И чем быстрее найдут — тем быстрее она попадёт к маме и брату.

Так, что они там говорили? Король и дракон пришли вместе, дракон стал сторожить пещеру вместо кошек, потом умер — примерно в одно время со Свестом, из чего Корбар заключил, что король пришёл из Амирты. Откуда он знает о том, что люди и драконы в Амирте соединены — дело десятое... Но вообще всё это похоже на правду.

Амирта, Амирта...

Миена снова прошлась по камере.

Лейс знает об Амирте, потому что предки его будущей жены пришли оттуда. И как-то очень уж странно он отреагировал на упоминание об этом мире, когда речь зашла о драконе и Свесте...

«Версия вполне себе складная. Но это ещё не делает её истиной»...

И это его одеревеневшее, безучастное лицо... Наверняка он что-то знает! Но скрывает... может, из-за своей невесты? Вдруг тот факт, что король был из Амирты, может кинуть тень на Трелью?..

В любом случае, разгадку явно стоит искать в этом семействе. Только вот как её искать, когда она, Миена, сидит в тюрьме? Вот если бы можно было провести обряд...

Нет, нельзя. Даже если бы у неё был жертвенник. Даже если бы это не угрожалось разрушить их складную безопасную историю. Её долг перед Маромиром не позволил бы ей отправиться туда, не заплатив предварительно цену...

Впрочем, так уж ли нужен обряд? Некоторые вещи можно повернуть, лишь дотронувшись до Источника. Конечно, он по-прежнему может вести себя непредсказуемо — как тогда, с заклинанием верной дороги, которое привело их с Аряной к шалашу — но можно и рискнуть... Была бы подходящая жертва...

А если будет — что потом делать с полученной энергией? Взломать замок? Как далеко она пройдёт, выбравшись из камеры? Даже если попасть в дом Вииса, даже если поговорить там со всеми — чего можно этим добиться?..

Миена устало села на койку. Всё её существо требовало действия, но что делать — она не знала. Она не видела выхода.

***

Полчаса спустя к ней пришёл Лейс.

— Простите, — сказал он, закрывая дверь, — я должен был вас успокоить. Как вы себя чувствуете? Хотите есть?

— Я всё понимаю, — размеренно ответила Миена. — И есть не хочу.

Стражник поставил на пол фонарь, который принёс с собой. Сам встал рядом, хотя неподалёку имелся стул. У фонаря сразу начал кружиться залетевший сквозь прутья решётки мотылёк.

— Я не знаю, какое заклинание на этих деревянных предметах сказало вам об опасности, грозящей вашей семье, — проговорил Лейс, тщательно подбирая слова, — но должен отметить, что переходы между мирами гасят силу некоторых заклятий. Поэтому, возможно, на самом деле всё в порядке, и беспокоиться не о чем.

У Миены немного отлегло от сердца, однако, слова стражника полностью изгнать тревогу не смогли.

Мотылёк продолжал порхать у стеклянной стенки, свет за которой был предметом его страсти. Свет этот был очень ярок для масла си, и наверняка очень горяч. Но мотыльку было плевать — если бы не стенка, он давно слился бы с этим пламенем в единое целое.

Глаза Миены следили за мотыльком. Он метался так же отчаянно, как мысль в голове некромантки.

Было одно заклинание. Запрещённое в Явомире... И, может быть, здесь тоже, но откуда ей об этом знать?

Очень мощное заклинание — если хочешь, чтобы оно действовало несколько часов. Чем дольше действие — тем большей силы оно требует и большей жертвы... Миене же хватило бы и пяти минут.

Лишь бы сработало.

Конечно, Лейс поймёт, что её Источник — вовсе не снег. Но может быть... может быть, это не так уж страшно — открыть природу своей магии. В конце концов, это Оклегон. Здесь пока нет охоты на некромантов...

Миена подошла к фонарю и села на корточки.

— Вам холодно? — Лейс по-своему истолковал этот её манёвр. Конечно, попытку согреться у такого фонаря умной не назовёшь, но с другой стороны, чем ещё можно было объяснить действия заключённой?

— Нет, — сказала девушка. — Что там с этими... с кошками? С экспедицией?

Не то, чтобы Миене действительно хотелось это знать, но ей нужно было, чтобы Лейс немного отвлёкся. Слишком уж подозрительно он на неё смотрел. Или ей показалось?

— В пещеру не войти. Экспедиция, к сожалению, возвращается... пока. Но не думаю, что градоправитель оставит свои попытки.

— Тарина, с которой мы с Аряной сидели в прошлый раз, говорила, что нельзя тревожить духов Красной Горы, — вспомнила Миена.

— Это суеверия, — сказал Лейс.

— Не слишком ли много несчастных случаев, если это всего лишь суеверия? — возразила Миена. — Видимо, кошки — это и есть духи... Где, кстати, мои друзья?

— Тоже в камерах. Но уверяю вас, это временная мера. Во всяком случае, вам с девочкой ничего не грозит. Просто нужно доказать, что вы к этому не причастны.

— Корбар тоже не причастен.

— У него нашли нож.

— Да... в самом деле.

Миена, как зачарованная, протянула руку к фонарю. Осторожнее, только бы не спугнуть...

— Оставить вам фонарь? — немного помолчав, спросил Лейс.

Он пытался сделать вид, что ничего особенного не происходит. А ведь Миена со стороны наверняка казалась не совсем нормальной.

В любом случае, ей было плевать.

Хоп! Резкое движение — и мотылёк упокоился в её кулаке.

— Зачем вы...

Но Миена уже шептала марские слова, ощущая знакомый холодок в кончиках пальцев, и невидимые волны силы устремились к Лейсу. Вернее, к его голове.

— Говорите мне правду, — произнесла Миена первый приказ. — Развёрнуто отвечайте на мои вопросы. Вы знаете, кто убил короля Свеста?

— Да, я знаю, — сдавленно произнёс Лейс.

Он продолжал стоять возле фонаря, но в его ранее естественной позе появилось что-то кукольное, неживое. Руки безвольно повисли вдоль туловища, подбородок слегка опустился. Фигура стражника чуть покачнулась, но устояла. По-хорошему, следовало бы его куда-нибудь посадить, но этот приказ отнял бы драгоценное время. И энергию, возможно, тоже.

— Кто это был? Как он это сделал? Почему? Рассказывайте всё, что знаете.

И Лейс послушно начал рассказывать.

Всё действительно началось с Амирты. Обитатели этого мира живут долго, очень долго — и очень медленно стареют. Кем был король Свест до того, как появится в Оклегоне, Лейс точно не знал. Но женщина, которая пришла в Путешествующий Мир после него — знала. И то ли начала шантажировать Свеста, то ли ему так показалось — но в один прекрасный момент амиртец понял, что власть, которую он взял в свои руки, может быстро исчезнуть. И дело даже было не в его тёмных делишках на родине. Просто королём Оклегона мог стать только оклеговец — а Свест сумел скрыть, что таковым не является. И был готов на всё, чтобы его тайна не вышла наружу.

Та драконица, которая погибла несколько лет назад, была драконицей супруги господина Ашши. Когда Лейс говорил, что там жили предки его будущей жены, он не лгал. Просто умолчал о том, что и мать Трельи была чистокровной жительницей Амирты. Здесь, в Оклегоне, она познакомилась с господином Ашшей и родила двоих детей. Это был долгий счастливый брак двух иномирцев, который мог бы стать ещё более долгим — если бы король Свест не увидел угрозу от жены господина Ашши. И не разобрался с ней.

— И Ашша решил отомстить, — продолжал говорить Лейс монотонно. — Однако не своими руками. По состоянию здоровья он должен был уехать на остров Керкинай. Но и там он продолжал общаться со своими детьми. Во-первых, между ними шла постоянная переписка, а во-вторых, Виис и Трелья сами приезжали к нему. Господин Ашша за это время сделался богатым человеком — на Керкинае он очень помог с сельским хозяйством, и в итоге остров поставляет столице оливковое масло, хлеб, а также кое-какие фрукты... Господина Ашшу там очень ценят. И ему очень много платят. За то, чтобы его сын разобрался с убийцей собственной матери, Ашша дал ему столько денег, что сейчас господина Вииса можно назвать одним из самых богатых людей Кадарры. Хотя он старается это не афишировать. Виис взял эти деньги. И сделал то, что хотел его отец. Они вместе

спланировали это убийство, и Виис, не бывавший нигде, кроме Оклегона, надел старые вещи отца, в которых тот когда-то пришёл из Явомира. Я застал его, когда он пытался их сжечь — за собственным домом, в маленькой железной бочке... Он мне всё рассказал. Он испугался. Он почти плакал, говорил, что отец заставил его... С тех пор Виис часто прикладывается к бутылке, это очень злит его сестру — но и тревожит тоже...

— Почему вы не арестовали его? — спросила Миена.

— Я не мог. Это бросило бы тень на Трелью. И разбило бы ей сердце. Она ничего не знает.

— Поэтому вы решили, что за преступление вашего будущего родственника должен ответить невиновный?

— Да. Так я и решил.

Миена прикрыла глаза, стараясь справиться с раздражением. А ведь этот стражник начал казаться ей вполне симпатичным!

— У вас есть смертная казнь? — спросила девушка.

— Есть. Но применяется очень редко.

— А что грозит убийце короля Свеста, если его поймают?

— Его брат, будущий король, настаивает на сожжении заживо. Когда убийцу найдут, его будут судить, и суд решит, насколько такая казнь оправдана.

— И вы готовы были сжечь невиновного человека?! — не выдержала Миена.

— Его сжигал бы не я. Есть специальные...

Лейс вдруг замолчал, прикрыл глаза и слегка поморщился. Некромантка закусила губу: время действия заклинания закончилось. Она узнала всё, что хотела. Но...

Стражник распахнул глаза, и даже в полутьме камеры было видно, что те полыхнули гневом.

— Вы... — выдавил он. — Как вы посмели?..

— Кто бы говорил, — отрезала Миена. — Я, по крайней мере, не готова отправлять на смерть невинных людей!

— И это слова некромантки? — Лейс пытался усмехнуться, но вышло неубедительно. У Миены возникло чувство, что он хочет отвести глаза, но заставляет себя смотреть на неё.

— Я не убивала людей, — повторила девушка. — Послушайте...

— Вы не выйдете отсюда, — сказал стражник. — И никто вам не поверит.

— Вы же сами его ненавидите! — выкрикнула она. — Вииса! Вы поэтому так отнеслись к Корбару — ведь он очень на него похож! Вы же сами понимаете, что так нельзя! Прошу вас...

— Нет. — Лейс покачал головой. — Простите. Я не могу. Я... я оставлю вам фонарь.

Повернувшись, он пошёл к выходу, и Миена, с отчаянием глядя в его спину, поняла, что с ним уходит её последняя надежда спасти своих родных.

Дверь в камеру закрылась.

Сколько прошло времени, Миена не знала.

Вскоре стемнело. Ей принесли ужин. В камере стало холоднее, и некромантка завернулась в шерстяной плед, который полагался ей вместо одеяла.

Вдруг за дверью послышались голоса. Сначала мужской, которого Миена в этот день уже успела наслушаться:

— Может, всё-таки расскажешь, зачем тебе это нужно?

Потом женский, сердитый:

— Нет, не расскажу. Пока не расскажу.

— Лучше будет, если мы сначала всё обсудим. Я бы не хотел, чтобы ты, по незнанию, поступила необдуманно.

— Когда это я поступала необдуманно?! — зашипела женщина. Оба старались не повышать голос, хотя в гулких тюремных коридорах их попытки были обречены на неудачу. — Отдай мне ключи. И жди здесь. И не подслушивай!

Лязг, скрип. Грохот захлопнувшейся двери.

Трелья замерла, словно испугавшись получившегося шума и растерянно огляделась. Скучная обстановка камеры её явно смутила.

Но уже пару мгновений спустя она взяла себя в руки и решительно подошла к Миене, по-прежнему сидевшей на кровати с пледом в качестве шали.

Арестантка смотрела на незваную гостью настороженно и почти враждебно. Этой-то что нужно? Лейс же говорил, что его невеста ничего не знает...

— Я всё знаю, — огорошила её Трелья. В её шёпоте звучало отчаяние, хотя лицо в полутьме выглядело серьёзным и собранным. — Я подслушала разговор между Лейсом и Виисом. И когда Лейс начал говорить, что будет требовать казни вас двоих — и длительного тюремного заключения для девочки — и попытается обосновать это тем, что, дескать, так будет лучше для спокойствия населения... — Девушка вздохнула. — Я вынудила его всё мне рассказать. Лейс напрасно думал, что я не выдержу правды. Я никогда особо не любила своего брата. А отец... боюсь, жажда мести затмила его разум.

— Вы пришли сказать, как вам жаль? — холодно поинтересовалась Миена, у которой в голове пока не уложилось, что Лейс собирался выступить за то, чтобы она сгорела заживо.

— Нет, я хочу помочь вам. И Лейсу. — Трелья села на корточки, чтобы оказаться совсем близко к заключённой, и стала говорить ещё тише. От неё веяло тонким цветочным ароматом с ноткой горечи. — Он, на самом деле, очень честный и справедливый человек! — горячо заверила Трелья Миену. — Если бы он сделал то, что собирался, это бы убило его. Я попытаюсь его уговорить, но вы тоже должны мне помочь. Лейс сказал, что вы некромантка, и что вы как-то заставили его рассказать вам про Вииса. Вы можете похожую штуку проделать с ассистентом Лейса, чтобы он вам помог? Его зовут Румер, завтра вечером Лейс попросит его задержаться. Камеры будет открыты, вы с вашими друзьями подниметесь наверх и воздействуете на него своей магией. Двери откроет Лейс, но все будут думать, что это тоже ваших рук дело.

— Он не может так же открыть Леоволок? — осторожно спросила Миена.

— Для этого необходимо одновременное заклинание минимум двоих. Причём знают его только стражники.

— Вы уверены, что ваш жених на это согласится?

Трелья только отмахнулась:

— Куда он денется... Его гораздо легче уговорить, чем вам кажется. К тому же я точно знаю, что он сам не хочет вас убивать.

— Сжигать заживо, — тихо уточнила Миена.

Трелья кивнула.

— Так вы сможете это сделать? Что вам понадобится?

***

На самом деле, Миене нужно было всего лишь некоторое время наедине с Аряной. Она не стала рассказывать Трелье и Лейсу, что девочка тоже некромантка — на всякий случай. Однако без Аряны вся затея была бы обречена на провал.

Тому, кто задолжал Маромиру, лучше не ввязываться в подобные авантюры. Ведь и воздействие на Лейса должно было продержаться подольше... но всё пошло кривь и вкось. А тут рисковать тем более не стоит. Ведь если этот Румер придёт в себя раньше, чем откроет Леоволок...

Миена тряхнула головой. Она даже думать об этом не хотела. Мимолётно оглянувшись на Лейса, замершего в нескольких шагах от камеры Аряны, некромантка потянула на себя заранее открытую им дверь.

Эта камера была в разы лучше той, что выпала самой Миене. Она, пожалуй, больше походила на комнату. Удобная кровать, кресло и даже скатерть на столе.

Аряна сидела на коврик у двери, как собачонка. Словно пытаясь обособиться от пожалованной ей роскоши.

— Привет. — Миена, не сразу обнаружив подругу, вздрогнула от взгляда устремлённых на неё, снизу-вверх, глаз. Закрыла дверь и ещё больше понизила голос: — У нас есть возможность уйти отсюда. Только тебе придётся кое-что выучить... Но главное — никто не должен понять, что колдуешь именно ты.

Времени у них было немного, но Аряна уже показала себя способной ученицей, и Миена, убедившись, что девочка поняла, что от неё требуется, была почти уверена, что проблем не возникнет. Почти. Поэтому всё равно здорово переволновалась, и до утра спала плохо. Потом сидела, как на иголках, ожидая, когда появится Лейс. Он должен был найти какую-нибудь живность, которую можно было бы использовать в качестве жертвы, отослать своего ассистента с поручением, а потом выпустить её саму и Аряну с Корбаром...

Однако вместо Лейса в камере Миены внезапно появился Румер.

— Выходите, пожалуйста, вы свободны, — сказал он — по обыкновению, мягким голосом.

У Миены тревожно ёкнуло под ложечкой, но она послушно вышла.

— А... мои друзья? — растерянно спросила она.

— Ждут вас наверху. Вам всё-таки выделили пару комнат на постоялом дворе — компенсация за неудобства. Ваш друг, Корбар, знает, где это... Пойдёмте, милая, я провожу вас.

Миена нервно облизнула губы:

— Так нас больше не обвиняют?

— Нет. Настоящий убийца сознался, так что всё в порядке. Леоволок должны открыть дня через два, вам сообщат, когда можно будет отправиться домой.

Румер улыбнулся ей, и Миена кивнула. Они пошли прочь от камеры, к узкой каменной

лестнице, по которой можно было подняться к выходу. Задавать новые вопросы было опасно, поэтому некромантка молчала, но ей было очень не по себе. Виис сознался? Значит, его теперь сожгут?..

Корбар с Аряной действительно ждали её у выхода. Здесь же находились Миенины вещи, и она, всё ещё как будто оглушённая резкой переменой планов, взяла свой вещевой мешок. Румер в меру добродушно распрощался с бывшими заключёнными, и те молча зашагали прочь. Только когда они перешли залитую солнцем площадь, Аряна пробормотала:

— Интересно, где Лейс...

— Я спросил у этого, — тут же отозвался Корбар. — Виис в своём признании рассказал о том, что Лейс был в курсе всего, что случилось. Теперь его ждёт разбирательство.

Миена подумала, что неплохо бы навестить к Трелье. Возможно, той нужна поддержка...

С другой стороны, кто она ей?..

— Вроде выкрутились, да? — Настроение Корбара улучшалось пропорционально тому, как далеко они уходили от тюрьмы. Так как он шёл между девушками, то имел прекрасную возможность одновременно их приобнять — что и сделал.

— Мы ещё здесь, — напомнила Аряна, выворачиваясь из-под его руки.

— Но вроде бы всё уладилось. — Маг пожал плечами. — Будем надеяться, что больше не случится никаких сюрпризов.

Вроде бы всё уладилось. Уладилось, подумала Миена. Но...

— Они ведь его сожгут, — проговорила она неожиданно для себя.

— Что? — не понял Корбар.

— Виис. Они сожгут его заживо. Мне Лейс сказал...

Молчание после этой фразы было тяжёлым — но недолгим.

— Он убийца, — наконец проговорил Корбар.

— Убийца, — согласилась Миена. — Но прежде всего он дурак. Внушаемый дурак, который пошёл на поводу у отца.

— И что теперь? У них такие законы. К чему ты вообще ведёшь?

— Ни к чему. — Миена отвернулась. — Скажи, ты тоже думаешь, что чары могут слабеть, их переносить их из одного мира в другой?

— Я не думаю, я знаю, что так оно и есть, — ответил Корбар. — Ты всё переживаешь из-за этих своих шишек?

— Это бутоны.

— Какая разница? — Корбар покачал головой и усмехнулся. — Вот уж не подозревал, что такая мелочь может вывести тебя из себя! Я думал, с тобой там припадок сделается! А такой тихоней казалась...

Миена промолчала.

— Я тоже не ожидала, — заметила и Аряна.

Не ожидали они... По правде говоря, некромантка до сих пор была не в восторге от того, что потеряла над собой контроль. Но если подумать... эти бутоны — самое важное, что было в её жизни на данный момент. И если дело всё-таки не в перемещении между мирами, если с её родными действительно что-то случилось...

— Что за постоянный двор-то? — спросила Миена. — И откуда ты его знаешь?

— Та замечательная женщина, которая одолжила мне повозку, живёт как раз поблизости. — В голосе Корбара промелькнули нотки самодовольства, и Миена хмуро на

него покосилась. — «Кадарра». Не очень оригинальное название, но если учесть, что это чуть ли ни единственный постоянный двор в городе...

«Кадарра». Миена мрачно посмотрела на светло-коричневый фасад ближайшего дома, на чистые окна, на маленькую кучку листьев у крыльца, и рядом — прислонённую к стене метлу... Как тут всё аккуратно и правильно. Даже от погрома, устроенного кошками, не осталось и следа. Чинный, благоустроенный город...

Но здесь скоро сожгут человека. Здесь. Сожгут. Человека.

А ведь Виис мог бы стать совсем другим. Он больше никого бы никогда не убил. Принёс бы пользу людям... Как некромантка, Миена знала, что в Маромире его не ждёт ничего хорошего. И лучше как можно дольше побыть живым человеком там, где ярко и хоть иногда тепло. К тому же души, которые прожили длинную и интересную жизнь, находятся по ту сторону на хорошем счету. Им даже перепадает больше энергии, вытянутой из других миров. В конце концов, им проще... А ещё такая жуткая казнь — лакомство для Маромира.

Однако Миену не заботил Маромир.

Ей было жалко Вииса.

Следующий день прошёл как во сне. К вечеру Миена не выдержала и отправилась повидать Трелью. Для женщины, которая вот-вот должна была потерять отца и брата, и чей возлюбленный мог долго просидеть в тюрьме, она держалась очень хорошо. Только была бледнее обычного.

— Суд завтра, — сказала она. — Папу, насколько я понимаю, должны оправдать, а Виис...

— Мне кажется, это несправедливо, — не выдержала Миена. — Разумеется, вы любите своего отца, и я не вправе...

Трелья покачала головой, и некромантка замолчала.

— Всё верно... Виис не убийца по натуре. Но против воли отца, когда ему что-то надо, идти сложно. А такой человек, как мой брат, просто неспособен был сопротивляться... Это верно, я люблю папу. Но вся эта история...

— Я бы очень хотела помочь.

— Спасибо. Но я не представляю, что тут можно сделать. Тем более, завтра утром откроют Леоволок, и вы уйдёте.

Уже завтра утром!

Миена понимала, что если бы не бутоны, она бы осталась. И Аряна бы осталась. Но когда речь зашла о безопасности её семьи, всё остальное стало казаться неважным. Ей бы только знать наверняка, что с бутонами, на самом деле, ничего не случилось!

Впрочем, Корбар, возможно, был и прав. Пусть в Явомире им грозит опасность, но зато здесь они не принадлежат самим себе.

Поэтому нужно уйти. Позволить случиться тому, что должно случиться.

Она почти смирилась. И на следующее утро даже шла к Леоволоку в приподнятом настроении, хотя день — впервые за всё время — выдался пасмурным. И, наверное, прохладным, только никто из явомирцев этого не ощущал — для путешествия все снова надели зимние вещи. Их сопровождала знакомая Корбара, которая прежде одалживала ему повозку с кошкой — слегка полноватая, но очень милотидная блондинка лет сорока. Одета в светлую развевающуюся тунику, она с удовольствием опиралась на руку мага и щебетала о каких-то кадаррских достопримечательностях. Рыжий внимательно слушал её, задавал вопросы — будто ему и в самом деле было интересно узнать больше про город, в котором он

уже претерпел столько лишений и который вот-вот покинет.

Их компания как-то неожиданно вышла на площадь, в центре которой журчал фонтан внушительных размеров. На бортике из желтоватого камня стояли большие чашки из светлого, незнакомого Миене металла. Это слегка удивляло: в Тиугаре бы их наверняка растащили, не говоря уже о том, что вода в фонтане очень скоро перестала бы быть чистой. А здесь пожалуйста: пей, сколько влезет, и не бойся отравиться.

Сама площадь была сравнительно небольшой, а вот здания, которые её окружали, заставляли невольно задуматься о собственной ничтожности. Высокие, помпезные, с затейливой лепниной над окнами. У самого вычурного дома, по бокам от высоченной входной двери, стояли стражники в знакомых серых балахонах и с копьями в руках.

Однако больше всего народу скопилось у самой, на первой взгляд, невзрачной конструкции: невысокой светлой арки, слегка вытянутой в высоту. Впрочем, скопление это больше всего походило на очередь, в которой люди стояли то по одиночке, то — чаще — небольшими группами. При каждом были какие-то вещи: чемоданы, вещевые мешки, рюкзаки, тюки разных размеров. Миена взгляделась в арку, и поняла, что пространство за ней слегка искажается, и вместо очередного пафосного здания можно увидеть лишь его размазанные очертания.

— Похоже, нам туда, — сказал Корбар, уже к тому моменту распрощавшийся со своей знакомой.

Стражники перед аркой тоже стояли: наблюдали, чтобы при переходе через Леоволок не было нарушений. Желаящие проникнуть в другой мир шли через портал по сигналу ближайшего из служителей закона: тот отсчитывал время по зажатым в ладони часам и поднимал руку, когда можно было шагнуть. Между отбытиями проходило не более двух минут, поэтому очередь двигалась вполне себе бодро. Другой стражник вкратце давал инструкции. Пока не было слышно, какие именно, но Корбар предположил, что он, скорее всего, рекомендует представить место, куда хочешь попасть, перед тем, как заходить в арку.

— Я думаю, нам лучше всего отправиться в Тиугар, — сказал он. — Это большой город, там удобно затеряться.

Аряна кивнула:

— Или в Дальновейск.

— Ну, я не очень хорошо знаю Дальновейск, а вот Тиугар...

— А ты что думаешь, Ми? — перебила его девочка.

— Мне нужно в Приречье, — сказала некромантка. — Но это вовсе не значит, что вы должны идти туда вместе со мной.

Корбар закатил глаза:

— Тебе же все уже говорили, что бутоны...

— А если вы ошибаетесь? Если мы прибудем в Тиугар, и выяснится, что моя семья действительно в большой опасности?

— М-м... ты ведь понимаешь, что время в Явомире идёт быстрее?

— В смысле? — Миена резко повернулась к магу.

— Могла бы догадаться сама. — Он пожал плечами. — Здесь ещё осень. Так что прости, но... боюсь, торопиться тебе в любом случае не стоит. Если действительно что-то случилось — то ты уже опоздала.

У Миены перехватило дыхание. Она отвернулась, не желая видеть притворно-сочувственное лицо Корбара. В то, что он действительно переживает, поверить было

сложно. Мага, судя по всему, по-настоящему интересовала только Аряна.

Однако, на беду Корбара, он сам Аряну не интересовал нисколько.

— Я пойду с тобой, — просто сказала девочка Миена. — Потом будем думать, что делать.

Что на это начал возражать Корбар, Миена уже не слышала, так как в этот самый момент к тому зданию, где перед дверью замерли стражники, подошли трое человек. Это был Виис со своим конвоем. Даже с такого расстояния можно было увидеть, насколько бледно его лицо — а ещё почувствовать, что смерть уже нацелилась на него. Так же, как и на Аряну когда-то. Миене не нужно было обращаться для этого к Источнику.

Но ещё она видела, что для Маромира Виис не представляет особой ценности, даже несмотря на будущую зрелищную казнь. Жизненной энергии в нём оставалось совсем чуть-чуть.

Зачем его привели сюда? Миена успела узнать, что суд будет в полдень, то есть где-то через час...

Аряна с Корбаром тоже заметили Вииса. И даже перестали спорить, хотя времени для того, чтобы принять решение, оставалось немного: от арки их компанию отделяло шестеро человек. Две пары, два одиночки.

— Думаю, заседание будет здесь, — предположил Корбар. — Скоро сюда начнут приходить люди. Репортёры... Я слышал, градоправитель хочет, чтобы событие прошло с размахом.

— Зачем? — Аряна поёжилась.

— В Оклегоне очень любили этого Свеста. — Корбар пожал плечами. — А это его убийца. Народ жаждет крови. А градоправитель жаждет, чтобы его перевозносили. После этой истории с Красной Горой его позиции немного пошатнулись, сами понимаете.

«Не той крови они жаждут», — подумала Миена.

Ей вспомнилась Тарина. По всему выходило, что женщина оказалась права насчёт Красной Горы. Интересно, извинился ли градоправитель перед ней? Что-то подсказывало Миене, что вряд ли. И вряд ли ей позволят вернуться в свою газету.

Значит, будет ещё одна искалеченная жизнь...

Для несчастной Тарины Миена сейчас ничего сделать не могла. К тому же ей не угрожала смертельная опасность. А вот для Вииса...

Осуждённому и его сопровождающим оставалась всего пара шагов до двери. Скорее всего, их пропустят не сразу. Стражники на входе, конечно, знают, кто это и куда его ведут, но педантичные кадаррцы наверняка сначала зададут какие-то вопросы, проверят документы, и только потом позволят своим коллегам вместе с Виисом войти в здание суда.

Но в любом случае, времени подумать почти не было.

Миена и не думала.

Когда она быстро шла к фонтану, какая-то её часть надеялась, что Вииса введут до того, как она осуществит задуманное. Но руки уже брали кружку, зачерпывали воду... Корбар окликнул её, сказал что-то о том, что вот-вот настанет их очередь. Однако это не остановило некромантку.

Осколок плитки, найденный возле фонтана, полоснул по ладони. В чашку с водой закапала кровь.

— Хру даргесу, — вполголоса произнесла Миена. — Хру...

Человеческое тело такое несовершенное, такое слабое. В то время как в Маромире, где

физическая сила не особо нужна, ею обладают все. Даже самые низшие существа. Даже души умерших, которые ещё топчутся на первой ступени местной иерархии. Они могут поделиться этой силой в обмен на маленькую крупицу энергии. По правде говоря, только это они и могут. Сложность состоит в том, что души эти почти не чувствуют вызовов, не понимают, куда им идти и что им делать...

Именно поэтому Миена так надеялась на свою кровь.

Она звала отца.

Который, конечно, вряд ли поймёт, что это его дочь, вряд ли он вообще вспомнит о ней — но других вариантов у неё не было. Нужно было просто делать всё, что от неё зависело — и надеяться, что где-то как-то это всё-таки сработает.

И это сработало!

Она сунула пальцы в кружку.

— Миена!! Мы следующие! Что ты там делаешь?!

Теперь они зовут её почти хором. Но сила уже при ней, тело наливается невиданной лёгкостью, крепнут мышцы.

Мышцы — это особенно важно. Потому что ей не столько нужна сама сила, сколько скорость и выносливость.

Спасибо, папа.

Никто даже не успел понять, что происходит. Лишь один из стражников успел вскинуть копьё.

Но Миена была быстрее. Сейчас она была быстрее и сильнее всех, поэтому стражников буквально разметало перед входом в здание суда. Схваченный за шкуру и потащенный прочь Виис завопил от неожиданности и страха, но вопил он очень недолго, потому что энергии у него действительно почти не осталось.

Впрочем, энергия — дело наживное.

Один из стражников, что стоял у Леоволока, поспешил на помощь.

Глупо! Лучше бы он сторожил вход в портал. Потому что второго, который перегородил путь подошедшим к арке Корбару с Аряной, было явно недостаточно. Миена предсказала движение этого стражника так же, как движение того, который сейчас поднимался с брусчатки за её спиной. Плевать, что у него за заклинание! Когда сила вылетит из копья, она будет уже у арки. А там...

— Вперёд! — крикнула Миена, вызывая в памяти образ родной приреченской деревни — места, в которое жаждала попасть.

Перегнав собственный голос, некромантка обогнула стражника, одновременно толкая в спину Аряну. Та увлекла за собой Корбара, и они, прежде, чем кадаррцы успели что-либо сделать, полетели через Леоволок в Явомир...

Снег на земле умирал. Жёсткая льдисто-гладкая корка практически растеряла первозданную белизну. Она была холодной и мокрой, в ней даже кое-где сияли проплешины... но Миена предпочла валяться на ней, нежели встать на ноги. Даже сама мысль о том, чтобы пошевелиться, вызывала у неё тошноту. Суставы нещадно ломило и скручивало — настала расплата за увеличение физической силы.

Некромантка лежала почти в луже, свернувшись калачиком, краем сознания улавливая царящую рядом суету и звуки.

— Зачем тебе понадобилось его с собой тащить?! А если оклегонцы примчатся сюда требовать выдачи преступника?!

Это Корбар.

— Как ты, Ми?

Аряна.

— Где мы вообще? Я нацеливался на Тиугар...

Снова Корбар.

Виис молчал, однако Миена слышала, что он где-то рядом. Тяжело дышит и, кажется, даже всхлипывает. У парня шок. Ещё бы — должно быть, он уже распрощался с жизнью...

Аряна сделала попытку перевернуть подругу, но так как у той за спиной по-прежнему был вещмешок, ничего из этого не вышло.

— Ми!

— Сейчас... — выдавила Миена.

Ей всё-таки удалось принять сидячее положение, но за то время, пока она это делала, Корбар успел расспросить остальных и понять, что случилось.

А случилось то, что проходя через Леоволок, они представляли разные пункты назначения. Миена думала о Приречье, он о Тиугаре, Виис не представлял ничего вообще, а в воображении Аряны возникла Вея и небольшой лесок на берегу (она тоже думала про Приречье, но так как никогда там не была, то не очень хорошо понимала, что именно нужно представлять).

В итоге, как это ни странно, мысль Аряны пересилила прочие. Леоволок выплюнул их компанию на опушку какого-то леса. Чуть поодаль виднелась тёмно-серая лента реки, быстро несущая куда-то ещё не разбитые пласты льда. На ясном голубом небе застыли очень похожие на них островки плоских весенних облаков. Конец Луча? Начало Ручья?.. Примерно так.

Придя в себя, Миена первым делом отыскивала деревянные бутоны.

Светятся. Мягко, тепло — как прежде.

— Как я понимаю, ты всё-таки согласишься присоединиться к нашей беседе? — учтиво-холодно осведомился Корбар. — Или пойдёшь повидаться с ненаглядными родственниками? Если, конечно, поймёшь, в какую сторону двигаться...

Миена покачала головой. Возвращаться в родные края было бы сейчас крайне неосмотрительно. Лучше затеряться где-нибудь, затаиться, а заодно разведать обстановку...

Она взглянула на Вииса — взъерошенного, дрожащего — и улыбнулась.

Он должен был умереть сегодня. Но он не умрёт. Благодаря ей.

— Сейчас выясним, где мы оказались, по вашей милости, а дальше будем думать, что

делать, — распорядился Корбар. — Я по-прежнему настаиваю на Тиугаре.

— Помним мы, на чём ты настаиваешь, — отозвалась Миена. — Только нужно как-то принарядить нашего гостя. Не глянешь у себя?

Корбар едва слышно фыркнул и с сомнением посмотрел на Вииса, которого трясло от холода в его хоть и плотном, но всё же не предназначенном для ранней весны балахоне.

— Только чтобы мы не выделялись, — изрёк он наконец и принялся рыться в своих вещах.

— В-ыи и т-так мн-не оч-ч-чень п-помогли, — выдавил стучавший зубами Виис. — Я н-не с-смею д-дальше п-пользоваться...

— Держи уже, — проворчал Корбар, сунув ему в руки охапку одежды. Его вещевой мешок при этом не уменьшился в объёмах, хотя одно пальто, судя по его виду, должно было занимать не меньше половины пространства. Миена заподозрила, что без магии здесь не обошлось, и что вещей в этом мешке гораздо больше, чем кажется. Она вспомнила обыск в Оклегоне и задумалась, поняли ли это местные стражники.

Путники вышли на берег реки. Миена ковыляла самой последней. Несмотря на толстое зимнее пальто, некромантку всё время знобило. Ноги переставлялись с трудом, голова гудела. Но она вспоминала, что это расплата за жизнь Вииса — и становилось легче.

Шли по течению, вдыхая холодный речной ветер и слушая шум вейской волны под крутым берегом. Путь казался Миене бесконечным, хотя остальные даже не запыхались, и солнце висело достаточно высоко.

— Смотрите, на том берегу какая-то деревнька! — Звонкий голос Аряны показался Миене громовым колоколом. — Логорская, наверно...

— А какая ещё? — отозвался Корбар. — Вёя хоть и широкая, но не такая уж большая речка. На одной стороне мы, на другой Логора, иначе не бывает. Это только в горах может возникнуть путаница, хотя все горы, по большей части, тоже на их территории...

— Может, туда переберёмся? — предложила девочка.

Корбар только хмыкнул, и Миена очень хорошо понимала почему. Между Логорой и Вистанией давно идёт активная торговля, правительства этих стран поддерживают друг друга во всём. Человек, чьи документы вызывают хоть какое-то сомнение — а тем более, отсутствуют — не может надеяться на безопасный и лёгкий переход границы. А уж какие истории рассказывали в Приречье о контрабандистах, пойманных с вистанской пушниной или логорским бальтом на борту... Закон в этом плане был слишком суров: если кто-нибудь из деревенских соседей попадался на контрабанде, все знали, что больше этого человека в родных краях не увидят: разве что дряхлым стариком, после долгих лет каторги. Впрочем, плата за риск, по слухам, была баснословной...

Те люди, которые до смерти забили отца, как раз приняли его за контрабандиста. Или за кого-то из посредников. Миена поняла это уже гораздо позже, когда стала старше и догадалась, что означала фраза, сказанная одним из разбойников: «Либо камни, либо деньги». Разумеется, речь шла про бальт — дорогой логорский камень, чрезвычайно прочный, который не могла разрушить даже магия (кроме, конечно, некромантии). Отец клялся, что у него ничего нет — он явно не понимал, о чём речь. Однако ему не поверили...

Миена потрянула головой.

В прошлом. Это всё нужно оставить в прошлом. Нужно думать о настоящем: том, где холодно, том, где рядом человек, которого она сегодня спасла от смерти. А мысли о том, что не можешь исправить, только забирают силы.

А их и так нет. Не свалиться бы, прежде чем попадётся хоть какое-то жильё...

К счастью, вскоре и на этом берегу показались поселения. Однако странникам куда больше приглянулся город, который был дальше, но зато выглядел куда более многообещающим для того, кто хочет затеряться в толпе. Туда и направился Корбар, а за ним и вся компания, опасливо поглядывая в сторону парусных лодок, пришвартованных у пирса.

Когда-то этот город окружала стена, однако теперь от неё остались лишь обломки, плотно оплетённые какими-то растениями — сейчас безлиственными. Перед путниками был один из старинных городов, пострадавших в те времена, когда с Логорой велись войны. Высокие серые дома, кладку которых кое-где покрывал мох, тоже всем своим видом говорили о том, что им очень много лет. Однако жизнь в городе не просто теплилась — была ключом! Такого количества людей на улицах среди бела дня Миена не видела даже в Тиугаре.

Впрочем, вскоре оказалось, что всё дело в рынке, который расположился почти у самой окраины, как раз со стороны реки. А на улицах по соседству почти в каждом доме была какая-нибудь обувная лавка, или парикмахерская... или вот, например, пекарня со старой обшарпанной вывеской, на которой едва читались выцветшие буквы: «Громские кренделя».

— Так это Гром... — удивлённо проговорила Аряна. — Я читала про Гром. Во время одной из Соседских Войн он держал осаду несколько месяцев, здесь погибла большая часть жителей...

Миена смущённо молчала, оглядываясь по сторонам. Она никогда не слышала про город Гром, да и про Соседские Войны лишь краем уха — знала, что так называли стычки, которые раньше возникали между Вистанией и Логорой.

— Нам важно то, что сейчас здесь куча приезжих, и что сам по себе город немаленький, — удовлетворённо отметил Корбар. — Значит, здесь достаточно легко затеряться. Друзья, как у вас с деньгами?

С деньгами было не очень: ни у Миены, ни у Корбара. Аряна сбегала из Порога без каких-либо вещей, а про Вииса и говорить не стоило.

— Я навязала кое-чего, думала продавать... — вспомнила Миена. — Варежки, носки...

Корбар покачал головой:

— Уже неактуально. Весна на носу.

— Носки всегда пригодятся, — возразила некромантка.

Однако рыжий её уже не слушал. Его взгляд привлекла худощавая пожилая женщина, вышедшая из пекарни со стремянкой и небольшим ведёрком, в котором плескалось что-то густое и чёрное. Судя по всему, она собиралась подкрасить буквы.

— Хозяюшка! — звонко крикнул Корбар. Его освобождённые от варежки пальцы скovyрнули с ближайшего сугроба жёсткого снега и сжались в кулак. — Позволь помогу с вывеской!

Маг бросил снег и раскрыл ладонь. В каплях на ней блеснуло весеннее солнце.

***

Со старой Лирантой им повезло. Совсем недавно от неё уехали невестка с зятем, которые раньше были единственными работниками в «Громских кренделях». По-хорошему, следовало бы сначала найти себе замену, но слишком уж неожиданно им пришлось покинуть Гром: у сестры зятя, которая жила в Дальновейске, внезапно скончался муж, и ей нужна была помощь: дети, хозяйство, обувная фабрика, руководство которой теперь перешло к

ней... А эта сестра, надо сказать, ничего не смыслила в обувных фабриках.

— Конечно, она пристроит родного братца, — говорила Лиранта. — Это и правильно... Зятёк-то у меня башковитый. Всё сделает как надо. Денег много будет... А я подумала, что справлюсь пока, а потом найму кого-нибудь...

С помощью Корбара небольшое помещение засияло чистотой. Избавилась от засохшего теста квашня, исчезла паутина под потолком, белёная печь предстала во всём своём великолепии. Маг не взял денег, но попросил приютить двух его кузин — а заодно принять на работу. Старуха обрадовалась, и девочкам отошла комната наверху, которая осталась пустовать после отъезда родственников. Виису места не хватило. Да и «Громовские кренделя» не были такой уж большой пекарней, чтобы накормить трёх лишних человек. Конечно, работа тяжёлая, и мужские руки очень быгодились, но «кузины» ни в какую не хотели разлучаться и разбиваться по парам: Миена с Виисом и Аряна с Корбаром.

— Ничего, — улыбнулся Корбар, скрывая досаду на то, что ему в очередной раз не удалось увести с собой Аряну. Его ладонь с хлопком опустилась на плечо Вииса, и тот вздрогнул. — Мы с братишкой что-нибудь придумаем.

В этот момент Миена поняла, что Корбар ничего не будет придумывать. Ему-то хорошо: для мага всегда есть работа. А Виис — один, в чужом мире, без каких-либо умений...

Виис поймал её взгляд и улыбнулся. Словно мысли прочитал.

— Вы и так слишком много для меня сделали, — сказал он. — Я справлюсь. Не беспокойтесь обо мне.

Напускная уверенность не могла скрыть потерянную в его взгляде и странную безвольность его фигуры, которая, возможно, была всегда, но только сейчас стала бросаться в глаза. Миена остро ощущала и жалость к этому убийце, и свою ответственность за него — и в то же время понимала, что сейчас ничем не может ему помочь. Она действительно сделала всё, что могла. И у неё самой ничего не осталось, чтобы отдавать.

— Прощайте, Виис, — сказала Миена.

Корбар тоже ушёл, убедившись, что «кузины» удобно расположились в небольшой комнатке наверху. Кровать там была не очень большой, хоть на ней раньше и спали двое человек, однако Корбар, по разрешению Лиранты, поместил туда небольшую тахту, которая прежде стояла на маленькой кухоньке, и получилось ещё одно спальное место. А для кухни приспособили сундук с небольшим тюфячком — сидеть на нём было гораздо удобнее. Правда, Лиранта сказала, что гостей у неё всё равно почти не бывает.

В благодарность за помощь старушка решила хотя бы накормить гостя обедом — что было очень кстати, потому что у всех троих к середине дня разыгрался аппетит. Оставив Лиранту кашеварить, Корбар под предлогом помощи девушкам в раскладывании вещей поднялся с ними в комнатку. И там, понизив голос, сказал:

— Я собираюсь несколько дней понаблюдать за обстановкой. Потом дам вам знать. Сами даже не вздумайте задавать кому-нибудь вопросы о...сами знаете о чём. И, конечно, никаких обращений к Источнику. Лучше будет, если вы вдобавок как-то измените облик. Смените причёску — подстрижётесь, например, или...

— Вот ещё, — буркнула Аряна, обладательница роскошных длинных волос.

— Будешь косу заплетать, — сказала ей Миена. — Не кривись, Корбар дело говорит. Если вдруг здесь появится кто-то из наших знакомых, то лучше бы он нас не узнал с первого взгляда.

— И совсем хорошо, если не узнает и со второго, — подхватил Корбар. — Одним

словом, придумайте что-нибудь. А когда выясним, как сейчас обстоят дела, будем думать дальше. Для всех вы — жительницы Дальневейска. После смерти отца осталось много долгов, вы были вынуждены продать дом и отправились искать себе жизнь попроще и подешевле, чем в крупном городе...

— Я никогда не была в Дальневейске, — покачала головой Миена. — Может, лучше Тиугар?

— Тиугар слишком далеко, это будет подозрительно.

— Я ездила в Дальневейск, — сказала Аряна. — Один раз. И очень мало видела, мы были проездом, с отцом и братом...

— Вспомнишь всё, что видела, и перескажешь Миене, — тут же решил Корбар. — На всякий случай.

Вид у него был обеспокоенный и в то же время сосредоточенный. Казалось, он готов выхватить любую возможность, которую ему подкинет пространство Паутины Мироздания, чтобы использовать её для защиты обеих некроманток.

— Спасибо, — сказала ему Миена.

Корбар быстро перевёл на неё взгляд. Посмотрел с каким-то непонятным выражением — и кивнул.

***

В пятнадцати мериках от Грома, в городке Перелесе, по улице шёл угрюмый темноволосый парень лет шестнадцати. Перелес был не настолько маленьким, чтобы все его жители знали друг друга в лицо, однако на парня оборачивались, безошибочно распознавая в нём чужака. Тёмная куртка с отороченным мехом воротником выглядела так, будто её не снимали с прошлой зимы. К тому же была не по погоде: даже бедняки в это время надевали верхнюю одежду попроще, утепляясь изнутри с помощью меховых безрукавок и горячительных напитков. В этих краях верили, что если хотя бы внешне вести себя так, будто тепло уже пришло, оно на самом деле придёт быстрее, чем собиралось. Но больше всего перелесцев смущали ножны молодого человека: одни для меча, другие для кинжала, а также рукоятки, торчавшие из них. И, конечно, арбалет за спиной — нечастое, но любимое некоторыми наёмниками оружие. Когтистую лапу, вышитую на груди, было не видно из-за широкой лямки дорожной сумки, которую чужак носил через плечо, чтобы не мешала, если доведётся сражаться. Однако встречные, похоже, догадывались, что видят ловца.

Миклад — а это был именно он — едва замечал направленные на него косые взгляды. Голова молодого человека была занята мыслями поважнее.

Дойдя до одноэтажного дома с небольшим палисадником, Миклад постучал кольцом в добротную деревянную дверь, над которой красовалась вывеска в виде лошадки-качалки.

Уртан открыл почти сразу, словно караулил. Его лицо, ещё различаемое в зарослях отросшей чёрной бороды, ничуть не изменилось, когда он увидел на пороге бывшего сослуживца по ловчему отряду. Остро смотрели голубые глаза, казавшиеся ещё более яркими из-за загоревшей кожи. Другой, на месте Миклада, задумался бы, с таким же выражением Уртан встречает потенциальных покупателей, или нет. Однако парень был не слишком любопытен.

— Я войду?

Уртан молча посторонился, пропуская незваного гостя.

В доме пахло древесной стружкой, грибным супом и какой-то травой, названия которой Миклад не знал. На миг им овладело раздражение: эти деревенские привычки, вроде

заготовки трав на зиму, всегда казались ему дикостью. Да и суп-то наверняка из грибов, которые Уртан сам собрал и высушил у печки. Нет бы ходить, как все нормальные люди, в таверну! Впрочем, может, мастеру по изготовлению игрушек приходится на всём экономить? Сколько он зарабатывает этим барахлом?.. Миклад обвёл взглядом комнату, задержавшись взглядом на подоконниках, заставленных деревянными поделками. Ну да, если бы он их хотя бы сам красил... Однако Уртан относил свои поделки в красильню, а там наверняка брали весомый процент с продаж...

Впрочем, не его дело.

— Не передумал? — привычно спросил Миклад.

— Нет, — так же привычно отозвался Уртан. — А ты?

Ловец посопел.

— Я обещал, что не выдам тебя, — буркнул он. — Впрочем, меня никто и не спрашивает. Съели сказочку о том, что мы с тобой разделились, а потом не смогли найти друг друга — и рады. Сам понимаешь, жалованье растёт, ловцов развелось, как собак нерезаных. Да скоро и не обязательно будет состоять в отряде, чтобы получить награду за некромантскую голову. Готовится новый указ. Единственная наша привилегия теперь — необязательность доказательств...

— Зачем ты пришёл? — перебил его Уртан. — Явно ведь не для того, чтобы проведать меня. Ты никогда не приходишь без причины. Какие-то новости?

— Я подумал... если ты всё-таки захочешь вернуться...

— Это вряд ли, — сказал Уртан.

— Если ты всё-таки захочешь вернуться, — упрямо повторил Миклад, — то ты не сможешь это сделать с пустыми руками. Я принёс тебе кое-какие новые инструменты...

Уртан хмуро наблюдал, как Миклад достаёт из сумки некий бронзовый предмет, напоминающий жезл, только размером с ладонь. На обоих концах жезла — шарики из непрозрачного стекла... или это камень? Уртан присмотрелся. Кажется, всё-таки камень.

— Это определитель крови... У «Марги» сейчас почти всё оружие сделано через магию крови, амулеты всякие и даже, если верить нашим агентам, какая-то сфера, полная невиданной колдовской мощи... В общем, если у тебя есть образец, ты сможешь вычислить...

— Что за «Марга»?

Миклад взглянул на плотника исподлобья — всё так же мрачно и, вдобавок, с осуждением.

— В любой газете уже можно найти список жертв «Марги», — сказал он. — Маги, судьи, палачи, доверенные лица его величества...

— Я не читаю газет, — сказал Уртан. — Это некромантская организация?

— А чья ещё? Вот эта штука, — Миклад выложил на стол тоненькую трубочку с пробкой, — всасывает себя кровь с любой поверхности и любой давности. Тоже маги делали. Затыкаешь пробкой, потом можешь перелить в какую-нибудь склянку. С этой кровью потом и сравниваешь с помощью определителя...

— Ты думаешь, я действительно буду этим заниматься?

— Я видел, как ты поднял платок, — сказал Миклад. — Ты ведь не выкинул его?

Уртан не ответил. Вместо этого спросил:

— Есть хочешь?

Ловец осклабился:

– Я бы лучше выпил.

Выражение его лица стало почти злым. Он смотрел на Уртана пристально и немного с вызовом, как бы говоря: ну, давай, скажи, что я мал ещё для подобных просьб.

Однако плотник лишь пожал плечами и двинулся к погребу, по дороге задёрнув занавеску, отделявшую комнату от мастерской. Вернулся он с двумя стаканами и высокой бутылью, почти доверху забитой маленькими красными ягодами. Жидкости в бутылки тоже было под завязку, однако, учитывая количество ягод, можно было с уверенностью сказать, что её там не так уж много. Миклад сморщил нос.

– Это из клюквы?

– Из брусники, — спокойно ответил Уртан. — Там, где я родился, брусничная наливка пользовалась большой популярностью. За клюквой мало кто решался ходить — у приреченских болот была дурная слава... Будешь?

– Ну, раз ничего другого нет...

Уртан молча разлил красноватую жидкость по стаканам. Как Миклад и ожидал, после этого её осталось меньше половины.

Наливка оказалась приятной на вкус, но совсем не крепкой. Не такой, какой, по мнению Миклада, должен был восхищаться мужчина, знавший толк в хорошей выпивке. Поэтому он ничего не сказал. Вместо этого заметил:

– Она ведь тоже была из Приречья. Эта девка.

– Я помню. Я её никогда не видел, если ты об этом. Приречье — большой край. Даже в селе, где выросли мы с Кантеей, я далеко не всех знал в лицо.

Миклад насупил ещё больше и снова глотнул наливки. Он действительно давным-давно навёл справки о Миене и поделился информацией без утайки с бывшим боевым товарищем. Который, как он надеялся, всё-таки перестанет быть бывшим и вернётся в ряды ловцов. Почему Микладу так этого хотелось, он не мог объяснить. Возможно, дело было в том, что его по-прежнему жёг огонь мести, который всё никак не хотел утихнуть, и он надеялся, что Уртана он тоже жжёт, только тот никак не хочет в этом признаться. Во время первых потасовок в Тиугаре от руки некроманта погибла мать Миклада, Уртан тоже потерял родного человека по вине этих выроdkов, а значит, он, Миклад, не одинок в своей ненависти. Ведь нельзя же не ненавидеть после такого!

– Куда они могли деться, как ты думаешь? — продолжал он гнуть своё.

– Без понятия. — Уртан рассеянно постучал пальцем о свой стакан. — Правда, есть у меня кое-какие соображения...

– Да? — оживился Миклад.

– В тот вечер я видел странное мерцание среди деревьев. Очень яркое. Я долго думал о нём. Сначала я не придавал ему значения, но потом стал размышлять, и это навело меня на мысли.

– Мерцание? — Парень нахмурился. — Как костёр?

– Нет. Костёр жёлтый, а оно было белое, ярко-белое, как луна в безоблачную ночь. Только не на небе, а внизу, в лесу. Ты никогда не слышал о таком?

Миклад покачал головой, снова начиная раздражаться. Он относился к Уртану с большим уважением, и когда тот вёл себя глупо, это выводило парня из себя. А разговоры о мерцании были ничем иным, как глупостью. Ну, может, некромантки проводили какой-нибудь свой тёмный обряд, а может, вообще померещилось тебе... зачем об этом вообще упоминать?

– Древние называли это явление Оклегонь. Отсюда потом появилось имя...

– Оклегон?! — Миклад, догадавшись, к чему он клонит, так и подскочил. — Негодяйки сбежали в Путешествующий Мир! Тогда мы их никогда в жизни не найдём... Если, конечно, сами не увидим портал.

– Говорят, этот свет загорается только для того, кто совсем теряет надежду, — напомнил Уртан со странной, отстранённой интонацией. — И если это действительно был Оклегон, значит, некромантки её потеряли, и это был их шанс спастись. Возможно, они им воспользовались, возможно, нет... вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Одно мы можем утверждать наверняка: они были в отчаянии.

– Ещё бы! — процедил Миклад. — Мы их почти нагнали! Знать бы наверняка...

– Боюсь, что две отчаявшиеся женщины не кажутся мне слишком привлекательной добычей, — заметил Уртан. — Если они не ушли, и если я когда-нибудь встречу их, то скорее всего уничтожу. Потому что я чту память своей невесты. Но гоняться за ними я не собираюсь.

Миклад скривился. Всё-таки он ошибся в этом человеке. Уртан куда слабее духом, чем кажется. А если он прав, то вообще всё было бесполезно. Искать тех, кто прячется от тебя в другом мире, глупо. Несуществующие люди не оставляют следов.

– В любом случае, спасибо, что поделился со мной инструментами. Быть начеку не помешает. Тем более, я действительно когда-то был ловцом.

– Только об этом здесь никто не знает, — заметил Миклад сердито. — Как тебя здесь зовут? Тан?

– Тан. — Уртан неожиданно улыбнулся. — Так меня звали когда-то родители... Но их больше нет, так что никому не придёт в голову связывать это имя со мной. Наверное, ты прав, и опасности для меня не существует... Однако ничего нельзя исключать. Буквально вчера ко мне забрались двое воров. Когда я вернулся домой и спугнул их, они как раз перерывали кладовку. А в кладовке, помимо прочего, лежала моя куртка с вышитой на ней лапой...

Миклад только хмыкнул, почти презрительно. Можно подумать, какой-то воришка будет докладывать «Марге» о подозрительных куртках!

– В любом случае, подумай, — сказал он, со стуком ставя на стол пустой стакан. — Даже если ты не собираешься гоняться за этой Миеной, то некромантов в округе и без неё вполне хватает. Они окончательно рехнулись и могут убить простого человека, безоружного и никак им не угрожающего. А даже если нет... скоро это будет неплохим способом заработать. Я же тебе говорил: новый указ...

– Я помню, — сказал Уртан.

– Тогда бывай.

Миклад встал из-за стола и покинул лавку, ощущая горькое разочарование.

***

У Миены начиналась новая жизнь. Работу в пекарне нельзя было назвать лёгкой, однако они с Аряной быстро научились ставить опару и замешивать тесто, стали различать, в какой момент в печь нужно ставить кренделя, а когда — караваи. В рабочей кухне всегда было жарко, хотелось то и дело выбежать на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, и Миена с ужасом думала о том, что будет летом. С детства привыкшая к ранним подъёмам, она открывала окошечко лавки, когда солнце ещё только-только поднималось над горизонтом. Скромная девушка с короткой стрижкой на не в меру курчавившихся волосах, по сравнению

с которыми длинная белая шея казалась какой-то очень уж тонкой и незащитной, быстро приглянулась жителям Грома.

Врать про Дальновейск не пришлось. Лиранта всем говорила, что Арна и Мия — её внучатые племянницы, которые какое-то время проживут в пекарне. А откуда они приехали, зачем — это уже лишние подробности, на которые у покупателя не остаётся времени, когда он затоваривается крендельками и свежими караваемы, а сзади напирает длинная очередь страждущих.

— Не их это дело, — ворчала Лиранта, сердито перебрасывая ком теста с одной маленькой сильной руки на другую. — Приехали и приехали. Тётушку навестить. И всё.

Со временем Миена стала подозревать, что «тётушка» о чём-то догадывается. Но поговорить начистоту она не решалась: за время их жизни в Оклегоне некромантов, кажется, вообще перестали считать за людей. Убийство некроманта теперь не являлось преступлением, зато преступлением являлось укрывательство: и это означало, что если Лиранта понимала, кому даёт приют, то она была в опасности.

Впрочем... с чего ей было понимать? Девочки старались вести себя очень осторожно, и даже Аряна согласилась заплетать косу, которую недолюбливала со времён Порога.

В целом жизнь в Громе Миене нравилась. Она наконец-то могла выдохнуть — хотя бы в какой-то степени. Нравилось спокойное, тихое течение жизни, наполненной трудом, ни к чему не обязывающими разговорами, короткими поездками к мельнику, живущему на холме близ одной из окрестных деревушек... Иногда Миене приходило в голову, что это может быть затишье перед бурей, однако она гнала эти мысли прочь. В конце концов, разве не учили её в Пороге, что нужно уметь всегда и во всём находить радость? Разве не говорили, как это полезно для некроманта?

Вот Миена и старалась, получала удовольствие от простых вещей, окружавших её в эти дни, и чувствовала себя почти счастливой.

Чего нельзя было сказать об Аряне. Профессорская дочка не приходила в восторг от необходимости подниматься на рассвете, быстро уставала от любой физической работы и не раз жаловалась, что чувствует, как утекает драгоценное время, пока они сидят в «этой дыре». Миена попыталась объяснить ей про необходимость уравнивать некромантскую деятельность положительными эмоциями, но Аряна парировала, что некромантской деятельностью она не занимается, стало быть, и о прочем можно не беспокоиться.

Повода для тревоги добавила и одна неожиданная встреча, случившаяся, когда Миена, как обычно, ехала за мукой в сторону мельницы. Старенькая хозяйская Лоханка послушно переставляла тяжёлые копыта по уже очистившейся от снежного покрова, но ещё не начавшей зеленеть земле. Шумела река, в лысых придорожных кустах бешено чирикали какие-то мелкие птицы, по ярко-голубому небу быстро плыли круглые пухленькие облачка. До тёмного силуэта стоявшей на холме мельницы оставалась ещё примерно половина пути, когда на берег неожиданно поднялся человек с тёмными отросшими волосами. Он встал поперёк дороги, и Миена машинально натянула поводья, вглядываясь в высокую фигуру и пытаясь понять, что в этой фигуре заставило её сердце ёкнуть — как от дурного предчувствия, или от узнавания...

Телега остановилась.

— Привет, — сказал человек.

— Ро... — Миена вовремя спохватилась и не произнесла имени Роиса до конца.

— Ройт, — помог ей бывший однокурсник. — Тут, конечно, никого нет, но я уже

привык, чтобы меня называли именно так. Я сяду к тебе, можно?

Миена неуверенно кивнула и подвинулась. Потом потупилась, глядя на сложенные на коленях руки, в которых по-прежнему были зажаты поводья.

— Меня Мия зовут, — сказала она зачем-то.

— Хорошо, — принял к сведению Роис. — Как ты? Я уже видел тебя здесь, но подойти не решился почему-то. За мукой?

Миена кивнула.

— Да. Я работаю у местной пекарки.

— Не самое надёжное убежище, но лучше, чем ничего.

Он как будто не чувствовал никакой неловкости. Миена искоса поглядывала на него, отмечая, что он по-прежнему красив, но при этом выглядит каким-то поблѣкшим. Нет больше той бьющей ключом энергии, которая так привлекала её когда-то. Сложно представить, что этот человек всегда был готов рассмеяться даже самой нелепой шутке, помочь каждому, кому нужна была помощь, стать частью любой авантюры. Только бы не было скучно. Только бы всем было хорошо.

Когда-то она спросила его, зачем он заступился за Трука, который умудрился приволочь к жертвеннику старика, не проверив, лежит ли на том печать Маромира. В Пороге его после этого обливали презрением все, что учителя, что студенты. Кто-то в столовой собирался облить Трука ещё и яблочным соком — но тут вмешался Роис, загородив изгоя собой, и весь сок вылился ему на рубашку. Невысокому Труку сок должен был бы прийтись на макушку, а здоровенный Роис принял удар, в прямом смысле, на грудь. Он сделал вид, будто это вышло случайно и, конечно, с лёгкостью обратил произошедшее в шутку — однако Миена видела, что Роис нарочно шагнул на линию яблочного огня.

— Мне его жалко, — признался он в ответ на Миенин вопрос.

— Кого, Трука? — изумилась она. — Но ведь он подонок! Ему-то до сих пор того старика не жалко, он по-прежнему уверен, что был прав, и ничуть не раскаивается в том, что сделал!

Роис пожал плечами:

— Так ведь он не умеет раскаиваться. Зачем требовать от него невозможного?

— Как это — невозможного? — растерялась Миена.

— Если у человека нет правой руки, он не сможет пользоваться правой рукой. Если у человека нет совести, он не может пользоваться совестью. Он ущербный. Он не способен понять, почему на него все ополчились. Ненавидит нас, изливается ядом, подстраивает пакости... У него просто отсутствует способность такое понимать. Для меня издеваться над ним — это примерно то же самое, что издеваться над безруким. — Заметив, что лицо Миены становится всё более озадаченным, Роис расхохотался. — Вещаю, да? Не обращай внимания, я могу долго трепаться на любую, в общем-то тему... Но что я тебе точно скажу: если человеку, который избивает свою жену, хорошенько врезать, он не подумает, что раз ему больно, то и жене, значит, больно, и бить её не надо. Он разозлится на тебя и сделает из тебя своего личного врага. И по-прежнему будет избивать жену. Он не проведёт параллелей, не сделает выводов. Он станет мстить лично тебе. Стало быть, твой удар в его челюсть не принесёт в мир ничего хорошего. Это может быть обидно — ведь иногда ударить какую-нибудь сволочь бывает очень приятно. Но это факт.

Чем дольше он говорил, тем сумрачнее становился его взгляд. На лице заиграли желваки, ужесточились линии лица. И Миена догадалась, что описанная им ситуация —

вовсе не гипотетическая. И в тот момент стала немного ближе к пониманию того, почему этот парень пошёл в некроманты. Весёлый, открытый, общительный Роис, как ни странно, никогда об этом не рассказывал.

Впрочем, он тут же улыбнулся привычной улыбкой и снова извинился за то, что разболтался. Дескать, ему вообще легко болтать, когда рядом такая благодарная аудитория — и подмигнул, что заставило Миену тут же залиться краской.

Эту появлявшуюся в нём время от времени развязанность, особенно когда дело касалось девушек, Миена терпеть не могла. Она тогда буркнула что-то и исчезла с видом оскорблённого достоинства.

Но сам этот разговор сильно повлиял на неё. Сейчас, вспомнив его, Миена даже подумала, что в спасении Вииса отчасти виноват именно тот случай в столовой.

Облить соком того, кого все обливают соком — не поступок сильного человека. Поступок сильного человека — это как раз то, что совершил Роис. Причём Миена была уверена, что он бы запросто объяснил свой порыв и тому, кто этот сок выплёскивал, и вообще всем вокруг — но это бы только ещё больше унизило, а то и обозлило Трука, и Роис промолчал.

Это и восхищало Миену, и заставляло её острее чувствовать собственную ничтожность. Пропасть между ней и Роисом после этого случая стала ещё больше — а она и так, с её точки зрения, была немаленькой.

Роис был старше, он поступил в Порог в шестнадцать лет — что для тамошних порядков было вполне нормально, так как студентами-некромантами могли стать подростки с двенадцати до семнадцати. Наставниками даже приветствовалось, когда группа получалась разношёрстной — это только помогало учебному процессу. Однако разница в возрасте в это время кажется огромной, поэтому Роис представлялся двенадцатилетней Миене взрослым человеком с большим жизненным опытом. Она и так бы робела перед ним — а тут ещё и это его кипучее жизнелюбие, и исходящее от него ощущение силы и, конечно, внешность. Роис очень напоминал ей одного плотогона, которого она часто видела на Вее — такого же темноволосого, с таким же загорелым красивым лицом и сильными руками; как ловко он перепрыгивал по несущимся по быстрой воде брусьям, с лёгкостью балансируя на них — и та же лёгкость была в каждом его движении. И та же энергия, что и у Роиса. И в солнечный день, когда на него падал свет — именно таким Миена и увидела его впервые — он казался одним из Создателей, сошедших в Явомир, чтобы получить немножко удовольствия от жизни в этом замечательном месте...

Таким же она увидела и Роиса, когда в первый день занятий в Пороге свежеиспечённые студенты знакомились друг с другом.

По человеку, который сидел рядом с Миеной теперь, нельзя было сказать, что он вообще когда-либо смеётся, а от его большой фигуры веяло смутной угрозой. И потом... не решился подойти? Роис? Так не бывает.

— А чем ты сейчас занимаешься? — спросила она.

— Убиваю ловцов.

Миена резко повернулась к нему.

— Что ты так смотришь? — Роис смотрел на неё исподлобья, и в этом взгляде был вызов. — Как они с нами — так и мы с ними. Ты ведь знаешь о «Марге»?

— Марга... «Помощь», — вспомнила Миена. — По-марски.

Роис со скептическим видом трижды хлопнул в ладоши, имитируя аплодисменты.

— Рад, что ты не забыла язык. Но я вообще-то о движении некромантов. О борьбе. С противодействии тем, кто сделал нас изгоями.

— Почему движение о борьбе называется «Помощь»? — спросила Миена, которой от напористости, звучавшей в речи её бывшего однокурсника, стало немного не по себе. В ней она впервые услышала отголоски той энергии, которая так нравилась ей в Роисе, однако энергия эта была какой-то нехорошей, недоброй

— То есть ты не шутишь? Ты и правда о нас не знаешь?.. Очень странно. Да, «Марга» поначалу задумывалась именно как помощь для некромантов. Создавались специальные укрытия для тех, кто бежит от властей, кто не хочет попасть в тюрьму или быть убитым ловцами за нежелание туда идти. Запасы еды, пищи, артефакты и амулеты, лекарства. Кое-где — жертвенники... Но для меня это в первую очередь борьба. Арбес Белый с помощью сподвижников, северных магов, убил своего отца, который хотел лишить его трона в пользу своего бастарда — это нам рассказали наши друзья в Рикване. А чтобы как-то себя, прости за каламбур, обелить, он подставил всех некромантов. Потому что всегда ненавидел нас и боялся. Он дурак и трус. Только вот на его стороне всё государство. Министры, маги, стражники и простые люди, которым только дай повод... Но мы сильнее! И мы можем всё это изменить. Вернуть себе права на колдовство и на свободу. На жизнь.

— Каким образом?

— Мы должны заставить их признать, что бороться с нами бесполезно. И лучше заключить перемирие.

— И ты собираешься это сделать, убивая ловцов?

— А также не позволяя им убивать нас, — сказал Роис. — Ты как будто считаешь, что так неправильно?

— Не знаю. — Миена отвела глаза. — Они же просто наёмные...

— ...убийцы, — заключил Роис. — Люди, которые получают деньги за то, что убивают нас. Им надо было выбирать другую работу.

— Может, они не могли выбрать?

— Ты про этих, которым якобы предложили освобождение из тюрьмы в обмен на то, чтобы они стали ловцами? — Роис скривился. — Сомневаюсь, что такие есть. А если и есть, то надо было выбирать тюрьму! Это они не оставили нам выбора. Они решили, что мы не должны жить так, как мы живём, а то и не жить вовсе. А я не хочу! Это, знаешь ли, не входило в мои планы. Я мог бы стать... Впрочем, неважно. Ладно. Я вижу, ты не собираешься нам помогать...

— А вам нужна помощь? — спросила Миена.

— Конечно, нужна. Чем больше некромантов к нам примкнёт, тем лучше... впрочем, убивать ловцов необязательно. Ты могла бы проводить обряды, заряжать амулеты силой... Помочь нам с одним мощным артефактом, над которым мы работаем...

Последнее Роис произнёс несколько неуверенно, словно сомневался, стоит ли ей говорить вообще об этом.

— Я пока не могу. — Миена смутилась. — Мои возможности сейчас несколько ограничены...

— В смысле?

— Я задолжала Маромиру жизнь.

Роис фыркнул.

— И почему это проблема? У нас тут недалеко одно из укрытий, я там живу. В нём есть

жертвенник. Приходи, отдавай долг — и помогай.

— Спасибо. Я приду... когда дел будет поменьше.

— Каких дел?! — не выдержал Роис. — Булочки печь?!

Миена вздохнула и отвела глаза. Он прав, конечно: рано или поздно придётся это сделать, хотя бы для собственного спокойствия. И лучше рано, чем поздно. Но...

— У меня есть обязательства, — сказала Миена. — Я пока не могу всё бросить и сбежать, даже ненадолго. Но когда смогу, я обязательно приду. И помогу — чем смогу. Расскажи, куда идти... Я не предаю, — с нажимом произнесла она, заметив подозрение, промелькнувшее на лице Роиса. — Правда.

Кажется, он поверил. А может, рассудил, что ей это невыгодно. Во всяком случае, дорогу до нужной пещеры Роис рассказал.

Когда он вылез из телеги и попрощался, Миена, не выдержав, спросила:

— Ройт, помнишь, ты говорил, что человек без совести — ущербный человек?

Он обернулся, молча посмотрел в ответ, и в его взгляде мелькнула растерянность. Всего на долю секунды — однако Миена заметила.

— Тебе не кажется, что ловцы — как раз ущербные люди? — продолжила она. — Тебе не кажется, что...

— Нет, — отрезал Роис. — Это война. А на войне убивают всех, и ущербных в том числе.

И, не говоря больше ни слова, он зашагал вдоль берега.

Встреча с бывшим однокурсником немного выбила Миену из колеи. Она старалась не думать о случившемся — как будто ничего не было.

Да и не было ничего, на самом-то деле.

Но в душу закралась смутная тревога. А где-то через неделю после встречи с Роисом Миена начала ощущать, что что-то не так. Возможно, это началось в тот день, когда они с Арянной ходили на рынок и, пойдя обратно непривычным путём, неожиданно вышли к Управлению Порядка, которое резко выделялось среди прочих громовских зданий тёмным фасадом, большими размерами и совершенно неожиданными статуями в нишах у входа. Статуи были довольно высокими, и стоявшие возле них стражники в сравнении выглядели несколько комично. Девушки подошли поближе, разглядывая необычную архитектуру — хотя с заполненными продуктами корзинами, которые они несли, сделать это было не так уж легко.

— «Рекомендуемо»! — вдруг воскликнула Аряна с презрением. — Палачи... Или лучше сказать «живодёры»? Если некромантов уже не считают за людей?

Миена опасливо взглянула в сторону стражников, но кажется, шум этой широкой, уставленной лавками улицы — говор, крики, стук колёс редких повозок — заглушил слова её подруги. А может, просто стражники попались несообразительные или слишком равнодушные...

— О чём ты вообще? — понизив голос, хмуро спросила некромантка.

— А вон.

Аряна кивком указала на деревянный щит, приколоченный на стоявшем возле входа столбе. На щите белели листки бумаги разных размеров, и самый большой, в центре, возвещал о том, что человеку, который приведёт в Управление незарегистрированного некроманта, полагается награда. При поимке некроманта допустимо, и даже рекомендуемо применение силы.

Рекомендуемо.

Миена снова покосилась на стражников, но те по-прежнему сохраняли невозмутимый (а один из них — откровенно скучающий) вид.

Ухватив Аряну за локоть свободной от корзины рукой, некромантка потащила её в сторону, подальше от тёмной громады Управления.

— Почему сразу «живодёры»? — спросила она по дороге, по-прежнему не повышая голос. — Там же не написано, мол, отрывайте им ноги, чтобы не сбежали!

Аряна невесело рассмеялась.

— Мне иногда кажется, что у тебя вообще чувства юмора нет, а ты вдруг что-нибудь такое как скажешь...

Миену почему-то задело замечание о чувстве юмора, но только она попыталась придумать какой-нибудь остроумный ответ, как Аряна, резко оборвав смех, сказала:

— О том, что ноги отрывать нельзя, там тоже ничего не сказано. А если нельзя — значит, можно.

До пекарни они дошли в тишине. Всё это время Миену не оставляло ощущение пристального взгляда в спину. Она даже обернулась перед тем, как зайти в «Кренделя» — но никого не обнаружила.

Ещё пару дней спустя ей пришлось признать, что либо она начинает сходить с ума — либо за ней действительно кто-то следит.

Про «Маргу» девушка подумала в первую очередь. Вдруг Роис или кто-то из его товарищей увидел, как они идут от Управления — и подумал, что Миена решила донести на них? А меж тем приближался день, когда ей снова нужно было ехать за мукой. Одной. По дороге, где кроме неё почти никого не бывает... Прежний Роис, возможно, честно поговорил бы с ней. Но прежнего Роиса больше не было.

Конечно, ей бы хватило сил противостоять неожиданному нападению — по крайней мере, Миене хотелось верить, что это так — но пользоваться магией было слишком опасно. Тем более, может, её как раз хотели спровоцировать.

А значит, нужно было искать более простые решения.

По правде говоря, простое решение нашлось почти сразу, но у Миены ушло некоторое время на то, чтобы уговорить себя им воспользоваться. Когда она, наконец, убедила себя в неизбежности предстоящего унижения, то отправилась искать Корбара.

Почему беседу с магом девушка рассматривала именно как унижение, сложно было сказать. Корбар не имел привычки унижительно смотреть на своих спутниц, что бы те ни делали, и всегда был готов помочь. Возможно, проблема состояла в том, что помогал он либо по собственному желанию, либо когда его просили Аряна или Лиранта. Миена же не просила никогда. И дело было не в Корбаре — просто любая просьба о помощи была для неё равнозначна признанию в собственной слабости. В первую очередь — самой себе. А такие признания всегда давались Миене нелегко. Странно получалось, конечно. Она восемь лет училась в Пороге, причём училась на зависть многим, почти полгода работала в Горкино — и ни разу у неё не было недовольных клиентов! Пожалуй, для своего возраста, Миена была одной из лучших и опытейших некроманток.

И всё равно оставалась слабой. Даже саму себя не могла защитить.

Но, как бы там ни было, иногда нужно стать достаточно сильным хотя бы для того, чтобы признаться в собственной слабости.

И Миена стала. Она пошла искать Корбара.

Каким-то образом о рыжем маге уже знала половина Грома, и он был нарасхват, когда речь заходила о магической помощи. Вот и теперь услуги Корбара пригодились в постройке нового здания для Громовского банка: недавно подошедшая Миена имела возможность наблюдать, как свежеструганные брёвна плотно ложатся друг на друга, формируя прочную стену. Для неё Корбар решил сделать небольшой перерыв, к тому же солнце как раз спряталось за маленькую пузатую тучку.

— Я завтра к мельнику собиралась, — заметила Миена ровным голосом. — И... в общем, мне как-то беспокойно. Не мог бы ты составить мне компанию? Это быстро, — поспешила добавить она.

Маг поднял брови.

— Тебе беспокойно — просто так? Без причины?

— У женщин такое иногда бывает. — Миена пожала плечами.

Корбар усмехнулся, и некромантка, отведя глаза, хмуро уставилась в одну точку.

— Ладно, извини. Я просто так спросила, не обращай внимания.

Она собралась было развернуться и уйти, но тут Корбар сказал, повысив голос:

— У женщин такое бывает, да только не у всех. У тебя ничего не бывает без причины. Поэтому я и спрашиваю.

Он неплохо успел её узнать. Действительно, Миена иногда могла беспокоиться просто так — но никогда не предпринимала никаких действий, не имея на то веских оснований.

— Что случилось? — напрямик спросил маг. В его интонации некромантке почудилось участие, и весь он был какой-то уже привычный, солнечный — должно быть из-за цвета волос... А если ещё вспомнить, что до этого момента, она видела от него только помощь...

Миена вздохнула и, чувствуя, как начинают пылать щёки, рассказала о своей встрече с Роисом, о «Марге», и о том, как отказалась им помогать.

— Правильно сделала, — тут же сказал Корбар. — Я же уже говорил вам с Арянной: единственный хороший вариант в данных обстоятельствах — переждать. Не высовываться ни в коем случае, никаким образом. Сейчас против вас придумали столько всяких фокусов, что даже мне не по себе стало...

Маг говорил так тихо, что девушке приходилось напрягать слух, хотя слово «некромант» ни разу не было произнесено.

— У наших тоже могли появиться новые фокусы, — отозвалась Миена, поглядывая на строительство. Она честно старалась не смотреть на плоды трудов Корбара со скепсисом, хотя некроманту бы на его месте потребовалось гораздо меньше времени. — Да и старые методы наверняка до сих пор могут переплюнуть все их ухищрения.

— Ты никак расстроилась? — поинтересовался внимательно глядевший на неё Корбар. — Не очень тёплая получилась встреча?

— Не знаю. — Миена вздохнула. — Он очень изменился. Он раньше совсем другой был...

— Какой? — внезапно заинтересовался маг.

— Добрый. Весёлый. Справедливый... Очень хороший, в общем.

Корбар хохотнул:

— По-моему, кое-кто был в него влюблён!

Миена окончательно залилась краской.

— Почему сразу влюблён-то? — пробормотала она. — Я тебе просто рассказываю, как есть. Как бы там ни было, меня это тревожит...

— Как бы там ни было, если любовь прошла, то лучше выкинь это всё из головы и держись от него подальше.

Миена вскинула на него глаза.

— А если не прошла, то и подавно, — заключил Корбар, пронизательно глядя на неё.

— Прошла, — быстро сказала некромантка.

— Так значит, всё-таки что-то было?

Вот привязался! Ну, было. Поцелуй. Один. Миена сама не знала, что на неё нашло и выпускной вечер в Пороге. Давным-давно она пообещала себе, что на неё больше ничего никогда не будет «находить». Но ей показалось, что Роис много выпил, и она надеялась, что он ничего не вспомнит... Ей показалось. Он всё помнил; Миена узнала об этом уже потом, когда случайно столкнулась с ним накануне своего отъезда из Тиугара. Нельзя сказать, что встреча порадовала девушку: Роис говорил, мол, ничего страшного, я понимаю, всякое бывает; все немного перебрали, спиртное любого дураком делает — выпускной всё-таки... не бери, мол, в голову. То есть он, в свою очередь, подумал, что пьяна была она.

А Миена ведь ни капли вина в рот не брала. Она вообще не пьёт.

Когда они распрощались, девушка шла и думала: дураком, значит? Это было по-дурацки?

Так её сумасшедший поступок в её же собственных глазах превратился в какой-то фарс. Он вдруг стал ненастоящим. Незначительным. Пустым. Дурацким.

Пропасть между ней и Роисом тогда увеличилось до невозможности. Отчасти потому, что ей теперь стыдно было смотреть ему в глаза.

— Ничего, — буркнула Миена. — Глупость одна была... Ладно, Корбар, я поняла тебя. Постараюсь обо всём этом не думать. Спасибо.

— Пожалуйста, — преувеличенно вежливо отозвался Корбар. Иногда девушке казалось, что маг над ней издевается. — Всегда рад помочь... Ты, кстати, ничего не говорила ему про Аряну?

— Нет, конечно.

— «Конечно», значит... Всё-таки ты ему не доверяешь?

— Не знаю... — отозвалась Миена.

Роису она не стала говорить об Аряне из-за привычки к скрытности и осторожности. Но сейчас слова Корбара немного встревожили её. Нет, она вовсе не думала, что Роис сможет причинить ей вред... Но вдруг он расскажет об этой встрече тому, кто сможет? Ведь он не один в этой «Марге». И среди членов организации вполне могут оказаться люди, которые считают, что кто не за них — тот против них. Могут ли они выдать её, или как-то использовать? А если станут следить — и узнают про Аряну? А ведь, если ей не кажется — уже следят...

— Давай Аряна пока поживёт у меня, — предложил Корбар, наблюдавший за выражением её лица, которое, по ходу Миениных размышлений, становилось всё тревожнее.

— Она не согласится.

— А ты попробуй её уговорить. Лишняя осторожность не мешает. Тем более сейчас за ваши головы можно выручить неплохие деньги: ты ведь знаешь, в Вистании стало ещё опаснее.

Да, в Вистании стало ещё опаснее, чем было, когда они бежали в Оклегон. К тому же и Гром в последнее время перестал казаться таким уж надёжным местом. Недавно, например, прошёл слух, что якобы сам граф Триф приехал в свою Громовскую резиденцию, которую Миена слышала самые невероятные вещи, но которую никогда не видела. Огромный, как вистанский дворец, особняк из логорского бальта стоял дальше по берегу, и к нему через лес вела хорошо укатанная дорога — но не пекарской же девчонке на телеге к таким особнякам кататься! Да и некогда было, по правде говоря. Казалось бы, подумаешь, граф Триф — но если верить слухам об этом эксцентричном аристократе, то совсем скоро последует грандиознейший бал, и в Гром начнут съезжаться разномастные гости, в том числе, из Тиугара, так как граф постоянно живёт именно там, и в Тиугаре у него как пить дать полно знакомых. Любопытствующие богачи наверняка прогуляются по Грому, побывают в пекарне с вкусными кренделями. Позадают вопросы. И найдётся же громовец, который непременно им скажет, что недавно не пойми как и не пойми откуда появились две девчонки, а старая пекарка приютила их. А если кто-нибудь из этих аристократов навевался в Порог?! Тот же граф Триф, любитель всяких, как он выражался, «магических штучек», там два раза бывал, и это только на памяти Миены! Вряд ли, конечно, он узнает её, но всё же, всё же...

И вот теперь Роис. Чем для них всех обернётся эта встреча? Может, следовало всё-таки согласиться на то, чтобы время от времени как-то участвовать в жизни «Марги»? Но не было бы ли это решение ещё более опасным?..

— Просто поговори, — с нажимом повторил Корбар. — Хуже не будет.

— Да, хорошо.

— Когда ты завтра поедешь к мельнику?

Миена удивлённо взглянула на него. Она и сама успела позабыть о своей просьбе. А Корбар, оказывается, помнил.

— Утром, около десяти.

— Значит, без четверти десять я буду у пекарни.

Волна благодарности накатила на некромантку, подобно лавине. Она давно не испытывала такого. Корбар действительно собирался ей помочь — не за компанию с Арянной, а лично ей! Его не оттолкнула глупость сложившейся ситуации, и то, что Миена, пусть и невольно, поставила их всех под удар. Он собирался помочь — потому что ему было не всё равно. На самом деле.

— Сп... спасибо... — пролепетала Миена. Язык почему-то стал её плохо слушаться.

— О чём речь. Но с Арянной всё-таки поговори, хорошо?

Некромантка находилась в таком состоянии, что готова была обещать уговорить девчонку переехать к нему насовсем, чего бы это ей ни стоило. Но вовремя опомнилась: она никогда не давала обещаний, не будучи уверенной, что выполнит их. А здесь затея была почти обречена на неудачу: Арянка оставалась упрямой до невозможности, и никогда не делала того, что не хотела. Хорошо, что она чувствовала некий долг за собой, и понимала, что должна работать у Лиранты: здесь с ней проблем практически не возникало.

Рассеянно кивнув и выдавив из себя очередное «спасибо», Миена побрела в сторону «Кренделей».

Вероятно, если бы она не была так смущена всем происходящим, то оставалась бы более внимательной. Если бы не погрузилась так глубоко в свои мысли, то почувствовала бы раньше, что что-то не так. И успела бы среагировать правильно.

В конце концов, когда перед тобой с крыши падает камень — это не повод терять самообладание. Даже если камень большой, как колодезное ведро. Не на голову же он падает, в конце концов.

Миена не умела кричать от страха. Она тихонько пискнула и отшатнулась к стене. Ноги тут же задрожали и ослабели. Опустившись на корточки, девушка быстро осмотрела вокруг себя землю диким взглядом, и заметила сонного жука, лениво восходящего на крохотную кочку, ближе к солнцу.

Однако отогреться в этой жизни жуку было уже не суждено. Миена прикрыла глаза, чувствуя холодок в пальцах и представляя, как вокруг неё образуется невидимый, но крепкий кокон.

Некромантка не видела и не слышала, как в неё прицельно полетел камень поменьше — и не долетел, упав на землю.

Когда она открыла глаза, вокруг никого не было. Безлюдный переулок, самый разгар дня: все работают. Отойти от стены и посмотреть, что происходит на крыше, у Миены не хватило духу. Да и опасно было.

Она кое-как встала и, стараясь держаться как можно ближе к стенам, развернулась и бросилась прочь. Главное было — уйти с этого места, и Миена даже не вспомнила, что собиралась вернуться в пекарню. Когда она вылетела на маленькую площадь, где стояло недостроенное здание банка, и где были какие-то люди, она почувствовала себя чуть-чуть спокойнее. Корбар заметил её издалека, и снова прервал работу. Некромантка стояла, не

двигаясь, что что-то в её позе, видимо, насторожило мага, и он поспешил к ней.

Корбар остановился в шаге от девушки, нахмурился.

— Я не могу к тебе подойти. Ты что? Зачем? Что случилось?

— Скоро исчезнет, — прошептала Миена.

— Что исчезнет?

— Кокон.

Он нахмурился ещё сильнее. Не расслышал.

— Меня только что пытались убить, — сказала Миена. И почти закричала: — Меня только что пытались...

— Я понял, — быстро ответил Корбар, успокаивающе поднимая руки. — Пойдём, покажешь где.

Как и следовало ожидать, никого он там не нашёл. Переулок был всё так же пустынен. Миена терпеливо, вздрагивая от каждого громкого звука, ждала, пока Корбар пройдёт по крыше, откуда на неё скидывали камень.

— Никаких следов нет, — сказал он, ловко спустившись на бортик небольшой тачки, прислонённой к стене. — Если там кто-то и был... — Корбар спрыгнул на землю, — ...то мы его не найдём. Разве что подождём, пока тебя снова не попытаются убить.

Миена нервно улыбнулась краешком рта. Шутка была несмешной, но девушка по-прежнему испытывала благодарность к Корбару, и, как следствие, чувствовала некую обязанность хотя бы попытаться растянуть губы в улыбке.

Корбар осторожно протянул руку и, не встретив преграды (кокон уже исчез), дотронулся до плеча некромантки. Та только вздрогнула.

— Во всей этой ситуации приятного мало, — сказал Корбар. — Но мы что-нибудь придумаем. Не буду говорить, чтобы ты не боялась — совсем не бояться будет глупо. Но бойся в меру. Не сходи с ума. Где, говоришь, эта их пещера находится?

Миена покосилась на него с недоверием.

— Это не приведёт ни к чему хорошему, — сказала она. — И ты вообще не имеешь к этому никакого отношения.

— Не имею, — согласился Корбар. — И знаешь, я не могу назвать себя таким уж благородным человеком. Но что-то мешает мне оставить вас двоих наедине со своими проблемами. И не только просьба Тобаля. Мы, согласись, не так уж и мало успели пережить вместе. Мы даже вполне можем называть себя почти друзьями.

— Почти друзьями, — эхом повторила некромантка.

— Да. Поэтому я хочу наведаться в эту пещеру. Просто поговорить. Вполне возможно, они и ни при чём.

Миена покачала головой. Она не верила в совпадения.

***

Корбару всё-таки немного удалось её успокоить. Прежде чем вернуться к работе, он проводил Миену до пекарни, по дороге прося быть предельно внимательной и не соваться в безлюдные места — а также убедить не соваться Аряну, хотя бы попробовать.

— На ночь лучше бы запереть все двери и окна, — рассуждал он. — И ещё я постараюсь за завтра сделать для вас амулеты, которые можно будет положить на подоконник и возле входной двери. Тогда, если кто-то попытается к вам проникнуть, раздастся громкий звук.

— Хорошо. Спасибо, Корбар.

— Вы могли бы обе переехать ко мне, — неуверенно произнёс маг, — но у меня такая

маленькая комнатка, и хозяйка, я боюсь...

— Мы не можем все жить за твой счёт, — перебила его Миена. — И в любом случае, это будет подозрительно.

— Ладно, — не стал спорить Корбар, — пока живите здесь, но будьте осторожней. В ближайшие дни разберёмся, кто эти люди, и что с ними делать... Ну, вот и пришли. — Корбар остановился возле двери с вывеской «Громовских кренделей». Легонько сжал её руку в знак прощания. — Завтра без четверти десять.

— Завтра без четверти десять, — повторила Миена.

Когда она вошла в пекарню, в знакомые и уютные запахи, страх отступил почти совсем, и даже воспоминания о падающем перед ней камне перестали быть такими тревожаще живыми.

Следующим утром путешествие до мельника обошлось без происшествий. Но взять с собой Корбара всё равно оказалось хорошей идеей. Во-первых, с ним Миена почти ничего не боялась, во-вторых, он развлекал её незамысловатыми, но забавными тиугарскими байками, а в-третьих, помог с мешками. В ближайшие два дня маг пообещал не только заняться амулетами, но и наведаться в пещеру, как только выкроит времечко во внезапно навалившихся на него заказах. Эти два дня Миена его не видела и, к своему удивлению, извелась, представляя, что Корбар мог уже забраться в прибежище «Марги» — но так и не вышел оттуда.

На третий день она понесла кулёк с маленькими крендельками в одно богатое семейство, которое никогда не присылало в пекарню своих слуг, зато очень ценило работу Лиранты и её подопечных, щедро оплачивая и саму работу, и доставку к обеду ещё тёплой выпечки — до самых дверей. На обратном пути девушка не выдержала и отправилась искать Корбара. Обойдя несколько мест, где маг мог бы быть, Миена вышла к окраине Грома — где неожиданно для себя увидела Аряну.

Девочка стояла на опушке небольшого перелеска, сбрызнутого зеленью наклюнувшихся почек. Очевидно, большинство покупателей не горели желанием в середине дня заговариваться кренделями, и Лиранта отпустила помощницу отдохнуть, а за прилавок села сама.

Приглядевшись, Миена заметила, что девочка не одна. Напротив неё, на расстоянии шагов десяти, сидел на земле медведь. Очень, очень большой.

Ситуация вызывала у Миены противоречивые чувства: с одной стороны, она сразу поняла, что медведь ничего Аряне не сделает, так как находится под воздействием заклинания, с другой — заклинание могло быть только некромантским.

Миена быстро огляделась, но склады вокруг выглядели необитаемыми и почти не подозрительными. Тогда она быстрым шагом направилась к Аряне, по дороге чуть не споткнувшись о большой кусок крепостной стены, который у неё не получилось быстро обогнуть.

Заметив спешащую к ней подругу, Аряна жестом велела медведю уйти, и тот безропотно скрылся меж деревьев.

— Что ты творишь? — Фраза должна была получиться сердитой, но наткнувшись на взгляд маленькой некромантки, Миена слегка подрастеряла свой пыл. Ей иногда по-прежнему становилось неуютно, когда девчонка так на неё смотрела.

— Меня никто не видел, — сказала Аряна.

— А если бы увидел?!

— Но ведь не увидел же.

Миена вздохнула. Этот спор мог продолжаться в том же духе хоть целый час, и ни к чему не привести.

— Я не знала, что ты умеешь призывать животных, — сказала она.

— Я много чего умею. Тренируюсь потихоньку. Я не испытываю от этого никакой радости, но мне кажется, это может пригодиться. Между прочим, я как-то раз слышала, как Лиранта назвала медведя «отцом леса». Их здесь очень почитают, потому что лес рядом.

— Их везде очень почитают. У нас в Приречье даже приносили им дары на опушку. Поэтому с медведем, при наличии жертвенника, можно сделать очень многое.

— Например, уничтожить город?

— Не знаю, не пробовала, — холодно ответила Миена. — Пойдём. Пора опару ставить.

Аряна пожала плечами.

Когда они проходили мимо развалин крепостной стены, Миена уловила краем глаза какое-то движение возле одного из больших обломков. Она повернула голову. Раскидистый куст с плотно сомкнутыми почками качнул ветвями, вроде как от очередного порыва ветра. Или нет?..

Миена подумала, что так можно стать параноиком. Кто здесь мог бы прятаться, на окраине, возле складов? Зачем?

Убедив себя, что подходить к большому обломку, облюбованному кустом, совершенно не нужно, она ускорила шаг.

***

Корбар объявился ближе к вечеру. Мрачный, с шишкой на лбу и треснутыми очками. Постучался в окно кухни.

— Ты свободна сейчас? Можем пройтись?

Миена была не очень свободна: тесто как раз расстоялось достаточно, чтобы налепить из него булочек и поставить в печь, — но ответить отрицательно она не смогла. При виде шишки у неё мелко задрожали руки, да и весь вид мага говорил, что пришёл он с важными вестями. Кинув передник на лавку, Миена поспешила на улицу.

— Я хотел было сунуться туда вчера, — сказал Корбар, — но кто-то толкнул меня, пока я шёл по берегу. И это при том, что я подготовился, поставил защиту...

Миена только головой покачала. Хороший некромант с лёгкостью пробьёт защиту, установленную любым другим магом.

— Давай завтра попробуем вместе, — предложила Миена.

— Можно и вместе, — подумав, согласился Корбар. — Но лучше послезавтра.

— Завтра работаешь?

— Да... — отозвался Корбар, глядя в сторону и думая, казалось, о чём-то своём. — Работаю, да... Слушай, ты же завтра никуда не собиралась идти?

— Вроде нет.

— Тогда никуда и не ходи. И Аряне тоже скажи. Сидите дома, запритесь и глядите в оба.

— Но подожди... — начала было Миена.

Корбар остановился и посмотрел на неё со странным выражением, как будто в чём-то обвинял.

— Это очень серьёзно, — отдельно произнёс он, в эту минуту совершенно не похожий на себя. — Мы с этим разберёмся, обещаю. Но пока нужно быть осторожней. Постарайся.

Пожалуйста.

— Да я только и делаю, что стараюсь, — прошипела Миена сквозь зубы. — Ты думаешь, я...

— Ты устала, — прервал её Корбар, глядя на неё почти сочувственно. Его ладонь легла ей на плечо, и Миена вздрогнула от неожиданности. — Я знаю, что ты устала. Но потерпи ещё немного.

Потерпи. Опять терпеть.

Что ж, ладно. Она привыкла.

Миена действительно никуда не собиралась уходить на следующий день. И не ушла бы — если бы не просьба Лиранты.

Аряна, в которой невесть откуда взялась торгашеская сметка, предложила их работодательнице угостить выпечкой самого графа Трифа. Нескольких корзин, сказала она, будет вполне достаточно: ещё тёплый мягчайший хлеб, булочки и, конечно, крендельки со всевозможными вкусами не оставят его сиятельство равнодушными. И он обязательно вспомнит об их пекарне — когда придёт пора закупаться для гостей грядущего бала.

У Миены эта затея вызвала только раздражение. Во-первых, если граф действительно прельстится их нехитрой стряпнёй, то может сделать такой заказ, что им троим нипочём с ним будет не справиться. Придётся нанимать помощников, а лучше — просить Корбара, чтобы подсобил с приготовлением пышных хлебов. И даже если оно того будет стоить, то... зачем им столько денег? Серьёзно, разве ж они плохо живут, разве им чего-то не хватает?

Некромантка, разумеется, не стала делиться ни с кем своими мыслями. А Лиранта загорелась идеей девчонки и решила отправить к графу с гостинцами... разумеется, Миену. Ей не казалось, что старая кляча и раздолбанная телега будут неуместно смотреться возле шикарной резиденции Трифа, а возражения помощницы она и слушать не стала.

«Разбогатеем — купим себе что-нибудь поновей!» — заявила она, и Миена решила дальше не спорить.

Но в путь она отправилась в самом дурном расположении духа. Подумать только! Ехать к графскому особняку и позориться ради мифической возможности получить большую выручку за тяжелейшую работу! Да ещё в такое время, когда где-то поблизости рыщет вероятный убийца!

Может, если бы она сказала о последнем Лиранте, всё бы в итоге сложилось иначе...

Но с другой стороны, пекарка, скорей всего, просто посмеялась бы, или решила, что Миена отлынивает от работы.

Поездка вышла ещё хуже, чем предполагала Миена. Тучи затянули небо с самого утра — хорошо ещё, что девушка заметила это сразу и взяла специальный тент, которым и накрыла корзины с выпечкой, когда начал накрапывать дождь. Плащ для себя она тоже взяла, но когда непогода разошлась не на шутку, он мало ей помог. Именно такой — жалкой, продрогшей, с выбившимися из-под капюшона волосами, похожими на кривые сосульки от нескончаемо льющейся с небес воды — Миена предстала перед высокими чугунными воротами, за которыми возвышался грандиозный графский особняк. Резиденция Трифа выглядела особенно мрачной в сумрачном дождевом мареве, не спасал даже лёгкий лунный глянец серого бальта. Непрístupные ворота отнюдь не сглаживали общее впечатление. Однако ждать долго Миене не пришлось. Лёгкое прикосновение к рычажку, по всей видимости, вызвало звон колокольчика где-то в стенах этого необъятного здания (ходовая магическая услуга), и спустя каких-то пару минут на крыльце особняка появилась высокая

фигура. В одной её руке тускло мерцал переносной фонарь, другая держала ручку большого чёрного зонта, под которым могло бы уместиться человека четыре.

Хорошо вышколенного дворецкого ничто не может смутить.

— Добро пожаловать, прекрасная ресса!

Прекрасная ресса. Ну да.

Миена что-то пролепетала насчёт подарка для его сиятельства, отказалась от учтивого приглашения в дом (ещё не хватало обкапать дорогушие ковры, и добро бы только водой — грязи после езды на телеге на одежде тоже хватало!) и поспешила прочь, гоня от себя ощущение, что в карих глазах дворецкого мелькнула насмешка.

Дорога обратно оказалась сущим кошмаром. В одном месте даже пришлось прибегнуть к Источнику, чтобы помочь старой кобыле справиться с увязшей телегой.

Уставшая, едва стоящая на ногах, Миена кое-как ввалилась в пекарню и сразу огляделась, надеясь, что Аряна где-то поблизости, и не придётся искать её, чтобы просить о помощи в распрягании старой клячи.

Но Аряны не было. Не было и привычного порядка: вскрытый подпол, сдвинутая мебель... А возле печи, вся в рыжих отблесках догоравшего пламени, лежала Лиранта, и белый фартук женщины был красным от крови, вытекшей из нескольких ран. Рядом на полу чернела накарябанная углём надпись: «Найдём».

Из-за свойственного этому месту жара, обескураживающе резко сменившего холодную сырую улицу, Миена не сразу осознала, что она видит. А когда осознала, усталость слетела с неё в одно мгновение.

Торопливо, но стараясь при этом ступать как можно бесшумнее, некромантка обошла пекарню, включая жилые комнаты. Везде было пусто, и везде царил бардак. Некромантский кинжал в тайничке под половицей был не тронут, но Миена всё равно не решилась к нему прикоснуться. Ещё она заметила, что отсутствовали кое-какие вещи Аряны.

Что ж, если ей позволили собраться, значит, в ближайшем будущем убивать не планируют... или девочка ушла сама?

Одно можно было сказать почти с уверенностью: за всем этим не стояла «Марга». Во-первых, тем не было нужды убивать Лиранту, а во-вторых, многообещающая надпись куда больше подошла бы ушлым охотникам на некромантов, возжелавшим денег.

Где-то они выдали себя. И подставили несчастную пекарку. Нужные воспоминания теперь стало просто выстроить в правильную цепочку: Аряна, которая призывала медведя, их разговор, да и упавший камень, который, судя по всему, был не неудавшимся покушением, а провокацией...

Миена потом удивлялась, как чётко работал её мозг. Эмоции словно спрятались куда-то вглубь, и всё её существо было нацелено на то, чтобы выполнять простые задания, одно за другим. Сначала закрыть лавку. Собрать вещи: ясно же, что оставаться здесь после того, что случилось, нельзя. Но вещевой мешок не брать — только небольшую сумку, иначе она привлечёт лишнее внимание. Потом распрячь лошадь, отвести её в хлев. Далее следовало отыскать Корбара. Миена так и говорила про себя: «Пойти к его дому... пойти к его дому». Потом, когда дом оказался закрыт, она мысленно повторяла: «Пойти к кузнецу... пойти к кузнецу...». Тот иногда нанимал Корбара, чтобы некоторые выкованные им вещи стали выглядеть наряднее, а то и откровенно волшебнее: за это можно было потом содрать с богатеньких покупателей втридорога.

Корбара найти так и не удалось. Она поспрашивала у редких общих знакомых: рыжего

мага никто не видел. Он вроде бы сегодня собирался работать. Но где он это делал? Может, уже нигде? Может, он зашёл к ним, оказался свидетелем того, что происходит, и тоже попал под раздачу? Или отправился в погоню за теми, кто лишил жизни несчастную Лиранту?

Но где тогда Аряна? Если её похитили — то зачем? А если ей удалось сбежать, пока убивали пекарку — то как она умудрилась собрать вещи? И где её искать теперь?

Миена вдруг обнаружила себя абсолютно беспомощной. Заданий не осталось, полезных мыслей не осталось.

Ноги девушки подкосились, и она еле успела добрести до груды свежеспиленных брёвен у чьего-то забора.

Это опять повторялось.

Она не защитила их. Не спасла. И сейчас она ничего не может предпринять.

Если бы не долг Маромиру, Миена бы наверняка бы произнесла нужное заклинание. И сразу бы поняла, что что-то случилось. И успела бы доехать от особняка до «Кренделей».

А скорее всего, сделала бы такие же бутоны, что лежали в её сумке: тёплые, светло-медовые. И Аряна, и Лиранта, и даже Корбар — все они стали для неё за это время близкими людьми. Все они стали её семьёй.

А если Миена не может защитить свою семью — зачем тогда вообще надо было становиться некроманткой?!

Если бы не долг Маромиру... она не стала бы снова такой слабой.

Сжав кулаки, Миена вновь поднялась на ноги. Горечь и злость на саму себя придали ей сил.

Теперь она знала, что делать.

***

Мишка послушно шёл за ней следом. Заклинание могло развалиться в любой момент, но у Миены не было страха, что это случится; её куда больше беспокоило то, что её манёвр кто-то мог заметить. Поэтому она старалась ступать как можно тише, чтобы прибрежная галька не очень брэнчала под ногами, и время от времени, когда ей казалось, что кто-то крадётся сверху, она вскидывала голову — и обнаруживала лишь качавшиеся от ветра ветки редких кустов, вросших в обрывистый спуск к Вее.

Третья пещера от мельницы, в которой располагалось одно из убежищ «Марги», оказалась куда дальше, чем предполагала Миена. Но место было выбрано идеально: за небольшой каменной грядой, узкий проход в которой отпугнул бы любого. Любого, кроме ребёнка — так, собственно, в своё время и нашли эту пещеру, о чём, конечно, Миена не знала.

Она немного опасалась, что медведь не протиснется в проход, но с этим не возникло никаких проблем. Проникнув за стену из валунов, Миена почувствовала себя чуть спокойней, хотя ненадолго: она понятия не имела, не убьют ли её в пещере. Но Роис вроде бы говорил, что «Марга» призвана не только бороться с беспределом властей, но и помогать некромантам. Может, они не прогонят её, если она с порога заявит, что пришла за помощью? И потом, оставался крохотный шанс, что её изначальные подозрения не были беспочвенны... впрочем, иного выхода девушка всё равно не видела.

Запах реки почему-то ощущался здесь больше, чем на берегу. Возможно, в глубине пещеры текли какие-то ручейки. Ещё пахло землёй и чем-то как будто сладковатым, но в то же время не очень приятным — Миена не смогла разобрать чем.

Идти пришлось долго, но Роис предупреждал, что так будет. Чем глубже Миена

пробиралась внутрь пещеры, тем глуше становились звуки извне, но так и не исчезли совсем — пещера была не абсолютно глухой, поверху проходили трещины. Роис говорил, что эта дорога идёт под небольшим лесным оврагом, и обещал, что в пути будет достаточно и света, и воздуха. Со светом, впрочем, он слегка приукрасил — Миена еле-еле видела в полутьме, куда ступать, чтобы не подвернуть ногу на россыпи камней. Пару раз она всё-таки оступилась, едва удержав равновесие — и в эти мгновения идущий за ней медведь послушно замедлял шаг.

Вдруг под сводами пещеры раздался голос, такой громкий, будто говоривший стоял рядом — однако некромантка никого не увидела:

— Ты несёшь добро?

— Я несу добро в «Маргу», — ответила некромантка так, как научил её Роис.

— Новенькая в наших краях?.. Хорошо. Когда туннель пойдёт резко вправо, иди налево. Обойди сталагмиты и большой камень. Там будет проход.

— Спасибо, — пробормотала Миена, хотя и понимала, что её уже вряд ли кто-то слушает.

Она сделала всё, как было сказано, и вскоре они с медведем оказались в небольшом пещерном зале. В стенах этого зала кое-где виднелись отверстия, но проникавшего сквозь них света не хватало, и зал был освещён несколькими светильниками. Они были расставлены как по уступчатой стене пещеры, так и по редким предметам мебели. Один из светильников показался ей больше и ярче других, и свет его был странный, не желтоватый, а дымчато-белый — но Миена уделила этой странности лишь пару секунд, голова её была занята другим.

Большую часть пространства занимали тюфяки разной степени новизны, на некоторых из них сидели люди — немного, человек пять; все они смотрели на вошедшую. В некотором отдалении виднелось кострище с повешенным над ним котелком, а у самой дальней стены Миена разглядела огромный плоский камень, верхушка которого словно была срезана таким же огромным ножом.

Девушка покосилась на стоявшего рядом медведя, и сердце пронзила неожиданно острая боль.

Она должна это сделать.

Должна.

В конце концов... в конце концов, она ведь уже убивала. И не зверя — человека. Это воспоминание Миена похоронила глубоко в себе. Она старалась не вытаскивать его и срочно прятать обратно, если оно вытаскивалось само — например, во сне, или каждый раз, когда она видела, как подколдовывает Аряна, или...

Нет, сейчас она тоже не будет об этом думать.

Кто-то появился перед Миеной так внезапно, что она вздрогнула. Высокая девушка, в брюках и потёртой кожаной куртке смотрела на гостью из-под густой тёмной чёлки. Оценивающе, без особой приязни — но и не враждебно.

— Привет, — сказала она несколько настороженно. — Хочешь провести обряд?

— Да... — Миена покосилась на медведя. — Я хотела бы воспользоваться жертвенником.

— Откуда узнала, где мы?

— Ройт сказал.

Девушка слегка сощурилась.

— И как ты готова помочь «Марге» в ответ?

Миена слегка растерялась. Роис ничего не говорил о том, что с её стороны может что-то потребоваться. Хотя это логично: за всё следует платить.

— А какого рода помощь вам нужна?

— Ну, скажем так... — Девушка покосилась куда-то в сторону белого светильника и тут же отвела глаза. — Когда ты проведёшь обряд, то сама ляжешь на жертвенник.

— В смысле?! — Миена не отшатнулась от незнакомки только из-за страха перед медведем, который мог отреагировать на резкое движение самым непредсказуемым образом. Этот страх, как ни странно, заслонял прочие инстинкты.

— Нам нужна кровь, — сказала девушка. — Для одного дела. Мы все изрезаны уже с ног до головы и будем рады новой.

Миена украдкой выдохнула. Кровь так кровь. Странно, конечно, что она понадобилась в таком количестве... но мало ли. В конце концов, может, она просто плохо представляет масштабы борьбы, которую ведёт «Марга».

Однако главным для Миены облегчением стало то, что убить её здесь никто не пытался.

«Ты могла бы проводить обряды, заряжать амулеты силой... Помочь нам с одним мощным артефактом, над которым мы работаем...»

Она вспоминала слова Роиса, лёжа на жертвеннике со связанными руками и ногами. Тонкая ткань белого ритуального платья, хранившаяся в пещере для подобных случаев, не спасала ни от холода, ни от жёсткости камня. Связали девушку на совесть — видимо, для того, чтобы она острее ощущала свою беспомощность. И, соответственно, чувствовала страх — так её кровь станет ценнее для Маромира.

А страх Миена действительно чувствовала. Именно сейчас ей вдруг пришло в голову, что её вообще-то могут убить. И никто никогда не узнает об этом.

Может ли быть такое, что она сама себя загнала в ловушку?

Миена закрыла глаза, стараясь успокоиться.

Подождать. Просто подождать, больше ничего не остаётся... Её палачи... то есть её коллеги... специально тянут время.

Наконец, девушка с чёлкой поставила у ног Миены специальную чашу. Кровь пройдёт через жертвенник — и появится там, за вычетом платы Маромиру. Скосив глаза к ногам, насколько это было возможно, некромантка занервничала ещё больше: чаша показалась ей огромной.

Её коллега усмехнулась, хотела было что-то сказать, но передумала.

Правильно, успокаивать жертву — вредно для обряда.

— Ты несёшь добро? — вдруг спросил кто-то в глубине пещеры.

— Я несу добро в «Маргу», — чётко прозвучал ответ, как будто человек стоял прямо здесь.

Роис. У Миены слегка отлегло от сердца.

Роис не позволит её убить. Наверное. Не должен.

Пребывать в неведении ей пришлось недолго.

— Ты что творишь?! — Роис подбежал к жертвеннику как раз в тот момент, когда проводившая обряд некромантка вплотную приблизилась к Миене с ножом. — Это же моя однокурсница, я же предупреждал насчёт неё...

— Нам нужна кровь, — последовал недовольный ответ. Кажется, «марганка» надеялась закончить дело до появления Роиса. — Ты сам это знаешь. Я не собираюсь её убивать.

— Да, но это риск, — заметил Роис.

— Каждый из нас рискует.

— Так ведь Кейна, она же...

В голосе парня неожиданно появились просительные нотки. Миена скосила глаза в попытке увидеть его лицо, но не преуспела.

— Всего один раз! — сердито оборвала его Кейна. — В конце концов, она воспользовалась нашим жертвенником в своих целях. И должна заплатить «Марге».

— Это правда, — тихонько подтвердила Миена. — Но о чём вы? Что за риск? Для чего вам всё-таки кровь?

Роис собирался было ответить, но Кейна опередила его:

— Для сферы. Прозрачная сфера, полная силы, которая при правильном использовании может уничтожить Рикван целиком.

Роис после этих слов слегка попятился, словно не ожидая такой откровенности от своей подельницы, и теперь Миена хорошо видела его слегка ошарашенное лицо.

Она сглотнула и перевела взгляд на девушку.

– Вы собираетесь...

– Мы собираемся показать им силу, — отрезала Кейна. — Я не говорю, что именно таким образом. Но время, когда можно было договориться по-хорошему, давно закончилось. И слишком много наших полегло во время этих «хороших» разговоров. — Она оскалилась. — В любом случае, ты уже связана, и тебя уже никто не спрашивает. Ройт, отойди, из-за тебя придётся начинать всё сначала.

Миена взглянула на бывшего однокурсника, но тот сразу отвёл глаза и отступил в тень. Смятение на его лице ещё больше насторожило Миену. У неё появилось чувство, что ей сказали далеко не всё. По крайней мере, не сказали того, что ей обязательно нужно было знать.

Однако обряд возобновился, и вскоре ей стало не до судеб невинных рикванцев.

***

Это всё-таки закончилось. Закончилось...

Миена по-прежнему плохо соображала, где она и что с ней. Если бы было иначе, она бы куда с большей осторожностью шла по знакомому маршруту. Потому что в конце этого маршрута была пекарня, а в пекарне — тело несчастной Лиранты. Но Миена не вспоминала об этом. Улицы Грома были по-летнему солнечны, лучи отражались в свежевывстиранном белье над улицами, смешивались с пылью, прятались в тени палисадников, где перекликались птицы...

Душно, душно, ярко, громко... Какой-то спор на рынке, слова — как незнакомые, чужие, сложно вдумываться в смысл... Играющие в догонялки дети... Досужие беседы кумушек: «А завтра-то, наверное, дождь»... Сделки, свершающиеся прямо на улице: «Ваша доля, ресс»... Телега эта ещё перегородила полдороги! Стоит зачем-то у магазина игрушек... Зачем? Неважно...

Главное, что всё закончилось... Ей теперь просто нужно прийти в себя. Прийти в себя... Отлежаться, или хотя бы отсидеться, пока всё тело не перестанет ломить... Это невыносимо, невыносимо... Миена не обрекает своих жертв на такое: зверюшки умирают относительно безболезненно, и ужас их недолог. Они не чувствуют себя спелой сливой, которую раз за разом словно сжимают в кулаке, выдавливая сок, тело их не сводит судорогами в такт марским словам, они не вопят от ослепляющей боли, когда жилы натягиваются до предела, чтобы из раны вытекла очередная порция крови...

Миена непроизвольно коснулась по-прежнему горевшей раны на сгибе левого локтя, и ощутила ткань повязки. Она и забыла, что рану ей перевязали. Кажется, это был... нет, точно, это был Роис. Он и проводить её хотел, но эта женщина — Кейна — прикрикнула на него, и парень виновато отступил... Всё-таки он очень изменился, и эти изменения разочаровали бы Миену — если бы она была способна их осознать. Если бы она способна была осознать хоть что-то.

То, что случилось в пещере, всплывало в её памяти разрозненными сценами. И редкие реплики остальных некромантов, и пахнувшие сыростью стены, и россыпь огоньков в полутьме: несколько жёлтых и один — бело-серебристый, как путешествующий по зимнему лесу Оклегон... Сфера. По краю сознания мелькнуло что-то полузабытое, тень древних фолиантов из библиотеки Порога — но Миена не стала на ней сосредотачиваться.

Потому что вон впереди знакомая черепица и краешек обновлённой Корбаром вывески — «Громские кренделя». А значит, стоит немножко потолкаться среди внезапно сгустившейся толпы — и придёт счастье, и совсем скоро Миена увидит свою кровать кровать, и ляжет в неё, и...

Так, стоп. Какую кровать?! Ей ведь нельзя сюда возвращаться! Толпа возле пекарни тут же объяснилась мгновенно всплывшими в голове воспоминаниями.

Только здравый смысл вернулся к Миене, как тут же откуда ни возьмись из толпы вынырнул стражник. Миена отшатнулась от него, как от чумного — и врезалась в кого-то спиной. Обернулась — и увидела здорового мужика с чёрной бородой и недобрый взглядом.

Зачем она пришла сюда? Дура, дура! Её теперь поймают и отправят в замок Бэр... или куда там... А она должна спасти друзей, ведь она теперь сильная...

— Тебе плохо? — услышала Миена. Или ей показалось, что услышала.

Некромантке неудержимо захотелось сесть — и она стала садиться. Прямо сюда, на площадь, среди зевак, окруживших пекарню, под ноги бородачу...

***

Он сидел возле маленького стола на совершенно неудобной с виду табуретке, вытянув ноги в добротных сапогах, припорошенных дорожной пылью. День был светлый, но единственное окно выходило, по всей видимости, в тенистый дворик, и лицо бородачу лишь угадывалось в полумраке. Миена украдкой разглядывала его профиль, загорелую руку, пощипывавшую подбородок, и тёмные волосы, отросшие достаточно, чтобы закрывать уши. Только сейчас некромантке пришло в голову, что где-то она уже видела этого человека. И ей казалось важным вспомнить, где и когда, поэтому она и не спешила голосом или движением выдавать, что пришла в себя.

Вспомнить так и не получилось, поэтому Миена попробовала привстать, решив, что и так потеряла достаточно времени. Удалось лишь слегка поднять голову — которая тут же упала обратно на подушку. Такой слабости девушка в жизни не чувствовала. Проклятый обряд...

Краем глаза уловив её движение, бородачу повернул голову и посмотрел на Миену. Даже при таком неяром освещении было видно, какие голубые у него глаза. Возможно, потому, что они так резко выделялись на его загорелом лице. Взгляд, впрочем, бородачу довольно быстро отвёл, вернувшись к созерцанию стенки. Попытки встать он не сделал. И молчания не прервал.

— Простите... — несмело произнесла Миена, слегка растерянная тем, что разговор нужно начинать ей. Она, по правде говоря, ждала, что у неё спросят, как она себя чувствует. — Я... У меня, должно быть, закружилась голова от жары...

— Не стоит придумывать оправдания, — произнёс бородачу, не поворачиваясь, и Миена слегка удивилась, что голос его, низкий и чуть глуховатый, звучит всё же моложе, чем можно было ожидать. — Ты проспала почти сутки. Многовато для простого обморока. Да и не такая уж жара на улице.

Сутки?!

Миена резко села на кровати — ужас от того, сколько она провалялась, словно вытолкнул её вверх. Но тело оставалось вялым и будто чужим. Девушка сразу ощутила, что каждое следующее движение будет требовать от неё невероятных сил. Какое уж тут колдовство, какие поиски Аряны и Корбара, если сама разваливаешься на куски... Но сколько это может продолжаться?! О подобных обрядах она раньше только слышала и

никогда не участвовала в них. Сколько времени требуется жертве, чтобы прийти в себя?

— Не бойся. Мне плевать, почему ты упала. А хозяину лавки я наврал, что ты в положении. Выдумал себе брата, живущего в Громе, сказал, что ты его жена и ждёшь первенца, но оказалась далеко от дома. Что ты отдохнёшь — и снова отправишься в путь. Более сердобольный человек настаивал бы на том, чтобы вызвать врача, но этому всё равно. За комнату я заплатил.

— Спасибо... — Миена перевела взгляд на кушетку у окна, где бородач, наверное, скоротал ночь, и снова непонимающе посмотрела на него. — Но почему?..

— Не знаю. Я думал, что это я тебя напугал. Но, судя по тому, сколько ты продрыхла — вряд ли.

Миена попыталась вспомнить. Наверное, вид его чёрной бороды внёс свою лепту, но назвать этого человека причиной случившегося было сложно.

— Вы меня не напугали, — честно сказала она.

— Ну да. — Мужчина хмыкнул. — Теперь я понимаю, что ты меня не узнала... Я принесу тебе поесть.

Он вышел, оставив Миену в смятении, и вернулся через несколько минут, держа в руках то ли очень большую кружку, над которой поднимался пар, то ли маленькую миску с ручкой. Из миски торчал черенок ложки. Когда бородач подошёл ближе к кровати, девушка ощутила запах куриного бульона, и желудок требовательно сжался — она, как ни странно, была голодна.

— Держи.

Миена медленно подняла руку — и поняла, что у неё нет сил, чтобы сомкнуть пальцы. Если она сейчас сделает попытку, чтобы взять миску, то непременно опрокинет горячий бульон на себя.

— Спасибо, я... лучше попозже. Поставьте, пожалуйста, на стол. Я потом... Вы и так много сделали для меня, хотя и совсем меня не знаете.

Бородач снова хмыкнул. Казалось, происходящее забавляет его. Он отошёл к столу, действительно поставил миску — но тут же снова вернулся к Миене, подтянул её подушку к спинке кровати, а потом притянул и саму девушку, невзирая на вялое сопротивление.

«Это нужно, чтобы поскорее прийти в себя», — сказала себе Миена, глядя, как он ставит возле кровати табуретку, как усаживается на неё с миской в руках, как подносит к её рту ложку с плавающим в золотистой жидкости кусочком курицы.

В горле образовался комок. Проклятая беспомощность! Как такое могло с ней произойти?!

Но всё же девушка сделала над собой усилие и позволила себя покормить.

Мужчина молчал, она тоже. Вопросы о том, почему она должна была испугаться этого человека, Миена пока оставила при себе. Потому что испугаться она могла только того, кому нужна была голова некромантки. Спросить в лоб — мол, не ловец ли вы, ресс? — означало расписаться в том, что она некромантка и есть.

Но раз он ей помог, и даже кормит её супом — значит, скорее всего, замок Бэр отменяется?

— Спасибо, — снова сказала Миена, когда суп кончился.

Он молча пошёл к двери с пустой миской в руках. Но у порога приостановился.

— Когда тебе станет лучше, уходи отсюда как можно скорее. Лучше вечером, но не слишком поздним, чтобы не вызывать подозрений. Женщину из пекарни убили потому, что

она не хотела говорить о вас. О тебе и о той девочке. Она ведь всё знала, да?..

— Н-нет... — выдавила Миена.

— Знала, — утвердительно сказал бородач. — Догадалась. И ещё кто-то догадался. Гром теперь для вас закрыт. Они перевернут всё вверх дном. И стражники, и простые, но мечтающие о лишних деньгах люди. Тебе лучше бежать...

— Подождите!

Его рука застыла, не открыв до конца дверь. Миена облизнула пересохшие губы. Она поняла, что если бы сейчас не поспешила остановить этого человека, он бы ушёл из её жизни навсегда — не ответив на скопившиеся у неё вопросы.

— Кто вы всё-таки? Мы... мы знакомы?

Бородач закрыл дверь и поставил миску на стол. Потом снова подошёл к кровати, сел на табуретку.

— Кто я? — медленно повторил он, словно пробуя вопрос на вкус. — Я житель города Перелес. Меня зовут Уртан. Я плотник. Мастерю игрушки из дерева. Когда игрушек набирается слишком много, чтобы их выкупили перелесцы, я развожу их по другим городам. Мы сейчас с тобой находимся в доме лавочника, который закупил у меня сразу несколько деревянных лошадок. Это ответ на первый вопрос. Ответ на второй вопрос гораздо короче: нет. Мы не знакомы. Но я знаю тебя, Миена. И не потому что мы с тобой земляки — да, я тоже родился в Приречье, но никогда не встречал тебя там. Я знаю тебя, потому что я был в отряде ловцов, которые пришли в Горкино минувшей зимой — в обмен на эту работу мне когда-то пообещали свободу вместо тюрьмы за контрабанду, а ещё достаточно денег, чтобы я смог построить себе новый дом и жить честно. Я знаю тебя, потому что человек, с которым мы работали вместе, и который до сих пор зачем-то поддерживает со мной связь, передал мне о тебе всю информацию, которую они собрали после твоего исчезновения. Он думал, я захочу отомстить тебе за то, что ты убила мою невесту.

Что-то случилось с Миеной в этот момент. Истина, озвученная им так просто, словно между делом, всколыхнула воспоминание, которое девушка гнала от себя все эти месяцы. Воспоминание, которое она вытесняла более насущными проблемами, заботами, страхами, изо всех сил делая его ненастоящим, неважным.

Пронзительный крик Аряны. Искажённое ненавистью окровавленное лицо женщины-мага, Источником для которой являлся огонь. И тот миг, превративший Миену в убийцу. Один-единственный миг, который раньше, хоть и тайно, принадлежал ей одной, потому что на Аряну он как будто вообще не повлиял — хотя девочка в ту ночь тоже убила человека.

Но сейчас перед некроманткой сидел тот, чью жизнь этот миг тоже изменил до неузнаваемости. Ловец — который теперь делал игрушечных лошадок. Контрабандист, которому обещали денег на новый дом, где он смог бы жить со своей женой. Но несбывшаяся жена погибла, и дом стал не нужен, и всё стало не нужным... И этот человек только что накормил её куриным супом.

Миена закрыла глаза — но веки не смогли удержать хлынувших слёз.

Она сидела и молча плакала, а Уртан так же молча смотрел на неё, подперев рукой подбородок. Говорить теперь стало невозможно. Выражение сожалений, оправдания, заверения в чём-то... Всё это было бы совершенно бессмысленным. Ничего нельзя было исправить, вернуть, отменить. Никакие слова бы здесь не помогли — даже благодарность за помощь, которая именно сейчас показалась бы жалкой, похожей на издевку. Да и выдавить из себя хоть какой-то звук, по правде говоря, Миена не смогла бы.

Она взглянула на бывшего ловца — и наткнулась на внимательный взгляд. Этот взгляд словно изучал некромантку; в нём не было ни капли враждебности или осуждения. Не было и растерянности. Можно было подумать, что с точки зрения Уртана происходит что-то правильное, почти естественное. Никогда прежде Миена не встречала человека, рядом с которым её молчание оказалось бы так к месту.

Он поднялся, забрал миску и вышел из комнаты.

***

К вечеру Миена окрепла достаточно, чтобы пуститься в путь. Помогла ей в этоммышь, пойманная у торговца игрушками. Потом, когда заклинание верной дороги вело её по следу Аряны, некромантка ощущала, как силы прибывают с каждым шагом. Давно она не чувствовала себя так уверенно в колдовстве... возможно, вообще никогда.

Но теперь она принесла в жертву медведя. Она расплатилась с миром мёртвых, возвысилась на одну ступень, убив благородное животное, и всё теперь должно было стать по-другому...

Да. Смогла. Сделала. И, пожалуй, это стоило мучений на жертвеннике, а также того, что случилось после — минуты слабости, когда она готова была совершить всё, что угодно, для того, перед кем так остро ощущала свою вину. Ему стоило только попросить... Однако он не стал просить. И это к лучшему. Потому что это означало, что Миена ничего не должна ему. По крайней мере, она ничего не должна ему *с его точки зрения*. Иначе Уртан вёл бы себя по-другому. Как, например, Роис, который считал всех виновными в травле некромантов — и действовал соответственно. Миена хорошо помнила полный горечи обрывок фразы: «Я мог бы стать...». Роис не стал тем, кем хотел — и теперь мстил миру за это. Уртан тоже не стал тем, кем хотел, но подстроился под изменившиеся обстоятельства — и принялся жить в имевшихся условиях, пусть пока и не в самых радужных. Не ропща на судьбу, не вымещая ни на ком злобу, радуя детей резными деревянными игрушками. И в этом Миена видела проявление настоящей силы — в способности признать, что ничего не вернуть и ничего не изменить, в способности оставаться человеком, даже когда жизнь пытается сделать из тебя зверя.

Миена шла по следу, и дыхание Маромира, пропитавшее заклинание, служило ей попутным ветром. Дорога, ведущая через лес, была ей хорошо знакома. Не так давно она ехала по ней, чтобы предложить выпечку его сиятельству графу Трифу... но Аряна же не могла быть у Трифа! Или могла?..

Некромантка не знала, что и думать. Но, если девочка всё-таки у Трифа, то придётся где-то устраивать привал. Идти по лесу ночью — не самое благоразумное занятие, даже с заклинанием. Да и спать когда-то надо...

Однако, как только она решила, что неплохо бы уже начинать подыскивать место для ночлега, сзади послышался глухой стук копыт и скрип тележных колёс.

Девушка обернулась.

— Не воспользовалась моим советом? — спросил Уртан, осаживая резво бегущую лошадку.

Миена, наполненная маромирской силой, была готова к встрече с любым человеком — но не с этим. Потому что сила мира мёртвых при общении с теми, чьих невест ты убил, не помогает. Девушкой овладело раздражение: откуда опять взялась эта беспомощность?

«Я ничего никому не должна», — вспомнила Миена.

Не должна. Не должна! Так сложились обстоятельства. И вообще, если бы эта магичка

не нацелилась на Аряну — осталась бы жива...

— Куда ты идёшь на ночь глядя? — задал Уртан следующий вопрос, не дождавшись ответа на предыдущий. В сумерках его бородатое лицо стало едва различимым пятном, только глаза поблёскивали.

«Голубые», — вспомнила почему-то Миена.

— Вы тоже выехали в темень, — заметила она.

— Засиделся с приятелем. А ты, видимо, отошла от обморока и теперь слишком торопишься. Так куда?

— Я ищу свою подругу, — сказала Миена. И только потом вспомнила, что они с Аряной решили назваться сёстрами, чтобы лишний раз никому ничего не объяснять.

— Понятно, — немного помолчав, ответил плотник, не уточняя, та ли эта подруга, что была с ней в проклятом горкинском лесу. Однако он подумал об этом: Миена могла бы руку дать на отсечение, что подумал. — А что она делает в резиденции графа? Или она прячется в чаще?

— Я не знаю, где она, — сказала Миена. И не сразу добавила, опустив глаза: — Я знаю только направление.

— Кроме особняка Трифа, там на многие меры нет никакого жилища.

Девушка невольно сглотнула. Она подозревала, что это так, но надеялась, что ошибается. Во-первых, не хотелось связываться с графом, во-вторых...

— Я не уверена, что моя подруга жива, — сказала она.

Уртан понимающе кивнул, не выражая надежду на то, что это не так. Не потому что желал, чтобы это было не так: просто слишком хорошо знал, что может грозить некроманту в Вистании.

— Давай я подвезу тебя, — предложил он. — Я всё равно еду к графу.

— Зачем вам туда? — удивилась Миена.

— Он коллекционер. Собирает всякие интересные вещицы, в том числе, например, крылатых лошадок. Я изготовил для него такую, размером с собаку. — Уртан кивнул на один из мешков в телеге. — Так что нам по пути. И, пожалуйста, давай ты тоже будешь называть меня на ты. Я не намного тебя старше.

Отказываться было глупо, и Миена уселась рядом, хоть и на некотором расстоянии, чтобы не мешать управлять лошадью.

Телега двинулась.

— Как вы тогда ушли от нас? — спросил Уртан негромко.

— Мы были в Оклегоне.

Он усмехнулся:

— Значит, мне не показалось... И как там?

Миена неопределённо пожала плечами. От Путешествующего Мира она осталась не в восторге.

— Мы оказались там невовремя, — сказала она. — В Оклегоне тоже убили короля. И тех, кто пришёл из другого мира, не выпускали...

— Значит, правду говорят, что миры — это зеркала друг друга, — задумчиво произнёс Уртан. — Там тоже всё свалили на некромантов?

Миена вздрогнула. В вопросе ей померещился подвох.

«О чём я вообще думала, соглашаясь на эту поездку! — пронеслось у неё в голове. — Даже не озаботилась тем, чтобы найти жертву, если он вдруг вздумает напасть!».

— Преступника нашли быстро, — сдержанно отозвалась девушка. — И это был не некромант. Там, где мы оказались, вообще не было некромантов.

— Кроме вас двоих, — сказал Уртан. Миена промолчала. — Ты боишься? Правильно. Но если бы я хотел тебя убить, я бы уже это сделал.

— Да, я понимаю. Но о таких вещах и говорить-то опасно.

— Дорога пуста, и вряд ли кто спрячется в здешнем лесу — он не слишком для этого удобен. Бояться надо в городах, там всё у всех на виду. И кто-то непременно донесёт. Особенно сейчас, когда вас могут ловить все, кто хочет, и получать за это награду.

— А вам награда разве не нужна?

— Мы же вроде договорились на «ты»? — Уртан дёрнул правый повод, мешая лошади отвлечься на аппетитный куст. — Я могу заработать себе на жизнь, не занимаясь отловом людей. И без меня хватает охотников. Сейчас про меня забыли, стражников не натравили — и на том спасибо.

— Вы... ты говоришь, что тебя арестовали за контрабанду, — припомнила Миена. — И что ты жил в Приречье. Неужели балът?

— Он, — коротко ответил Уртан. — Если ты помнишь, до ближайшего моста через Вее от Приречья было в среднем семь мериков, везде стояли заставы. Это далеко и неудобно. В Приречье все, у кого была лодка, этим занимались... Так, вот только дождя не хватало.

— Не все! — горячо возразила Миена, не обращая внимания на редкие капли, которые действительно начали падать с неба. — Мой отец, например, был честным человеком, с утра до ночи рыбачил, чтобы обеспечить нам достойную жизнь, спину себе застудил, так, что иной раз разогнуться не мог... он никогда бы до такого не опустился!

Уртан помолчал, слегка удивлённый этим отпором.

— Ты говоришь «был» — значит, он умер?

— Его убили!

— Чего ты кричишь? — не понимал Уртан.

— Да потому что из-за таких, как ты, Приречье и считают краем контрабандистов! «Все, у кого была лодка...», — передразнила Миена. — Вот именно! И разбойники решили, что раз у него есть лодка, и он пропадает на Вее с темна до темна, то у него есть, чем поживиться! Они убили и его, и мою маленькую сестру! И я всё это видела, и...

Она осеклась.

«И ничего не сделала», — подсказал внутренний голос.

Да. И ничего не сделала.

Тот день застрял в её памяти, как заноза. Ни одной детали не уберёшь, ничего не забудешь, как ни старайся.

Мать с братом уехали в село по соседству, оставив двенадцатилетнюю Миену на хозяйстве. Отец мастерил какие-то снасти в комнате, да приглядывал за годовалой Малкой. Малышку не разбудил внезапный шум, когда в дом ворвались трое. А Миена насторожилась, вышла из подсобки и спряталась за наполовину отодвинутой занавеской у входа в комнату, которая была и рабочим кабинетом, и кухней.

Грубый голос невысокого человека с длинными, до плеч, волосами до сих пор стоял в ушах:

«Либо камни, либо деньги».

И голос отца — непривычно тонкий, лепечущий:

«У меня нет... честное слово, нет...»

Когда они стали угрожать ребёнку, мужчина достал откуда-то горшочек со своими сбережениями, надеясь умаслить разбойников.

«Издеваешься, тварь?»

Треск разбившегося горшка, звон монет по полу...

Девочка, наконец, проснулась, начала плакать.

Миена, которая по-прежнему стояла за занавеской, боялась даже пошевелиться. Не говоря уже о том, чтобы забрать ребёнка. Об этом своём малодушии она будет жалеть всю жизнь.

Плач Малки оборвался с ударом ножа одного из разбойников. Отец закричал, повалился на колени. Двое стали его избивать. Длинноволосый тип и другой, повыше. Третий разбойник стоял рядом.

Миена отмерла и, не помня себя, с криком ринулась на помощь. Но толку было от хлипкой девчонки? Жёсткие руки перехватили её поперёк живота, оставив ноги беспомощно колотить воздух.

Те, кто избивал её отца, прервались. Длинноволосый разбойник с нехорошей ухмылкой подошёл к тому, кто держал брыкающуюся Миену. Достал нож, подцепил пуговицу на домотканном платье. Нитка лопнула, пуговица отлетела.

Он снова повернулся к окровавленному, еле шевелящемуся на полу мужчине.

«Ну, будем говорить?»

Миена извивалась, отбивалась, мычала в зажимавшую рот ладонь. Отец попытался что-то сказать; на губах вздулся кровавый пузырь — но звука не получилось.

«Ты нормальный? — спросил тот, кто держал Миену. — Он сейчас окочурится, и плакали наши денежки. Как он говорить-то будет, если ты ему челюсть сломал?».

«Ничего. Покажет. Ты же покажешь?».

По полу застучала вторая пуговица.

Рука отца шевельнулась, потянулась куда-то и замерла. То ли он и правда хотел что-то показать, то ли просто пытался подняться...

Разбойники предусмотрительно заперли дверь и задвинули занавески на окнах, но местный мельник именно в этот момент решил зайти в гости. Подёргал за ручку, постучал в дверь, потом в окно. Миена, собрав остатки сил, изогнулась и ногами умудрилась столкнуться с припёка чугунок со щами.

«Ах ты козявка...»

«Что там у вас? Всё в порядке?»

Услышав знакомый голос, Миена замычала ещё громче. Мельник любил заглянуть вечерком, выпить с отцом пива или чего покрепче. Если бы не это, никто бы ничего не узнал. Только по утру бы трупы обнаружили.

«Проклятье...»

Разбойники поняли, что внезапный гость может поднять тревогу. Миену отшвырнули, и она, отлетев в стене, сквозь звон в голове услышала топот.

Злоумышленники выбрались через окно, а к тому моменту, как Миена смогла доковылять до двери и впустить мельника, их и след простыл.

Отец умер на следующий день. Врач говорил потом что-то о «повреждении внутренних органов, не совместимом с жизнью»...

— Как его звали? — спросил Уртан, выдернув девушку из воспоминаний, которые, хоть и продлились пару мгновений, успели её затянуть, как в болото. Как обычно.

— Гронс, — глухо ответила Миена. Она и сама не была рада своей вспышке. Но что поделывать, существовали для неё темы, касаться которых по-прежнему было болезненно.

— Гронс-рыбак, — произнёс Уртан. — Я знал его.

— Да?!

Миена резко развернулась к нему. Ловец смотрел на дорогу, и его глаза поблёскивали в свете вошедшего месяца.

— Да. Мне жаль, Миена, но ты ошибаешься. Твой отец возил балыг из Логоры так же, как и все.

— Нет! — Девушка собралась было вскочить, однако, инстинкт самосохранения её удержал. — Ты врешь! Ты всё это говоришь, чтобы... чтобы отомстить мне!

— Гронс-рыбак и его жена Рельгина. Трое детей. Так?

Кровь отхлынула от лица Миены. Ей показалось, она всё-таки свалится на дорогу — от внезапно охватившей её слабости.

Уртан скосил глаза.

— Мне правда жаль, — повторил он и натянул поводья.

Телега остановилась. Вокруг шумел усилившийся дождь.

***

Она не хотела пережидать ливень. Сказала, что и так потеряла много времени. Сказала, что какое-то заклинание сидит в ней, побуждая продолжать путь. Что ей не страшны ни темнота, ни плохая погода — ей главное, спасти своих друзей: ту девочку и кого-то ещё.

Миена по-прежнему опасалась его, недоговаривала, была всё время настороже.

«В этом ничего удивительного», — думал Уртан, но всё же чувствовал досаду. Несмотря на всё, плотнику почему-то хотелось, чтобы некромантка доверяла ему.

Теперь, огорошенная известием о собственной семье, девушка замкнулась ещё больше. Но, уставшая, сбита с толку, она всё равно рвалась вперёд. Уртан не отступал от затеи уговорить её сделать хотя бы небольшой перерыв. Пусть ненастье хоть чуть-чуть утомонится. А если идти пешком, до полуночи всё равно не дойдёшь.

— Я не собираюсь заваливаться к нему в гости. — Миена поморщилась. — Если... моя подруга там, я найду способ туда проникнуть, не оповещая о своём визите ни слуг, ни графа.

«Не оповещая о своём визите...». И где она таких выражений понабралась? В Тиугаре, видимо.

А подругу по имени по-прежнему не называет. Молодец.

— Тогда тем более надо экономить силы, — заметил Уртан, слезая с очередного дерева. Растянутая на ветках ткань образовывала достаточно большой навес, чтобы туда поместилась и повозка, и двое путников у костра. Трава под разросшимися деревьями не успела сильно намокнуть, и место показалось плотнику подходящим для привала.

Некоторое время спустя ему всё-таки удалось немного сломить упрямство девушки.

— Я останусь на четверть часа, — наконец решила она. — Если дождь не станет слабее — всё равно пойду.

Уртан промолчал, потому что если все эти четверть часа ливень будет идти с той же силой, дорогу развезёт так, что проехать по ней в любом случае станет почти невозможно. Пройти, впрочем, тоже.

— Где-то у меня оставался сухой хворост... — Уртан повернулся было к телеге.

— Лучше побереги на будущее, — тихо сказала Миена. — Я смогу разжечь костёр и из сырых дров. Если ты, конечно, не возражаешь против того, чтобы я применила магию. *Свою*

магию.

— Я понимаю... Нет, конечно, с чего бы мне возражать.

«Даже любопытно посмотреть», — про себя сказал Уртан.

Он быстро, не покидая убежища, собрал небольшую кучку веток и положил перед девушкой. Однако увиденное дальше его почти разочаровало: в пальцах некромантки хрустнул панцирь какого-то жука, шевельнулись тонкие губы — и пламя, сердито фыркнув, начало разгораться. Всё произошло слишком быстро и не очень понятно.

Только отрешённое выражение на бледном лице спутницы заставило Уртана ощутить холодок. На этом лице появилось что-то чужеродное, нездешнее. Почти мёртвое.

Однако и это тоже вскоре кончилось.

Пламя разгорелось, и Уртан, отвлѣкшись от некромантки, засмотрелся на пляшущие оранжевые языки.

Когда он смотрел на огонь — особенно такой, дикий, не стиснутый стенками печи — он всегда вспоминал Кантею. Вот и сейчас тоже, хотя что-то подсказывало ему, что это кощунство: ведь костѣр развела убийца его невесты.

Уртан снова покосился на некромантку. Та, обхватив колени, сидела на дерюжке, которую он разложил на земле для них обоих. Из широких рукавов куртки выглядывали маленькие руки с худыми запястьями. Остриженные до плеч волосы намокли, потемнели и курчавились ещё больше обычного. Серые глаза невидяще уставились на огонь. Поза была напряжённой, и Уртану пришло в голову, что девушке, наверное, холодно... Но он знал, что Миена не просто так отодвинулась к самому краю подстилки, оставив между ними небольшое расстояние, и что стоит ему сделать попытку сесть поближе — сожмѣтся, как ёжик, а то и вообще уйдѣт.

— Почему ты считаешь, что Лекир Литесский не убивал Лиуса? — вдруг спросила девушка.

— С чего ты взяла, что я так считаю? — ушѣл от прямого ответа Уртан, отметив про себя, что теперь Миена безбоязненно говорит об этом.

— Ты спросил про Оклегон, не свалили ли там убийство короля на некромантов — *тоже*. Значит, думаешь, что так поступили здесь. Ты не боишься моей магии. И относишься ко мне не как к хладнокровной убийце, несмотря на то, что... сам знаешь.

— Да, — сказал Уртан.

— Так почему?

Плотник вздохнул.

— Арбес Белый всегда боялся некромантов. На его стороне были северные маги, которым не доверял Лиус — я это знаю, потому что Кантея, моя невеста, была из семьи таких магов. Но, в отличие от них, придворные интриги её не интересовали, как и власть в Рикване. Несколько магов смогли победить одного некроманта. Казнь была тайной, редким свидетелям сказали, что говорить... убедили... А обычные вистанцы, которые, как и наш нынешний король, всегда боялись и не доверяли некромантам, только того и ждали: когда их спустят, как цепных псов. В итоге Арбес стал королѣм, и народ любит его, потому что он един с ними в ненависти к некромантам, он фактически разрешил вершить над вами расправу; клан северных магов занял при дворе тёплое местечко, получив влияние на магов столицы, а там и всей страны. Они убили сразу несколько зайцев. Все довольны... кроме, собственно, вас. Мне всё это не нравится, но я всегда заботился, в первую очередь, о себе. А в тюрьме мне сидеть не хотелось. Но идти дальше против своей совести... это оказалось

сложнее, чем я думал. Тем более, ситуация становилась всё тяжелее. Взять одну только Землю Зги...

— Что такое Земля Зги?

Миена непонимающе посмотрела на него, и Уртан чуть не присвистнул.

— Как давно ты вылезла из Оклегона? Я не думал, что в Вистании есть хотя бы один человек, который не знает о Земле Зги.

— Я не знаю, — холодно отозвалась она.

— Несколько некромантов из «Марги»... про «Маргу»-то ты знаешь?

— Да, — коротко отозвалась Миена. Слишком быстро, как бы надеясь, что тема не получит своего продолжения.

— Так вот, несколько некромантов думали устроить что-то вроде штаба в Лесе Зги.

— Это где?

— Если смотреть по карте, то отсюда получится мериков тридцать к востоку.

— Ясно. И?

Некромантка слушала его с неослабевающим вниманием. Учтывая, что она только что узнала неприглядную правду о своих родителях, её любопытство немного походило на сумасшествие. Казалось, она запрятала куда-то в себя неприятную правду, и боится дотрагиваться до неё даже мысленно, не говоря уже о том, чтобы вести об этом разговор.

— Их рассекретили, и отправили в погоню несколько десятков первоклассных магов. Вышел страшный бой, лес был стёрт с лица земли полностью, осталось одно пепелище... Это случилось в середине зимы, но там до сих пор какие-то магические аномалии, и говорят даже, что человек не может продержаться на этой земле дольше нескольких часов — силы его очень быстро иссякнут, и он свалится замертво. Растения там тоже не растут, животные не забредают — даже птицы облетают проклятое место стороной...

— А некроманты? — спросила Миена. — Они выжили?

— Я точно не знаю... — Уртан немного смутился. По правде говоря, он мало интересовался всем, что происходило за пределами Перелеса. — Но вроде перебили всех. Хотя и со стороны магов-противников были большие потери...

— Это невозможно, — сказала она. — Перебили всех? Даже если их мало, а противников — сколько-то там десятков...

— Ловцы и те, кто за ними стоят, очень продвинулись в своём деле, — просто объяснил Уртан.

Миена отвернулась.

— Значит, всё ещё хуже, чем я думала, — сказала она. — Пока я прохлаждалась, пока занималась своими делами, умирали мои товарищи по несчастью... Прав был мой однокурсник — это война, а на войне никого не щадят.

— Да, но в эту войну необязательно ввязываться всем, — заметил Уртан, с интересом разглядывая девушку. В ней чувствовался стержень, целеустремлённость, которая всегда необъяснимо привлекала его в людях. Особенно в женщинах... Собственно, Кантея была такой же. Только её стихией во всех смыслах был огонь. А этой — холод.

— Почему из всех магических искусств ты выбрала именно некромантию? — спросил Уртан. — Я ведь знаю, как это происходит: дар даётся магу с рождения, а Источник он уже потом выбирает сам.

— Нет, склонность к Источнику тоже по большей части определяется врождёнными способностями, — возразила Миена. — Маг выбирает только Маромир.

— Так почему ты выбрала именно Маромир?

— Некроманты — самые сильные маги, — ответила Миена. Её голос звучал негромко, и слова с трудом различались в шелесте дождя и треске веток в костре. — Я хотела быть самой сильной.

— Зачем?

— Потому что нет ничего страшнее беспомощности.

Она полезла в сумку, которую не снимала с плеча даже сейчас, сидя у костра, и достала два странных предмета, размером и формой напоминавших детские кулачки. Уртан пригляделся: это оказались вырезанные из дерева цветочные бутоны. Светлые, покрытые лаком, они поблёскивали в свете костра и, казалось, сами излучали тепло.

Помедлив, девушка протянула их Уртану на раскрытой ладони.

— Что это?

— Я заколдовала эти бутоны так, чтобы знать, угрожает ли опасность моей маме и брату, — объяснила Миена. — Видишь, они светлые и даже слегка светятся. Это значит, что с моими близкими всё в порядке. Там, в Оклегоне, чары ослабли, и я чуть с ума не сошла. Думала, что-то случилось... Мне всегда казалось, что если бутоны почернеют, я быстро доберусь до Приречья и спасу свою семью. Потому что могу это сделать. Теперь — могу. Даже если мне противостоят маги — я всё равно сильнее... Поэтому я и стала некроманткой. Это было наперекор материнской воле. Я просто знала, что должна так поступить, и мне плевать было, отлучат меня от дома, или нет...

— Отлучили? — спросил Уртан.

Миена пожала плечами.

— Нет... Но после того, как я отправилась в Порог, я была там всего пару раз. И встречи наши проходили отнюдь не тепло... Мне было плевать. — Она резко сомкнула пальцы, и деревянные бутоны брякнули в её ладони. — Я привыкла за те несколько месяцев, что провела дома после смерти папы, до начала учёбы... Они винили меня в том, что случилось. Не в лицо, но... я чувствовала: никто не рад, что выжила именно я, а не Малка или отец. Мама срывалась по любому пустяку. Однажды бросила в меня полено, когда я не уследила за курицами: одну из них съела лиса. У меня потом голова кружилась, я вообще работать не могла. Позже я выяснила, что это называется сотрясением мозга... Думаешь, она сожалела о том, что сделала? Нет. Только продолжала говорить о моей бесполезности... И тогда я решила, что пойду в некромантки. И никто больше не сможет у меня на глазах убить тех, кто мне дорог.

Уртан вздрогнул после этих слов, и девушка, испуганно взглянув на него, замолчала.

— Ты, когда была без сознания, один раз почти очнулась и позвала кого-то по имени, — сказал он. — Какого-то Роиса. Это твой брат?

Она ответила не сразу:

— Нет. Неважно, кто это.

Уртан с удивлением увидел, что румянец от жара костра на её щеках стал ещё ярче и понял, что в тему лучше не вдаваться.

— Я слышал, что Гронс взял чужой заказ, — сказал он. — А потом он просто исчез... Ходили слухи, что его убили, но я не вдавался в детали. Мне самому тогда было около двадцати, я только-только начал вникать в азы ремесла. Мы с твоим отцом пересекались всего несколько раз. Он всё хотел уехать к морю... Говорил, мол, жду, когда дети вырастут... Я знал, что он что-то отдаёт семье, но часть откладывает для себя. На мечту... Не могу

сказать, что такой подход мне нравился, но в остальном Гронс был неплох.

Миена покачала головой.

— Мы ни в чём не нуждались. После того, что ты мне рассказал, я стала вспоминать... У нас ведь всегда были деньги. Мы могли позволить себе больше, чем простая рыбацкая семья с тремя детьми. Мама, правда, ездила продавать какую-то одежду в Тиугар, которую она шила... Но ведь я ни разу не видела обрезки ткани, нитки... я только сейчас это поняла. Я почти никогда не видела её за работой. Только когда она что-то подшивала для нас... Она всё знала и покрывала его, — с внезапным ожесточением проговорила девушка. — Может, и об его отъезде знала. Может, хотела уехать вместе с ним... А я всё испортила. Тем, что не легла сверху, когда он упал на пол, не защитила собой.

— В этом деле суровые законы, — сказал Уртан. — Расплата за то, что взял не своё, может быть очень жестокой. Твой отец не мог об этом не знать.

Миена не ответила. Но вдруг подняла руку, и деревянные бутоны, один за другим, полетели в костёр.

— Ты думаешь, это правильное решение — отвернуться от своей семьи? — нахмурившись, спросил Уртан, который с детства был сиротой. — Хочешь сказать, что тебе теперь всё равно будет, если с ними что-то случится?

Миена взглянула на него так, что плотник едва не отпрянул: в глазах девушки стояли слёзы, но сквозь них проглядывала ярость.

— За всё это время с ними не случилось ничего, — дрожащим голосом проговорила некромантка. — А я несколько раз чуть не погибла, я сидела в оклегонской тюрьме и в любую минуту могу оказаться в тюрьме явомирской. Было ли им до этого какое-то дело? Нет. Они знают, где я живу, они знают, что происходит в стране.

— Ты ведь ушла из Горкино!

— Я знаю их. Они уже отреклись от меня один раз — когда я всё-таки пошла в Порог. Высмеивали меня вместе с соседями. Когда я шла по родному селу в последний раз, меня закидывали огрызками от яблок! А они делали вид, будто так и надо... Нет, я не удивлюсь, если мои родные отреклись от меня снова. А я... я теперь буду помогать тем, кто этого действительно заслуживает, быть с теми, кто хочет быть со мной, держаться за тех, кто держится за меня. За тех, кому нужна на самом деле... Поэтому — спасибо за помощь, но мне пора идти.

Она решительно встала на ноги. Потом опустила голову и быстрым, почти танцующим шагом обошла несколько ближайших деревьев, проводя ладонью по стволам. Замерла, словно прислушиваясь к каждой капле дождя, которые по-прежнему — миллионами! — сыпались из туч. Уртан смотрел на неё весь этот миг, долгий и холодный: на застывшую, заледеневшую тень возле дерева в ночном лесу.

И вдруг оказалось, что у дерева есть дупло.

Из дупла вылезла ещё одна тень. Маленькая, живая, подвижная. Безбоязненно перешла в подставленную ладонь некромантки.

Безбоязненно — потому что не смогла противиться заклинанию.

Уртан отвернулся к огню, чтобы не видеть смерти белки — и ухода той, которую он сломал сам. Которая никогда не убила бы ни в чём не повинную белку — раньше.

Она приблизилась сама. Застыла возле костра, не касаясь ногами земли.

— Спасибо, Уртан. Спасибо за всё. И удачи.

Жаль, что она не промолчала — как тогда, в Громе.

Силуэт некромантки, подпитанный гибелью преждевременно погибшего зверька, полетел сквозь дождь над дорогой.

Миене казалось, она сбросила груз, который много лет давил ей на плечи. Будто она с ним срослась, как горбун срастается с горбом — и лишь теперь смогла выпрямиться во весь рост.

Теперь она будет заботиться только о тех, кому действительно нужна. Она сможет спасти Аряну. Должна спасти! Чутьё подсказывало некромантке, что девочка жива. А значит — сколько бы народу не противостояло — Миена её вытащит. Её и Корбара, если он тоже там.

У особняка Миена оказалась спустя полчаса. С лёгкостью перелетела над оградой: последняя жертва влила в заклинание много сил. И не только в заклинание, но и в саму заклинательницу: некромантке казалось, она способна сдвинуть горы голыми руками... ну, может, ещё с некоторой помощью маромирских существ. Миена не чувствовала ни воды, ни холода, хотя дождь и не думал прекращаться. Она ощущала только близость цели.

Аряна была внутри.

Отправившись в обход особняка, Миена вскоре обнаружила небольшую дверь, такую низенькую, что она могла бы войти туда, лишь согнувшись. Что это было? Чёрный ход? Погреб? Неважно. Главное, что через эту дверь можно проникнуть в здание, а засов с внутренней стороны не был помехой для некромантки.

Карманным ножом она прервала явомирский путь довольно-таки упитанной крысы и приложила похолодевшие пальцы к дверце. Однако, стоило ей дочитать заклинание и услышать звук брякнувшего где-то в глубине железа, как сквозь дождь до неё долетел чей-то окрик:

— Миена!

Некромантка обернулась. В нескольких шагах от неё, возле парадного крыльца, стоял Корбар.

— Пойдём. — Он приблизился, протягивая руку. — Ты промокла и, наверное, замёрзла... Граф будет рад с тобой познакомиться.

— Где Аряна? — спросила девушка, не двигаясь с места.

— Она здесь. С ней всё в порядке... Пошли, мы всё тебе объясним.

«Мы»? «Объясним»?

На Миену как-то разом навалилась усталость минувшего дня. Выходит, они всё это время сидели здесь, в тёплом особнячке графа Трифа, в то время, как она...

Некромантке вспомнилась кровь на бурой медвежьей шкуре, и жёсткая, холодная поверхность жертвенника, и бородатый Уртан, с которым она не знала, как себя вести... И белка. Бедная несчастная белка, которая отдала свою жизнь, чтобы Миена как можно быстрее прилетела сюда под дождём.

Гнев поднимался в ней медленно, но неовратно — но так и не прорвался ни криком, ни даже жестом. Миена всегда умела хорошо скрывать свои чувства.

Она молча подошла к Корбару, и тот повёл её в резиденцию графа Трифа.

***

Небольшая комната, в которой они сидели, была обставлена простенько — но только на первый взгляд. Тяжёлые гардины, явно из дорогой ткани, тончайшая роспись на каминном экране, статуэтки, маленькие картины на стенах в золочённых рамах — всё это добавляло

тёмной комнатке лоска, но не вычурности. Хоть Миена и не разбиралась в таких вещах, глаза её то и дело задерживались на той или иной детали, а удобнеее кресло, в которое посадили незваную гостью, казалось, само подстроилось под изгибы её тела. Впрочем, если здесь поработал маг, то ничего удивительного...

Компанию им с Корбаром составлял человек невысокого роста, улыбочивый, с круглой лысеющей головой. Это и был граф Триф, который ничуть не изменился со времени его последнего визита в Порог. Едва он и его гости расселись, как в комнату вошли служанки с подносами. Маленькие столики возле кресел тут же обросли блюдечками с нарезкой из сыров, салатами, ягодами в белых облаках взбитых сливок...

— Я взял на себя смелость предложить вам закуски! — сказал граф. Речь его была весёлой, напористой и совершенно не вяжущейся с разбушевавшимся за окном ненастьем. — Сейчас ещё принесут подогретое вино... Если хотите, можете переодеться, вас проводят.

— Спасибо, мне не во что, — сказала некромантка. Она слишком устала, чтобы принимать живое участие в разговоре. Да и почему-то ей не хотелось тратить силы на то, чтобы изображать вежливость перед человеком, который похитил её подругу. — Где Аряна?

— Аряна у меня. Она в абсолютной безопасности. Но сейчас девочка работает, и я бы не хотел её прерывать... Разумеется, когда она захочет отдохнуть, вы с ней встретитесь. А до того момента, как и после него, вы — моя гостья.

— Что вы имеете в виду под словом «работает»?

— Корбар, вы не могли бы... — покосился граф на мага.

— Да, конечно. — Рыжий прочистил горло. — Я всё объясню. Тем более, это моя вина, что Миена оказалась в неведении... Видишь ли, Миена, Аряна — Вождь Мира Драгоценность среди людей, способная повлиять на Явомир... на всю Паутину! И, сама понимаешь, условия для того, чтобы её предназначение раскрылось в полной мере, были не самыми удачными...

Девушка нахмурилась. Ей вспомнился рассказ Лейса о Вождях Мира. Дескать, изредка рождаются такие люди, которые способны двигать мир вперёд, которые добиваются ошеломительных успехов в любой сфере и помогают человечеству сделать скачок... Но Аряна? Впрочем... почему бы нет? Она ведь удивительно быстро училась некромантским обрядам, да и вообще ума девчужке было не занимать. Кроме того, в ней всегда ощущалась некая властность... Так что всё может быть. Только вот...

— Почему ты раньше не сказал? — оборвала она Корбара на полуслове. — Ты ведь давно это задумал? Ты от Тобалья узнал, что Аряна Вождь?..

На лице рыжего мага промелькнуло странное выражение. Он слегка дёрнул головой, и его очки блеснули в свете камина.

— Тобаль был идиотом, — сказал он неожиданно жёстко. — Ничего он не видел и не понимал! Не смог разглядеть в собственной сестре то, что смог я... Когда мы с ним встречались в последний раз, Аряна была ещё девчонкой совсем — семь лет всего! Но и тогда я понял — у меня всегда было чутьё, в отличие от этого зубрилы! — я сразу распознал, что это не обычный ребёнок...

— Подожди, — снова перебила его Миена. У девушки было ощущение, будто у неё распухает голова от всей этой информации, становится такой большой и тяжёлой, что шея вот-вот устанет её держать. — Что значит — семь лет? Ты же говорил, что Тобаль твой друг! А ты с ним последний раз виделся пять лет назад?

Триф, с интересом наблюдавший за их разговором, довольно усмехнулся:

— А вы шустры, молодой человек! Но несколько неосторожны... — Граф Триф с удовольствием вгрызся в одну из стоявших перед ними тарталеток и взглядом показал Миене: присоединяйтесь, мол. Но девушка едва обратила внимания на его знак; да и аппетита у неё совершенно не было.

— Толку уже в осторожности... — с досадой проговорил Корбар и прямо посмотрел Миене в глаза. — Папаша Тобаля преподавал в школе, куда мы ходили ещё мальчишками — и всегда, всегда меня недолюбливал! Это из-за него меня выкинули со второго курса. Пришлось всему учиться самостоятельно. И сынок его тоже задирает нос... Когда я узнал об осаде Порога, я сразу же примчался туда. И выяснил, что Аряны нет ни среди задержанных, ни среди раненных. Я чувствовал, что сестрёнка Тобаля сможет изменить мою жизнь! Ведь всегда есть люди, которые будут заинтересованы в том, чтобы иметь при себе такой бриллиант. К тому же у нас тогда уже состоялся разговор с графом... Я шёл по её следу, пока не встретился с тобой. Но ты оказалась слишком недоверчивой, и мне пришлось сделать ещё одну попытку... Ты очень мешала мне, Миена — девчонка привязалась к тебе! Пока его сиятельство был в Тиугаре, я надеялся, мы попадём туда, но нас перетянуло к Грому. Когда мы проходили через портал, то оказались там, где хотели вы. Мне нужна была только Аряна, разлучаться вы не собирались, а как иначе было увести её от тебя? Рассказать я ни о чём не мог. Пришлось бы признаться, что я обманывал вас всё это время. Сомневаюсь, что Аряна после этого вообще захотела бы иметь со мной дело. А я уже слишком много сил и времени потратил на неё. На вас обеих! Я сообщил графу о своём непростом положении. Он перебрался в эти края из-за нас.

— Это верно лишь отчасти, — справедливости ради заметил Триф. — Я люблю эту свою резиденцию и часто приезжаю сюда летом.

— А потом — такая удача, — ровным голосом заметила Миена. — Смерть Лиранты. Корбар опустил голову.

— В тот день я как раз должен был идти к графу. Над вами висела какая-то опасность, и нужно было срочно что-то предпринимать... Граф посоветовал всё вам честно рассказать. И я решился. Но увы — поздно... К счастью, Аряны не было в пекарне, когда туда пришли. Дверь была закрыта, я долго стучал, никто не отзывался. Не могло же оказаться, чтобы никого из вас троих не было на месте! Я рискнул воспользоваться заклинанием, открыл дверь — и услышал крики Лиранты. Эти сволочи пытали её — те, кто вас выследил. Думали, она тоже некромантка, спрашивали о вас... Наверное, старушка полубила вас. Она пыталась вас спасти. Сказала, что вы ушли и больше не придёте, что даже вещи не успели собрать: слишком испугались чего-то. И тогда они убили её.

У Миены сжалось горло. Но она всё-таки выдавила:

— Почему ты её не спас? Ты мог бы помочь!

— Не успел. Я только-только оказался у комнаты, когда... в общем, ты понимаешь. Потом я затаился, подождал, пока они уйдут. Дом эти подонки перевернули ещё раньше: наверное, искали доказательства того, что вы некромантки. Один занимался Лирантой, другой рылся в ваших вещах. Я собрал кое-какие вещи Аряны: надеялся её перехватить до того, как она увидит пекарку. И, конечно, до того, как нагрянут стражники. Я ходил по площади, пока не заметил её — а потом встретил, увёл и спрятал в надёжном месте. Сделал то, что должен был сделать давным-давно! Если бы вы обе не были такими упёртыми, Лиранта, может, осталась бы жива...

— Аряна бы не ушла без меня, — глухо сказала Миена. — Что ты ей наплёл?

— Сказал, что тебя пока нет, но что я обязательно тебя найду. Я не лгал. Я действительно планировал найти тебя. Хотя бы оставить записку... Но всё никак не мог собраться...

«Нет, ты лгал, — поняла Миена. — И сейчас лжёшь».

Правда в том, что Корбару было плевать на них обеих всё это время. Ему хотелось денег, хотелось, чтобы у него был богатый покровитель. И вот, он наконец добился этого, благодаря своему, видите ли, невероятному чутью. Что-то кому-то объяснять, оправдываться — лишняя трата сил. Да, Аряна будет скучать по подруге, но это уже не его забота. К тому же можно долго делать вид, что Миена пропала, была поймана ловцами или другими охотниками, а то и вообще умерла. В это довольно просто поверить. Тем более что Корбар умеет быть убедительным.

— Я объяснил Аряне, что в городе оставаться опасно, но один человек готов предоставить нам приют, — продолжал маг, стараясь не смотреть на девушку. — Нас здесь давно ждали.

«Вас, но явно не меня», — подумала некромантка. Миена прекрасно понимала: её никто не искал, о ней никто не беспокоился — кроме Аряны. Но Аряна ребёнок. Девочке эти двое наверняка сказали, что её подругу обязательно найдут — а сами окружили особняк заклинанием-маячком, чтобы появление некромантки не стало неожиданным, и стали надеяться, что она не придёт никогда.

— Да, мы с Корбаром успели подружиться. — Граф промокнул губы салфеткой и улыбнулся. — Моя вина, уважаемая Миена, что я слишком падок на разные редкости! А что может быть более редким и ценным, чем Вождь Мира? К счастью, Аряна не только поверила мне, но и загорелась желанием исполнить своё предназначение. Прямо сейчас она строит маршрут для экспедиции на Остров Лиц, изучает все записи по находящимся там пещерам, которые мои люди только смогли найти — а значит, совсем скоро мы будем первыми, кто сумеет проникнуть в их тайны! Аряна уверяет, что дело в особом расположении звёзд...

На Миену эта пылкая речь не произвела должного впечатления. С двенадцати лет она мало чем интересовалась, кроме некромантии, и почти ничего не знала об Острове Лиц. В ней шевельнулось любопытство, и — совсем немножко — зависть к Аряне, которая занималась какими-то неведомыми «маршрутами», «пещерами», «экспедициями»... но задавать вопросы, демонстрируя собственное невежество, Миене не хотелось.

Кроме того, иные чувства, вызревавшие в ней, были куда сильнее.

Она посмотрела на Корбара, которого совсем недавно считала почти своим другом.

— Ты — хитрая меркантильная тварь, — сказала она.

— Ну, дорогая ресса!.. — с укоризной воскликнул граф.

Корбар ничего не говорил. Он только сощурился и улыбнулся. Как-то кривовато, нехорошо.

Миена перевела взгляд на Трифа. Тот тоже шурился, и, как показалось девушке, получал удовольствие от происходящего.

— Не судите его слишком строго, — попросил граф. — Да, Корбар не открыл вам всей правды, но всё же согласитесь, если бы не он, вы, возможно, не выжили бы. Он ведь помогал вам на вашем пути, не так ли?

— Помогал, — согласилась Миена. — Мы помогали друг другу. Мне этот факт неприятен, но именно поэтому я его не убью.

Не выдержав, маг вскочил на ноги.

— Ещё бы кто кого убил!

Миена усмехнулась, тоже встала и прошлась по комнате. Её руки были крепко сжаты в кулаки. Подошла к окну, за которым бушевало ненастье. Взгляд выхватил на тёмной бархатной складке гардины большого комара.

О, теперь она стала сильнее! Теперь одна жизнь этого комара могла помочь ей заставить Корбара расплатиться за своё предательство — за каждый день, когда она верила ему.

Только дни эти всё равно останутся в её памяти, теперь испорченные и фальшивые; страдания Корбара ничего не изменят.

— Вы, должно быть, устали с дороги. — Граф, как воспитанный человек, также поднялся на ноги, едва только это сделала Миена. — Вас проводят в ваши покои, а когда Аряна освободится, она непременно вас навестит. Можете оставаться, сколько пожелаете, я буду только рад вашей компании.

Миена, не привыкшая к таким изысканным речам, удивлённо посмотрела на Трифа и кивнула.

— Спасибо. Я постараюсь вас долго не стеснять.

— О чём речь!

Некромантка перевела взгляд на мага. Тот стоял, опустив рыжую голову, но исподлобья смотрел в ответ.

— Мне жаль, — наконец произнёс он отрывисто. — Но поверь, теперь всё будет хорошо. Я знаю, я поступил неправильно. И наделал ошибок. Но это того стоило, увидишь. Нам всем теперь станет легче... Надеюсь, ты меня когда-нибудь простишь.

Девушка понимала, что сейчас он говорит искренне. Но она промолчала и отправилась вслед за служанкой в отведённую для неё комнату.

***

— Нет, Ми, мне это не интересно, — заявила девочка. — Я же тебе говорила, что всегда чувствовала, что некромантия — не моё?

— Какая разница? — не понимала Миена. Предположение, что Аряна могла бы попытаться спасти некромантов, вырвалось у неё как бы между делом — но постепенно девушка поняла, что оно верное и правильное. Ведь человеческие жизни не могут быть менее важными, чем тайны далёкого острова. А значит, должны быть в приоритете. — Это люди, которым нужна помощь. Мы — люди, которым нужна помощь. Ты совсем недавно была одной из нас... Подумай, пожалуйста...

В собственном тоне она с недовольством отметила просительные интонации. Теперь, когда Аряна узнала о себе, внутренняя сила, таившаяся в ней, словно вырвалась наружу, и превосходство девочки над простыми людьми ощущалось почти физически. Даже её лицо стало более взрослым и при этом немного хищным; привычные округлые черты заострились, в глазах появился блеск, который можно было бы назвать лихорадочным, если бы от этого слова не веяло болезненностью и слабостью. А перед Миеной сидел человек, пышущий здоровьем и энергией. Человек, который находился на своём месте.

— У меня нет на это времени, — ответила Аряна. — Мы на пороге великого открытия. Ты представляешь, никто никогда не выходил из пещер на Острове Лиц; говорят, люди умирают где-то внутри — и, возможно, так и есть. Мне бы только понять, на что распространяется влияние созвездия Стрела — на сами пещеры, или на человека, который туда заходит — и я скоро пойму, я знаю... Ты мне поможешь.

— Что? — Миена удивлённо моргнула.

— Конечно, ты останешься со мной! Неужели ты думала, что я отпущу тебя на растерзание ловцам?

«Но ведь пока ты здесь работала, ты даже не вспоминала обо мне», — хотела было сказать Миена. Она уже поняла, что Аряна волновалась за неё ровно до того момента, пока ей не предложили отправиться в дальние края разгадывать загадки. А потом так увлеклась, что уже стало не до волнений.

Однако Миена удержалась. Вместо этого спросила:

— А граф?

— Граф даёт всё, что мне нужно, чтобы хорошо работать, — объяснила Аряна. — И сейчас мне нужна ты. Разумеется, он не будет против. Более того, обеспечит тебе защиту. Разве не здорово?

— Здорово, — механически ответила Миена.

— Вот видишь! Я поговорю с графом насчёт тебя. А пока давай-ка займёмся делом...

***

Поговорить с графом не получилось. Так вышло, что первым его нашла Миена. Вернее, он сам нашёл её, когда направлялся к отведённой ей комнате.

— Сожалею, но мы с Корбаром должны на некоторое время уехать по делам. — Пухленький Триф учтиво поклонился. — Но вы, разумеется, по-прежнему моя желанная гостья, и можете оставаться здесь, сколько захотите.

— Аряна хотела с вами поговорить... — нерешительно начала Миена.

Граф улыбнулся:

— У малышки столько идей! Оставим их до моего возвращения. Я, к сожалению, спешу, а Аряна работает по ночам, с телескопом, и ей нужен здоровый крепкий сон. Я вернусь дня через четыре, максимум, через пять.

Миена хотела было объяснить про желание Аряны сделать её частью их странной компании, но после того, как она накануне перерыла кучу книг в поисках информации по созвездии Стрела, мысли в голове путались. Ей бы тоже не помешал «здоровый крепкий сон»... Только вот отчего-то не спалось.

Четыре дня... За четыре дня она, возможно, почувствует себя в своей тарелке. Перестанет думать о тех, кого не спасти. Порадуется, что участвует в великом деле, связанном со звёздами и дальними землями. Деле, безусловно, нужном человечеству. Аряна сказала, что во всех мирах хватает непостижимых мест: где-то есть озеро с горячей водой, где-то во время прилива любой человек, ступивший на определённый камень, может упасть замертво. Это, само собой, очень мешает. Когда мы, сказала Аряна, вникнем в то, что происходит на Острове Лиц, в Явомире больше не останется запретных территорий...

«Только не для некромантов», — подумала тогда Миена и промолчала. Она быстро поняла, что упоминание некромантов только раздражает её маленькую гениальную подругу. А раздражение — это не та эмоция, которая способствует продуктивной работе.

Нужен покой.

Значит, пусть будет покой.

***

Нападение было неожиданным. Впрочем, Уртану некого было винить, кроме себя: он слишком погрузился в свои мысли и утратил бдительность. Словно стремительный ветер налетел на него откуда-то сбоку, повалил.

Удар был совсем не сильный, а шевельнуться почему-то не получалось. Руки и ноги отказывались повиноваться, даже головой было не двинуть. Он лежал на влажной после очередного дождя в траве, в нелепой позе, глядя на первые звёзды.

— Ха-ха! — победоносно воскликнула какая-то женщина. Это было именно восклицание, а не настоящий смех. — Смотри, не такой уж и бесполезной твоя подружка оказалась! Амулетик-то работает!

— Лучше бы потратили на сфе... — начал было какой-то мужской голос, но женский тут же его перебил:

— Тихо ты!

— На неё нам хватает, — заметил уже другой мужчина. — Это не самая главная наша задача. Хотя всех, конечно, не переловишь...

— А мы всё равно будем пробовать, — заявила женщина. — Давайте, оттащите его куда-нибудь на задворки...

«Вот и сходил пивка попить», — мрачно подумал Уртан, который действительно направлялся в небольшой кабачок. Не то, чтобы ему так уж хотелось пива, просто в последние пару дней он открыл для себя способ отвлекаться от неправильных мыслей, слушая чужие разговоры. Даже пустая беседа двух пьянчужек, как оказалось, могла надолго занять его. А с каким неожиданным интересом Уртан послушал накануне местного учителя, который жаловался приятелю на разваливающееся здание единственной на весь город школы... Дети, дерущиеся за скамейки в классе, чтобы не сидеть на полу, живущие в стенах насекомые, сломавшаяся под весом этого самого учителя половица...

Эти детали, красочно описанные вчерашним посетителем кабачка, почему-то проносились в голове Уртана, когда его несли навстречу смерти. А когда его положили — уже не на траву, а в какую-то грязь — перед внутренним взором мелькнул образ улетающей сквозь дождь некромантки. Мелькнул — и пропал без следа.

— Перелес, надо же... — презрительно проговорила женщина. — Ты ж смотри, в какую глушь забрался! Но мы тебя всё равно нашли, да? Знал бы ты ещё, как именно!

Она довольно хихикнула.

Один из мужчин сказал:

— А обязательно оставлять здесь куртку? Если лапу спороть, то пригодится — лето короткое, а тут смотри, какой подклад, да ещё отстёгивающийся...

— И ты будешь донашивать шмотки этого вонючего подонка?! — возмутилась женщина, хотя её подельник явно шутил. — Я думала, у тебя хоть какая-то гордость есть... И вообще, не для того я её вчера заклинанием через окно тянула!

Уртан вспомнил, что накануне действительно было жарко, и он пооткрывал в доме окна. А в кладовку он вообще давно не заходил, пропажу куртки бы и не заметил...

— Замолчите оба! — шикнул на них другой мужчина. — Раз уж одна из нас пожертвовала своей кровью для того, чтобы облегчить нам задачу, давайте сделаем так, чтобы её сила не ушла впустую. Потому что если нас услышат, то нужно будет срочно шкуры спасать. А куртку оставить надо: пусть его проклятое племя смотрит и боится.

Уртан по-прежнему не видел их. Слышал только дыхание и редкие, хлюпающие по грязи шаги.

Он спросил себя: если бы ему оставили способность говорить, сказал бы он, что ушёл из ловцов? Сказал бы, что делает игрушки из дерева и скромно живёт в своём маленьком домике, не помышляя о большем? А недавно даже помог одной из них...

И тут же понял, что нет. Уртан признавал только равные поединки. Будь он способен двигать челюстью, он бы наверняка мог что-то ещё.

И тогда бы он дорого продал свою жизнь. Или же вообще сохранил её, потому что на любое, даже самое короткое заклинание нужно определённое время. И за это время можно многое успеть.

Одно Уртан знал точно: с людьми, которые способны нападать так подло, он бы разговаривать не стал. Даже если бы от его попытки открыть им глаза зависела его жизнь.

Что ж, скоро он уйдёт в эти звёзды. Глупо как-то всё получилось, но сожалеть было не о чем. Разве что о том, что смерть получалась какой-то бессмысленной. Даже его труп, показательно накрытый курткой ловцов, будет совершенно бесполезным; он никому не послужит предупреждением, не остановит войну между некромантами и остальными людьми. На что рассчитывают его убийцы? Или ни на что не рассчитывают, ими руководит одна только злоба?..

Вдруг что-то тихонько пискнуло рядом, в темноте, и вслед за этим звуком раздался вопль. Кричала та женщина, которая намеревалась убить Уртана. Вопль был короткий, но прозвительный.

— Ты дура?! — прорычал кто-то.

— Роис, прости, я этих тварей с детства боюсь! Я нечаянно...

Второй мужчина громко и как-то нервно фыркнул, оценив ситуацию. Уртан бы тоже фыркнул, если бы у него была такая возможность. Голос женщины звучал жалобно и виновато; нашлись великие воители...

Только потом он вспомнил, где слышал имя Роиса.

— Ты амулет выронила!

— Я найду, — хмуро сказала девушка. — А вы пока кончайте этого...

— Это ведь ты хотела сделать, — напомнил третий участник их маленькой банды.

— Но вы же мужчины!

— И что? Думаешь, это так просто — хладнокровно убить человека, который даже пошевелиться не может?

— Дай мне кинжал, я сделаю, — прервал перебранку Роис. — Зарядим ещё один амулет, и останется сила, чтобы перенести всех нас отсюда. Надо сваливать...

Однако они всё-таки потратили слишком много времени. Профессиональные убийцы бы давно с ним расправились, но эти люди не были профессиональными убийцами.

А тот, кто пришёл сюда на крик девушки, был.

Щелчка арбалета Уртан не расслышал, а вскрик Роиса — очень даже. В свете редких окошек стрелявший не мог как следует прицелиться, поэтому арбалетный болт попал некроманту в руку, чуть ниже плеча.

— Бегом!

Второй некромант быстро сориентировался, и когда человек с арбалетом подошёл к лежавшему в грязи Уртану, быстрые шаги магов уже стихли в отдалении.

— Вот уроды, — процедил Миклад. — Я не нашёл тебя дома и пошёл к «Большой ёлке». Если бы эта тварь не закричала, никогда бы не догадался сюда заглянуть... Потерпи немного, — покровительственно произнёс он, — действие амулета, если его не подпитывать, должно скоро закончиться, и ты сможешь двигаться. А так я тебя при всём желании не дотащу... Мощная штука, обезвиживает надёжнее верёвки. К счастью, на внутренние органы почти не влияет, так бы ей можно было убивать — и сердце

останавливать, и дыхание... И как они узнали, что ты здесь?! Я никому не говорил, честное слово. Может, это ты кому-то ляпнул, что живёшь в Перелесе?

В последнем вопросе прозвучала неприкрытая неприязнь.

Уртан лежал и молча смотрел на звёзды. Ждал.

***

Красный от прилившей к лицу крови, грязный и мокрый Уртан со стуком распахнул дверь своего маленького домика. Не снимая сапог, запалил сразу несколько светильников в комнате, потом прошёл к столу и, открыв один из ящиков, достал трубочку с пробкой. Рядом кинул очищенный от грязи амулет, который выронила увидевшую крысу некромантка.

— У меня с собой было, — проворчал вошедший следом Миклад, осторожно держа обляпанную куртку с лапой. Он чувствовал себя уязвлённым. За спасение жизни его поблагодарили — и только, восхищаться ловкостью и спрашивать об успехах по службе Уртан не стал. — Мог бы попросить...

Уртан и на это ничего не сказал. Он не знал, почему не стал бы делать сверку на улице, хотя платок Миены всегда носил с собой. Возможно, ему просто нужно было хорошее освещение и удобная поверхность...

Да, именно поэтому. Он должен был знать наверняка.

«Не такой уж и бесполезной твоя подружка оказалась!..»

Сказала, значит, «спасибо», а потом взяла, да и навела своего дружка на его след? Решила сделать ему приятное? Подарок? Нашла себе новую семью, и захотела стать там своей — за его счёт? Может, ещё и сказала что-то вроде: «Его там, в Маромире, давно невеста ждалась...»

Или нет, или он всё-таки ошибается?

Сейчас станет ясно.

Бережно сложенный платок лёг рядом с амулетом.

Миклад молча наблюдал за его действиями, и Уртан чувствовал его оживление. Ловец предвкушал то, что сейчас произойдёт. Как будто уже точно знал, какой результат покажет определитель.

И не ошибся.

...Спустя полчаса из дома плотника вышли двое мужчин. На том, что был повыше и с бородой, куртка выглядела так, будто её недавно вынули из лужи. Однако любой прохожий, даже если разглядел бы её в свете случайного фонаря, не стал бы удивляться.

Все в Вистании знали, что ловец некромантов — работа грязная.

Миена услышала негромкий щелчок.

Один из присутствовавших в пещере некромантов, хмурый светловолосый мужчина по имени Куртен, подошёл к большому камню, где в центре зиял сгусток темноты размером примерно с кулак. Непосвящённый бы не разобрался, что это за пятно с зыбкими границами, но Миена прекрасно знала, как выглядит подслушивающее заклинание, хоть сама никогда и не пользовалась им — не было нужды. Раньше. А теперь... теперь, наверное, ей много чего нового придётся освоить.

И она это сделает. Потому что выбрала свой путь.

— Вы несёте добро? — спросил Куртен. Голос у него был глухой и чуть хрипловатый.

Миена подумала, что ещё какое-то заклинание помогает видеть, сколько именно человек идут в пещеру. Или слышать. Может, когда к нужному месту подходит один человек, щелчок звучит как-то по-другому?..

— Помогите нам!! — послышался надрывный женский голос. — Рои... Ройт ранен, Гиур истратил все свои силы, а я не могу... я не могу!..

— Кейна... — испуганно проговорила жена Куртена, Асвейта, маленькая женщина с бесцветным лицом. Она не была некроманткой, но «Марга» предоставляла приют не только гонимым магам, но и их близким. Теперь Миена это знала.

Куртен, не обращая внимания на то, что Кейна ответила не по правилам, бросился вон из пещерного зала. Хотя слово «бросился» не очень подходило в его случае: движения мужчины были экономны и бесшумны, но оттого не менее быстры. Так мог бы двигаться хищный зверь.

Миена переглянулась с Тригеном, ещё одним своим однокурсником. С этим мрачноватым парнем она почти не пересекалась в Пороге — он был таким же молчуном, как и сама Миена. Но за те пару часов, что девушка провела в пещере, она общалась практически только с ним. Он изменился совсем немного: стал казаться чуть менее забитым и чуть менее опрятным — должно быть из-за отросших каштановых волос. Скупясь на эмоции, но при этом довольно обстоятельно, Триген восполнил пробелы в знаниях Миены о «Марге», а заодно рассказал о Куртене, который при штурме Порога потерял учившегося там сына.

«Не успел спасти — пояснил Триген. — И теперь только и делает, что спасает других. Как будто в искупление».

— Я же говорил, — негромко произнёс он после исчезновения Куртена — так, чтобы Асвейта не слышала. Потом поднялся на ноги. — Пойду, посмотрю, может и моя помощь не лишней будет. А ты сиди здесь, там не так уж много места.

Миена, если бы и хотела, не смогла бы подняться с застеленной мягким ковром груды камней. Что-то словно случилась с её ногами, когда она услышала про ранение Роиса. Насколько это серьёзно?..

Однако выйти из зала Триген не успел — в пещеру уже ввалился Куртен, на одном плече которого висел Роис, а на другом — неизвестный Миене светловолосый парень. Парня подхватил Триген и потащил к одному из тюфяков. За Куртеном вошла заплаканная Кейна, которая тут же попыталась поддержать Роиса с другой стороны и при этом не тревожить рану. Какой уверенной казалась Миене эта девушка в тот день, когда забирала её кровь!.. Теперь же от этой уверенности не осталось и следа. Бледная и заплаканная, Кейна

беспомощно повторяла: «Я обязательно убью кого-нибудь... непременно... призову какого-нибудь оленя и убью...». То, каким она взглядом смотрела на полуживого Роиса, как помогала его укладывать на мягкую лежанку, как целовала в белый мокрый лоб — всё это сказало Миене многое. Ей вспомнился и сам Роис, виноватый и покладистый, безуспешно пытавшийся помешать Кейне уложить Миену на жертвенник. Всё это убедило Миену раз и навсегда отказаться от мыслей об этом человеке. Впрочем... мыслей больше и не было. Миена чувствовала, что переросла их. Ей даже было неинтересно, каким образом Роис умудрился рассказать об их встрече так, чтобы вызвать ревность Кейны. Главное, что сейчас, глядя на этих двух людей, чья жизнь в другом месте и в другое время сложилась бы совсем иначе, глядя на Куртена, рвущегося всех спасти и его похожую на тень жену, Миена окончательно убедилась в том, что сделала правильный выбор. Она многое успела обдумать за те четыре дня, что провела в особняке графа. За это время в ней утихла и обида на Корбара, и обида на Аряну — на тех людей, которым она тоже оказалась не нужна. В том числе и для грядущей экспедиции — девочка предлагала присоединиться из благодарности. И, возможно, из жалости. Но не из-за Миениных умений и знаний. Миена хорошо это понимала. И, может быть, это был бы даже неплохой вариант — всегда быть при деле, всегда быть под защитой влиятельных людей и ни о чём не волноваться. «Нам всем теперь станет легче» — так, кажется, говорил Корбар?

Но... разве для того она становилась сильной, чтобы теперь прятаться? Неужели все её жертвы окажутся напрасными?

А если нет, то куда тогда идти? Где она могла бы оказаться нужной?

Что ей теперь делать?

Об этом Миена и думала, сидя в гостевой комнате и изредка помогая юному Вождю Мира копаться в книгах. Думала, чтобы принять очень непростое решение.

Аряна, сама того не зная, навела её на мысль о роли человека в Паутине Миров. Миена прекрасно помнила, какой девочка была до встречи с графом, до понимания себя. От неё постоянно веяло осознанием собственной бесполезности, а в глазах читалась скрытая тоска. Теперь же, когда Аряна была охвачена своим делом, она словно бы горела изнутри. И, наверное, думать не думала о своём погибшем брате.

Миена же, неожиданно осознавшая, что ей совершенно не нужно тратить свои силы на защиту семьи, задумалась о том, чему она могла бы отныне отдать себя, что было бы способно так же зажечь её саму.

«Ничего», — был её первый ответ.

И тогда Миена подумала ещё раз.

Хорошо, согласилась она, не зажечь. Сложно зажечь того, кто не умеет гореть. Но ведь что-то же трогало её, что же приносило радость? Что-то же нравилось? Это уж точно было не убийство животных — и тем более не убийство людей. Это были какие-то короткие мгновения, которые требовалось теперь вычленивать из своей памяти, высвободить из-под гнёта слова «надо», которое вело Миену всю её сознательную жизнь.

Сначала в голову полезли какие-то пустяки: молодой черноволосый плотогон на Вее, зимний день в Тиугаре, редкие разговоры с Роисом в Пороге, лучшая оценка за первый выученный урок.

А потом Миена вдруг вспомнила то ощущение счастья, которое переполнило её, когда с ней впервые заговорила спасённая Аряна, незадолго до этого стоявшая на пороге смерти. И ещё вспомнила Вииса, которого вытащила из осеннего Оклегона в весенний Явомир. Из

смерти — в жизнь.

Аряна говорила, что некромантия — это не её.

Но ведь это и не Миенино тоже. Да, она убила медведя и стала сильнее. Но дальше не сможет пойти никогда. Никогда не станет лучшей некроманткой.

Потому что человека она тоже убивала, и не было в Миениной жизни ничего более противоречащего её природе. Если бы не Уртан, вряд ли бы Миена смогла это когда-нибудь признать.

Но даже без этой последней ступени, она уже может многое. А графская резиденция и Остров Лиц — не те места, где без её умений не могли бы обойтись.

Но такие места есть.

Теперь следовало признать, что на этом их пути с девочкой расходились — к лучшему для них обеих.

Аряна бы, возможно, поняла её, однако Миена не стала проверять. Оставив подруге записку, она покинула особняк Трифа под покровом ночи, как раз накануне того дня, когда граф должен был вернуться. Миена плохо разбиралась в Вождях, но допускала, что если Вождь приказывает, то не повиноваться ему может быть сложно, практически невозможно. Да и сама по себе перспектива поехать в путешествие, чтобы совершать открытия, была чрезвычайно заманчива. Миена думала об этом, когда ещё не поздно было вернуться; сомнения донимали её всю долгую дорогу до Грома, которую некромантка преодолевала пешком, и свет от переносного фонаря в её неуверенной руке танцевал на стволах окрестных деревьев.

И вот, наконец, сомнения кончились. Здесь, сейчас, в одном из убежищ «Марги». Потому что все они в этой пещере были при смерти. Не только раненый Роис — все некроманты. Все эти воины, которые не должны были стать воинами.

Миена только сейчас до конца осознала, что привело её сюда на самом деле. Не ощущение собственной ненужности, не отсутствие иного выбора. Её сюда привело то же чувство, что заставило её спасти Аряну вместо того, чтобы отдать её жизнь Маромиру, то же чувство, что подтолкнуло её вырвать Вииса из рук стражников перед тем, как вбежать в Леоволок.

Убийства ловцов не выгатают их. И даже не отстрочат роковую развязку — это путь в никуда. «Марга» так ведёт свою борьбу только от страха, от озлобленности, от безысходности. И это неумелая борьба.

Но Миена знала, что делать. Ещё в особняке она задалась вопросом: как некромантке спасти всех некромантов и никого при этом не убить?

И при такой формулировке ответ пришёл сразу.

Что делает человек, который спасается? Он бежит. Он прячется туда, где его не найдут.

Вот и всё. А остальное — вопрос техники.

Пока Триген колдовал над раной Роиса, Миена подошла к Куртену.

— Я хочу собрать всех, кто в «Марге». Всех некромантов. Как мне это сделать?

***

— Хорошо всё-таки, что мы взяли лошадей, — заметил Миклад. Парень пребывал в несвойственном ему благодушии. — За пару дней из твоего Перелеса добрались. Даже за полтора...

Уртан молчал, изучая надломленные, ещё не начавшие засыхать стебли травы на склоне у реки. По этому склону кто-то совсем недавно спускался, не очень заботясь о том, чтобы

замести следы. Скоро, когда солнце ещё вышеподнимется над горизонтом, кто-нибудь из некромантов опомнится и придёт сюда, чтобы это сделать.

Но уже будет поздно.

— Оставим здесь? — спросил Миклад, кивая на свою кобылку.

— Оставим здесь, — эхом откликнулся Уртан. — Внизу, на камнях, толку от них немного. Видишь, какие там завалы? Да и не спустятся они туда.

Лошадей привязали к дереву недалеко от дороги. Потом, стараясь производить как можно меньше шума, спустились по склону. Здесь и ветер дул, и река шумела, неся свои волны к морю — однако ловцы знали, что лишняя предосторожность не помешает, особенно если имеешь дело с некромантами. По дороге сюда Миклад рассказал товарищу, что на убежища «Марги» выходили и до них, и что без боя маги не сдавались, неизменно забирая с собой жизни товарищей.

— По идее, мы не должны их убивать, — говорил парень, — только сопроводить в замок Бэр. А там уже допросы, заключения под стражу... Но если мы это сделаем, ничего нам не будет.

— Постараемся обойтись малой кровью, — сказал Уртан.

— Не перестарайся, — осклабился Миклад. — Наши, бывает, берут одного некроманта в заложники, чтобы другие позволили себя связать. Но это не всегда действительно, потому что взаимовыручка — не одно из их главных качеств. Иногда им просто плевать, что кому-то из их собратьев угрожают. А иногда они думают, что и нас смогут уделать, и пленника спасти. Но знаешь, что я тебе скажу? Они совсем не такие непобедимые, как про них говорят. Я лично так как-то раз в подобных обстоятельствах перерезал горло одному мужику из их шайки — и как видишь, жив...

Уртан не ответил на эти хвастливые заявления, но невольно задумался о том, сможет ли перерезать горло Миене, если та окажется в его руках.

И понял, что сможет. В конце концов, она первая решила убить его. Без жалости навела на него своих приятелей из «Марги» — а значит, он тоже никого не будет жалеть. В Приречье ходили байки, будто в лесных озёрах живут русалки, способные с необыкновенным умением и чувством выдавать себя за попавших в беду прекрасных девушек, чтобы потом, втёршись в доверие к незадачливым путникам, увести их за собой в омут. А Миена и на русалку-то не походила. Разве что глазами... немного. Почему он ей поверил? Почему не распознал её лживую натуру, когда она говорила ему своё последнее «спасибо» — там, у костра?

Больше Уртан таких ошибок не сделает. На войне никого не щадят — так она, кажется, говорила? И была совершенно права. Это относилось и к Уртану тоже, только тогда он этого не понял. На войне никого не щадят, и никому нельзя доверять. Враг — значит, враг. Врагов убивают не раздумывая, даже если те убедительно льют слёзы.

Некроманты превратились в диких животных, и уже плевать, по чьей вине. Они не могут договариваться с обычными людьми, не могут испытывать благодарность. Они не связаны ни с кем, кроме своей стаи, и почти ничем не дорожат... Уртану вспомнились летящие в костёр деревянные бутоны... Нет, не почти. Вообще ничем.

А значит, и поступать с ними нужно так, как с бешеными животными. Вистанские некроманты должны исчезнуть, потому что они опасны для обычных людей. Вот и всё.

Остальное — вопрос техники.

***

— Ты с ума сошла, — надменно заявила Кейна. Роис чувствовал себя вполне сносно, и она снова нацепила привычную маску. — То, что ты предлагаешь — это признание поражения. Во-первых, никто на это не пойдёт.

«Я обязательно убью кого-нибудь... непременно...» — вспомнила Миена.

— Кто не пойдёт — тот не пойдёт, — покладисто согласилась она. — Но я уверена, что большинству это всё тоже надоело. Люди устали от постоянной борьбы. Все захотят жить в спокойствии и безопасности.

— Во-вторых, — повысила голос Кейна, — куда ты собралась нас вести? В Вистании нет такого клочка земли, на котором мы могли бы все поместиться. Знаешь, сколько в стране некромантов? Более четырёхсот! Это только кажется, что немного, а прибавь к ним семьи, прибавь то, что каждому нужно жильё, а в перспективе — отдельное, и ты поймёшь, какая это прорва людей!

— Есть земля Зги, — сказала Миена.

Кейна фыркнула, присвистнул сидевший рядом Триген. Асвейта сердито цыкнуло на него: не хватало разбудить раненого! Роису соорудили лежанку у дальней стены, но в пещере голоса разносились далеко.

— Земля Зги — мёртвая земля, — покачал головой Гиур. Он уже более-менее пришёл в себя, но в разговоре участвовал вяло.

— А сфера? — спросила Миена. — Вы же говорили, что это огромный запас мощи. И его можно потратить как угодно...

Кейна так и вскинулась, зашипев, точно кошка:

— Сфера создавалась для сражений! Её мощь предназначена, чтобы уничтожить один большой город! Это будет равносильно победе! Особенно если этим городом будет Рикван...

— Ты думаешь, что когда уничтожишь Рикван, люди сразу полюбят некромантов? — спокойно спросила у неё Миена. — Это только убедит их в том, что с нами нужно расправиться!

— Миена права, — тихо сказала Асвейта. — Зло только порождает зло. Смерть порождает смерть. Кто-то должен уйти, отступить. Если есть возможность вместо смерти выбрать жизнь, то почему нет?

— Потому что мы некроманты, — огрызнулась Кейна. — Нам со смертью проще иметь дело, чем с жизнью.

— Никто ведь не говорит, что правильный путь должен быть простым, — заметила Асвейта.

— Мощи сферы действительно хватит, чтобы возродить Землю Зги... — задумчиво произнёс Куртен. — И, пожалуй, останется на то, чтобы защитить её от вторжения. Должен признаться, мне нравится эта идея...

— А мне не нравится, — сказала Кейна. — Я за то, чтобы продолжать убивать ловцов. Однажды власти поймут, что мы им не по зубам, и отступят. Они отступят, не мы!

— На моей памяти, ты сама ещё никого не убила, — заметил Гиур.

Кейна поморщилась, но промолчала.

— Противостояние может затянуться на годы, — сказал Куртен. — Так, как было раньше, уже никогда не будет — мы только подтверждаем свою роль кровожадных убийц. Так что... я поддерживаю идею Миены. Только вот собрать всех будет непросто. У «Марги» около пятнадцати убежищ по всей Вистании, но некроманты не сидят в них безвылазно.

— Можно бросить клич, — сказал Триген, нахмурившись. — Обряд связи никто не

отменял. Кто на местах — тот услышит, а остальные подтянутся. В конце концов, можно обойтись простыми записками. Оставить проходы открытыми — ведь некому будет задавать вопрос о добре...

— Ладно, допустим. — Кейна нетерпеливо мотнула головой. — Вижу, что я пока в меньшинстве. До Земли Зги более двух дней пути — если, конечно, мы хотим периодически есть и спать. Отбросим вариант с порталом — на него потребуется много времени и сил, и неизвестно, пройдёт ли через него сфера. Надо как следует запастись продуктами, документами, какими-нибудь мышами — потому что велика вероятность, что мимо проходящий ловец или полицейский нас прихватит, и нужно будет колдовать...

Куртен усмехнулся:

— Узнаю старую добрую Кейну! Когда дело доходит до практических вопросов, тебе просто нет равных.

Кейна невесело хмыкнула, хотя, судя по выражению её лица, она была польщена.

Сердце Миены забилось чаще. Неужели у неё получилось? Неужели её послушались? Неужели она сможет всех спасти?

И в этот самый момент раздался знакомый щелчок.

Куртен подошёл к камню с тёмным пятном.

— Вы несёте добро? — спросил он.

— Добро, — коротко отозвались с другой стороны.

Миена вздрогнула и удивлённо распахнула глаза. Остальные некроманты мрачно переглянулись.

Куртен придавил пятно другим камнем, чтобы перекрыть доступ звуку.

— Они не должны сюда прорваться, но на всякий случай, поищите какую-нибудь живность, — распорядился он. — Вполне возможно, нам потребуются силы для открытия портала. Никогда не знаешь, какие ещё амулеты они придумают. А защита здесь, по правде говоря, хлипковата.

— Подождите, я знаю этого человека, — сказала Миена. — Это бывший ловец. Он очень помог мне недавно...

— Ловец помог? — скептически переспросила Кейна.

— Я же говорю: бывший, — терпеливо повторила Миена. — Он ничего нам не сделает. По крайней мере, сходу нападать точно не будет. Он очень толковый и... — она немного смутилась. — ...и добрый. Хотя по внешнему виду не скажешь...

— Я бы тебе поверил, — проговорил Куртен, — но он там не один. Даже если он сам не был настроен враждебно, про ваше общение вполне могли узнать другие ловцы, взять его в заложники и...

— Или он не бывший, — сказала вдруг Кейна, отводя взгляд. — И пришёл по нашим следам.

— По каким «нашим следам»? — нахмурился Куртен.

— Я... я почти не заметала следы. Не до того было.

— Ты дура, что ли?! — Обычно сдержанный, Триген вскочил на ноги. Он больше удивлялся, чем возмущался, но всё равно вышло достаточно громко, и на своей лежанке заворочался Роис.

Кейна, по-прежнему стараясь ни на кого не смотреть, поспешила к нему.

Миена сидела, недоумённо сдвинув брови. Да нет, не может быть, чтобы Уртан всё-таки пошёл против некромантов. Если, конечно... если, конечно, его не вынудили.

Ещё не зная, в чём дело, она почувствовала себя преданной. Хоть и понимала, что оснований для этого нет. Но, если коллеги-некроманты были правы, и Уртан действительно вернулся на путь ловца, эмоции — последнее, что ей сейчас требовалось.

— Давайте тогда искать, — глухо сказала она. — И притащите амулеты — все, которые тут у вас есть. Если это действительно Уртан... так его зовут — Уртан... так вот, если это действительно он, и если он сможет сюда пройти — я боюсь, без магии у нас будет немного шансов.

Некроманты поверили ей без лишних вопросов и засуетились в поисках возможных источников силы. Даже проснувшийся Роис, которого под здоровую руку поддерживала Кейна, оглядывался по сторонам. Сама Миена, взобравшись по уступам к самому большому отверстию в потолке пещерного зала, вглядывалась в каменистую землю в поисках хоть какого-нибудь насекомого.

В этот момент послышался грохот упавших камней. Не в зале, а где-то в глубине пещерных ходов, ведущих к реке.

— Они прорвались, — быстро сказал Куртен, оттесняя Асвейту к жертвеннику. — Ребята, сюда. Триген... Миена, слезай оттуда! Придётся пробовать... хоть и со сферой...

— Мы слишком рискуем! — нервничала Кейна. — К тому же я не успела никого найти...

Миена уже слезала на пол, осторожно, помогая себя одной рукой. В ладони другой неприятно копошился большой жук. Спустившись, она быстро огляделась, пытаясь вспомнить, куда положила сумку.

— Неважно, сил должно хватить! — Гиур уже был рядом с Куртеном, вычерчивал на жертвеннике круг. — Спасибо Асвейте, у нас есть немаленькая и пока живая щука... Лучше в портал, чем в уху...

— Я за сферой! — Триген бросился к шару.

— Несите все жертвы сюда, берите с собой всё самое необходимое, что можно было бы прижать к себе во время перехода, — распорядился Куртен, зажигая свечи. Небольшая котомка с вещами — видимо, для похожих случаев — уже стояла рядом с ним. — Я не знаю, получится ли сразу добраться до Зги, но куда-нибудь поблизости — наверняка...

Миена понимающе кивнула. Чем неопределённее цель, тем сложнее выстроить к ней портал. Да и вообще обряд очень непростой. У некроманта для таких случаев должна быть договорённость с каким-то маромирским жителем, который по завершению обряда сам переправится на нужный берег, а прежде присмотрит за выходом, чтобы никто больше не сунулся в Явомир, пока догорают свечи. У Куртена, очевидно, такой знакомец был.

Крепко прижимая к себе сумку, Миена поспешила к жертвеннику. Асвейта и Гиур уже были там, Кейна с Роисом — уже почти... Триген оказался дальше всех, и теперь бежал со светящейся сферой в руках.

Куртен произнёс «тур гураху» как раз в тот момент, когда Уртан и какой-то темноволосый парень с арбалетом в руках оказались в зале.

— Далеко собрались, ребята? — спросил парень. Он, очевидно, слышал обрывок их разговора и сделал верные выводы. А может, раньше уже наблюдал подобный обряд.

Миена поймала взгляд Уртана. Тот молча смотрел в ответ, и лицо его было непроницаемо.

— А вы? — не добежавший до портала Триген встал между жертвенником и незваными гостями, выставив перед собой сферу. Он был единственным, кто не успел добраться до

места. — Лучше не приближайтесь!

Он спиной начал отходить к portalу. Миена, по-прежнему смотревшая на Уртана, не двигалась, пока Куртен насильно не втянул её в нарисованный круг. Для человека, который только что приплыл с маромирского берега, он действовал быстро и чётко. Наверное, сказывалась практика. Краем глаза девушка заметила неподвижно стоявшее на краю жертвенника существо — высокое и лохматое. Только что вошедшие люди это существо видеть не могли — к сожалению, иначе, возможно, их решимость поколебалась бы.

— Мы только что разбили якобы мощнейшую защиту этого осинового гнезда, — протянул парень. — А ты в меня тычешь какой-то светящейся штукой?

Ловец поднял заряженный арбалет и выстрелил. Асвейта и Кейна вскрикнули, Миена только резко вдохнула, будто оцепенев. Тригена, чудом удержавшего и при этом уберёгшего сферу, отбросило на жертвенник, и здесь, на этой перемышке миров, некромантка почувствовала, как смерть крепко вцепляется в её однокурсника, чтобы уже не отпускать. С Аряной было так же — там, в лесу... Но Аряну удалось спасти. Здесь же времени явно оставалось слишком мало: арбалетный болт торчал у Тригена из груди. Миена сразу поняла, что даже если у неё вдруг появится возможность — она не успеет...

Гиур, не растерявшись, быстро втащил Тригена в круг.

— Тарвистру, — произнёс Куртен.

И в тот же момент Миена почувствовала, как пол резко ушёл из-под её ног. Она бы закричала, но тело словно сковало невидимыми железными обручами: ни двинуться, ни вдохнуть. Если бы она знала, что порталы так работают, то никогда бы...

Додумать мысль девушка не успела. Маромирская сила, призванная Куртеном, вытолкнула её куда-то вверх — так же резко, как до этого влекла вниз — и Миена ощутила себя лежащей на мягкой, поросшей травой земле. Воздуху не хватало, в глазах было темно, и первое время Миена ничего не видела и не понимала: все её силы были потрачены на то, чтобы попытаться вдохнуть. В Пороге ей тоже доводилось путешествовать через некромантский портал; ощущения были те же, но преподаватель тогда сказал, что это только в первый раз так, дальше легче будет. Обманул, получается...

Когда Миена, наконец, приняла сидячее положение, то увидела только деревья в отдалении да лежавшую неподалёку сферу. При дневном свете этот мощнейший артефакт смотрелся неказисто и был похож на пустой стеклянный шар. Лишь иногда глаз мог уловить отблески вихрившихся внутри сил.

— Получилось?.. — слышала Миена слабый голос, который тут же сменился хрипловатым кашлем.

Она резко развернулась и увидела лежавшего на земле Тригена, в лице которого не было ни кровинки.

— Получилось, — сказал Куртен, который сидел рядом с парнем, поддерживая его за плечи. Остальные замерли в некотором отдалении, не решаясь не то, что приблизиться — даже пошевелиться. Смерть была ощущаема в воздухе и, казалось, даже приглушала шёпот травы на лугу, куда их выкинул портал. — Мы возле Зги.

Он говорил неправду. Ничего, похожего на мёртвую землю в округе не было. Разве что за деревьями... но что-то подсказывало Миене, что всплеск энергий, когда смертельно раненый (пусть и не некромантом) Триген влетел на жертвенник, искажил портал, даже если тот получилось настроить точно. И значит, до Земли Зги ещё предстояло добраться... Но только не Тригену.

— А... сфера? — волновался Триген, пытаясь повернуть голову. — Я её выронил...

Миена подняла сферу, неожиданно тёплую на ощупь, несмотря на то, что скопленная там сила была собрана благодаря Маромиру, и, пошатываясь, подошла к Тригену. Села — а вернее, плюхнулась — рядом, по другую от Куртена сторону. Подняла шар, чтобы умирающий смог его увидеть.

— Сфера здесь. — Некромантка сама поразилась тому, как спокойно, почти буднично звучит её голос. — Видишь, с ней ничего не случилось. Теперь всё будет хорошо.

Триген дёрнул уголком губы, намечая улыбку, и хотел было снова что-то сказать, но закашлялся. Из рта поползла струйка крови.

И больше они не услышали от него ни единого слова.

— Встретимся на Большом Берегу, дружок, — сказал Куртен пару минут спустя, когда глаза Тригена закрылись навсегда.

Миена невольно прижала к себе сферу, словно надеясь с её помощью избавиться от пробравшегося в сердце озноба.

Не получилось, конечно.

Тригена похоронили на том же самом безымянном лугу. Если бы не случайно найденная Кейной лягушка, на церемонию погребения ушло бы больше времени, и вряд ли бы удалось управиться до темноты. А так наскоро сплетённая из ивовых веточек паутинка — бесполезное пожелание душе умершего найти место поуютнее Маромира — воткнулась в свежий холмик уже на закате.

Кейна с момента смерти Тригена не говорила ни слова, за исключением коротких заклинаний на марском языке — могилу вырыла именно она. Миена присела рядом, сказала: — Он был последним. Больше никто не умрёт на этой войне.

Кейна подняла голову, пристально посмотрела на неё из-под чёлки — и кивнула.

Потом подошёл Роис. Рука ещё плохо его слушалась, и это было заметно даже при ходьбе — он ею практически не шевелил, и она висела плетью. Но с таким ранением, даже при вмешательстве магии, могло быть гораздо хуже.

Миена деликатно отошла, но успела услышать, как Роис сказал:

— Ты ни в чём не виновата.

Соврал, конечно же. Однако Кейне, наверное, нужно было услышать эту ложь.

Все они потихоньку, понемножку приходили в себя, собирали себя — и заодно осматривались по сторонам. Гиур и Роис сходили на небольшую разведку, но не нашли ни признаков человеческого жилья, ни признаков Земли Зги. Когда ребята вернулись, уже сгустились сумерки.

— Устроимся на ночлег, — решил Куртен. — Нам всем нужно набраться сил. Завтра проведём обряд и выясним, в какую сторону идти.

Стоянку устроили на противоположном конце луга, возле небольшого ельничка, где можно было наломать лапника для лежанок. Есть никто особо не хотел, но Куртен достал из своей котомки несколько хлебных лепёшек и раздал спутникам, не слушая возражений: подкрепиться было необходимо. Он же настоял на том, чтобы развести костёр и дежурить у него по очереди до самого утра.

— Ловцы могли нас слышать, — объяснил он, — и тоже пойти к Зги. Мы далеко не всё тут посмотрели и можем находиться ближе к цели, чем нам кажется.

— Они всё равно не успели бы за такое короткое время, — покачал головой Гиур.

— Но могут успеть, если, в отличие от нас, не будут спать этой ночью. Так что лишняя предосторожность не помешает.

Куртен вызвался быть первым часовым, остальные же стали укладываться на ночлег. Миена легла спиной к огню, положив под голову сумку с вещами. Несмотря на усталость, сна не было ни в одном глазу. Темнота за деревьями как будто наполнилась неясными силуэтами, но стоило взглянуть в неё, как становилось понятно, что это всего лишь обман зрения. И что на самом деле ничего там не было и нет...

Не было и нет... Как нет и девяти лет, что прошли с тех пор, как Миена решила пойти в некромантки. Казалось, вся её жизнь до этой точки, чёрной, как ночь, и жаркой, как костёр — была не взаправду. Она не считается, эта жизнь. Истинно лишь то, что есть сейчас.

Миена вспомнила, как она сидела в чулане, куда заперла её мать, с замиранием сердца слушала копошение крыс у непрогрызаемого бочонка с соленьями и думала: всё правильно. Теперь не должно быть легко. Она и не заслужила, чтобы было легко. Что поделать? Мама

не понимает, что всё это для её же блага, для блага их семьи. И боится, конечно. Ведь это страшно — отдать своего ребёнка в Порог, пусть даже виноватого. Но Миена была уверена: некромантия не может быть страшнее того, что случилось.

Во всех деревенских школах занятия начинались после сбора урожая, то есть когда осень уже давно вступила в свои права. Но Миена знала, что магические школы начинают работать гораздо раньше, в первый день Яблока — месяца, когда на яблонях созревают первые плоды. А до этого ещё надо пройти проверку на магический дар и доказать, что знаешь грамоту и элементарный счёт. Насчёт дара Миена уверена не была, хотя однажды сумела поднять в воздух поваленный ствол дерева, перегородивший ручей, сама не понимая, как это сделала. К тому же в их роду была шептунья, черпавшая силу из горящего огня — мама помнила, как прабабка гадала при лучине деревенским девкам на суженых.

Но Миена хотела не этого. Она хотела быть самой сильной.

Когда брат в праздник Середины Лета вытащил её за косу к вязанке хвороста, которую ещё не успели поджечь в честь праздника, и перед всей деревней объявил, что Миена собралась уйти в школу некромантов, стало ещё сложнее. Ведь он вдобавок попросил о помощи неравнодушных — а неравнодушными оказались все. Незаметно уйти в Тиугар стало мероприятием практически невозможным, учитывая, что все теперь следили за ней, и это не говоря о том, что на Миену отовсюду сыпались колкие реплики.

Но она справилась. Она договорилась с местным торговцем, чтобы подвёз до города, прекрасно зная, что тот её сдаст — а сама ушла на несколько дней раньше, в ночь. Пешком. Если бы Миену не приняли в Порог, по возвращении её бы ждал не просто прохладный приём — она бы окончательно стала изгоем в деревне, а то и во всём Приречье. Однако её приняли — и начались новые испытания, которые девушка прежде и вообразить себе не могла. Но знание, что всё это необходимо, удерживало её на плаву. А теперь... что осталось у неё теперь?

Тёмная ночь и костёр, жарко дышащий в спину. И люди, которым она оказалась нужнее, чем собственным родным. К порогу снова подбирался яблочный месяц, и Миена знала, что в этот раз, как и тогда, он совпадёт с началом её новой жизни. Свободной жизни. Закончится время жертв. Закончится долгое путешествие, начавшееся прошлой зимой. И вроде бы — вопреки всем сказкам — оно закончится хорошо. Ведь на сей раз ей не в чем себя винить...

Лесная темнота смотрела на неё бесстрастно и пристально, как совсем недавно смотрел Уртан в пещере, где его приятель убил Тригена.

***

Обряд, проведённый Гиуром на следующее утро, указал направление, но пробираться по незнакомому лесу было тем ещё испытанием. Это отнимало и время, и силы, а Земли Зги по-прежнему видно не было. Пришлось провести в лесу ещё одну ночь, потом снова преодолевать бездорожье — и лишь во второй половине следующего дня беглецы обнаружили себя на опушке леса, с которой открывался вид на искомую пустошь. К тому времени, правда, близость Земли Зги уже не была сюрпризом — та задолго до своего появления выдала себя запахом. Гарь, горечь, тление и что-то ещё неопределяемое, но такое же мерзкое — вонь долетала до нюха путников с каждым порывом ветра.

А потом это появилось на горизонте — необъятный, на первый взгляд, клочок земли, который тоже когда-то был лесом, а теперь представлял собой пространство, то ли засыпанное странным серо-сизым пеплом, то ли залитое чем-то того же цвета. Изредка над этим огромным кладбищем возвышались чёрные обугленные стволы. Наверное, когда-то они

были самыми крепкими деревьями Леса Зги... Того, кто захочет узнать, насколько мощной может быть некромантская магия, следует водить сюда на экскурсии. Но смотреть на это нужно только издалека — даже с того места, где стояли некроманты, ощущалась смерть, витавшая над пустырём. Смерть, готовая наброситься на каждого, кто посмеет приблизиться.

— Ничего, — негромко проговорила Кейна и облизнула пересохшие губы — вид Земли Зги внушал ей ужас. — Сфера справится.

Роис, который нёс сферу здоровой рукой, согласно угукнул. Солнце уже подползло к западу, однако сумерки ещё не наступили, и прозрачный шар выглядел просто прозрачным шаром, как и всегда на свету. Но ни у кого не было сомнений, что он поможет.

Миена уже знала, как это будет. Ей объяснили, что сферу нужно разбить, а потом объединёнными усилиями нескольких магов направить её силу на очищение и возрождение земли. Жертва понадобится только для первого действия, и то будет достаточно лишь нескольких капель крови. Звучало всё довольно просто, и Миена понимала, что все сложности были преодолены, пока создавался этот гремучий волшебный шар — но страх всё равно то и дело напоминал о себе, пробегал холодными лапками по позвоночнику. Какое-то время им всем придётся просуществовать рядом с этой гиблой землёй, пока разбивается сфера, пока творится заклинание — хватит ли времени?..

Куртен двинулся первым. За ним сразу — Асвейта. Кейна, забравшая у Роиса сферу, и сам Роис. Потом Гиур. Миена, заставив себя больше не думать о том, что всё может пойти не по плану, сделала шаг к Земле Зги последней.

Если бы в конце этой цепочки некромантов оказался кто-то другой, у него бы не осталось шансов.

У Миены их тоже было немного. Но человек, который в следующее мгновение схватил девушку сзади и приставил к её горлу кинжал, уже не однажды ей помог.

— Ну-ка, остановились все, — услышала Миена голос Уртана над своим ухом. — Остановились и медленно отдали эту штуку Микладу. Для начала.

Миена вжалась затылком в его грудь, словно бы это могло отодвинуть смертоносное лезвие, но преуспела лишь в том, чтобы получить на шее неглубокий, но тут же закровоточивший порез.

— Тихо стой, — велел ей Уртан, и его холодный голос был ещё неприятнее прикосновения кинжала к коже.

— Давайте-давайте! — поторопил тем временем Миклад застывших напротив них некромантов. — Вы же не хотите, чтобы ваша подружка умерла, правда?

— Нет, — попросила Миена, зная, что если ребята послушаются, последние их шансы на спокойную жизнь будут утеряны. — Не отдавайте. Не надо.

Куртен был в замешательстве, но Миена видела, что он вот-вот велит Кейне отдать сферу. Даже если он больше других понимает, что не спасёт тем самым Миену, он попросту не сможет не попытаться.

— «Не отдавайте, не надо», — передразнил её Миклад. — Кто-то очень хочет умереть. Мы знаем, с кем мы имеем дело, поэтому не думайте, что будут какие-то поблажки. Она останется в живых только в том случае, если вы отдадите нам этот шар.

— И что вы с ним будете делать? — едко поинтересовался Роис. — Повесите в Замке Бэр в качестве светильника?

— Это не оружие, — сдавленно произнесла Миена. — Эта сфера возродит Землю Зги... Пожалуйста, Уртан...

— Замолчи, — сказал ловец. — Мне нет никакого дела до вашей сферы.

— Ты ведь меня не убьёшь, — прошептала она. — Если бы хотел, убил бы раньше.

— Раньше меня не хотела убить ты.

— Что?.. Я не...

— Я жду, — сказал Миклад. — Для того, чтобы вам быстрее думалось, я сосчитаю до пяти. И если на цифре «пять» сфера не будет у меня в руках, Уртан перережет ей горло. Ты ведь это сделаешь, Уртан?

— Сделаю.

Миена закрыла глаза.

Это какая-то ошибка. Какая-то чудовищная ошибка.

— Кейна... — нерешительно проговорил Куртен.

— Не смей. — Миена снова распахнула глаза. — Не надо. Это будет конец... Подождите. Все подождите. Давайте поговорим сначала...

Миклад повернулся к ней, и на лице юноши отразилась такая ненависть, что некромантка ощутила её почти физически.

— Мы не ведём переговоров с монстрами.

— Мы не монстры, — сказала ему Миена. — Мы люди. Отпустите нас, пожалуйста. Мы никому не причиним вреда.

Миклад скривился:

— И это говорит человек, который навёл своих дружков на Уртана, чтобы те его прикончили!

— Чего? — вытаращилась Кейна.

В этот момент все посмотрели на неё. Девушка стояла, не двигаясь, и сфера по-прежнему была у неё в руках. До этого выражение её лица можно было назвать растерянным, однако сейчас она взяла себя в руки и чуть подняла подбородок.

— Ах, да, это же была ты, — припомнил Миклад. — Я видел тебя там, в Перелесе. И голос твой помню.

— Да, это была я, — буркнула Кейна. — И я была готова отправить этого ублюдка в Маромир, как и всякого ловца.

При слове «ублюдок» Асвейта едва заметно дёрнулась, а Роис, не сводивший яростного взгляда с Миклада, чуть сжал девушке локоть, словно это могло её смягчить. Хотя и сам понимал, что это бесполезно — Кейна не принадлежала к тем людям, которых можно легко успокоить таким способом.

— Но, чтобы вам было известно, — продолжала она, сердито дёрнув рукой, — Миена не имела к этому никакого отношения. Его убежище в Перелесе нашли наши люди, из «Марги». Забрались в дом, для проверки, и обнаружили там куртку ловца. Правда, действовали не очень профессионально, но один из них новичок, да к тому же оклеговец. Недавно стал на нас работать. Рыжий такой... Ему в Явомире пришлось слишком тяжело, хоть он и провёл у нас на тот момент всего несколько дней, а в «Марге» хорошо платят исполнителям, особенно не-магам.

«Виис», — поняла Миена, и горечь осознания на миг вытеснила все прочие, присущие ситуации, чувства. Значит, для этого она спасла оклегонца — чтобы он за деньги забирался в чужие дома?..

— Но вы же тогда сказали, что она якобы оказалась «не бесполезной», — угрюмо произнёс тем временем Уртан. Миена почувствовала, что его хватка слегка ослабла.

Кейна пожалала плечами:

— Мы использовали её кровь для амулета, которым тебя обездвижили.

Она старательно отводила взгляд от пленённой некромантки. И, что характерно, Роис тоже.

— Миена об этом не знала... — тихо сказал он, однако все его слышали. В том числе Уртан.

Однако Миклад был непреклонен.

— Это ничего не меняет! — заявил он.

«Нет, это меняет многое», — поняла Миена. Потому что в этот самый момент Уртан опустил кинжал.

И тут произошло сразу несколько событий. Миена только успела увидеть, как в её сторону бежит Гиур; бежит невероятно быстро, словно бы специальное заклинание произнёс — хотя он ни за что бы не успел. Но не видела, как поворачивается Миклад, поднимая арбалет, не видела, как срывается с места Куртен. Потому что девушку внезапно развернуло на месте, спиной ко всему происходящему; она упала на колени, едва не ткнувшись лицом в траву, что-то навалилось сверху, и над ухом послышался сдавленный возглас.

— Ты что, сдур... — крикнул было Миклад, но последнее слово осталось не произнесённым.

Тяжесть, что давила на Миену, исчезла. Девушка плюхнулась в траву и нервно огляделась, переводя дух и пытаясь успокоить колотящееся сердце. Она увидела рядом с собой скособоченного, свалившегося на одно колено Уртана со склонённой головой, и валявшийся в траве кинжал с её кровью на лезвии; увидела растерянного Гиура в паре шагов от них, чуть дальше — Куртена с арбалетом в руках, а потом и всех остальных. А слегка высунувшись из-за Уртана, Миена смогла разглядеть и Миклада, лежавшего на земле.

Гиур подошёл ближе.

— Ну и что это было? — хмуро спросил он у ловца. — Если бы ты не вздумал на неё напрыгивать, я бы не остановился, и болт бы попал в меня.

— Он стрелял на опережение, — сквозь зубы проговорил Уртан, и Миена только сейчас слышала, как тяжело он дышит, да ещё с присвистом. — Но я не знал, в тебя он будет стрелять, или в неё.

— А её зачем... — начал Гиур.

— Не знаю, — отрезал ловец. — Вернее, знаю. Я ошибся. Перед этим.

Миена встала на ноги и беззвучно ахнула. Из спины Уртана торчала короткая арбалетная стрела.

Подошли и Кейна с Роисом. На лице первой был испуг, на лице второго — острое желание добить ловца. Единственным, что удерживало его от этого шага, было осознание, что этот человек закрыл собой Миену, то есть действовал на их стороне.

— И что мы будем с ним делать? — хмуро поинтересовался он, так и не придя самостоятельно ни к какому выводу.

— Нужно ему помочь. — На непослушных ногах Миена подошла к ловцу и села рядом с ним. У неё ощутимо дрожали руки. Болт попал под правую лопатку, и это слишком жутко выглядело, чтобы можно было утверждать что-либо оптимистичное.

— Миена, ты же чувствуешь, — произнесла Кейна с неожиданной для неё мягкостью.

И тут, со всевозрастающей паникой, некромантка поняла, что действительно чувствует. Маромир уже опутал Уртана знакомой паутиной — и не собирался выпускать.

— Мы должны ему помочь, — упрямо повторила девушка. — Я найду медведя, или лося, или даже займу жизнь, я уже так делала...

— Здесь нет жертвенника, — сказал Куртен. — И времени тоже нет. К сожалению.

Миена кинула затравленный взгляд на сферу, и Кейна, заметив его, инстинктивно отступила назад.

Конечно, сила в этом шаре не была предназначена для того, чтобы спасти от смерти ловцов.

Миена опустила голову, словно смирившись с неизбежностью — хотя, на самом деле, именно в этот момент некромантка преисполнилась решимости сделать то, чего ей могли бы никогда не простить.

Но она не могла, не могла иначе. Этот человек должен был выжить. Может быть, он даже не хотел этого — Миена не исключала, что Уртан был бы не прочь отправиться в Маромир к своей невесте — но допустить его гибель было немыслимо для неё. И пускай даже Куртен, который всегда нацелен всех спасти, опустил руки. Её это не остановит.

В голову некстати прокралось воспоминание о Виисе, но Миена отогнала его. Это был выбор Вииса — сдаться и снова стать преступником. Так же, как выбором Аряны стало изучение звёзд над далёким островом. Две разные дороги, за которые Миена не несла ответственности. Её заслугой было лишь то, что она дала обоим возможность на эти дороги ступить.

Уртан дал такую же возможность ей — когда не стал охотиться на неё, когда помог ей в Громе. И сейчас тоже. Может, у них судьба такая — открывать друг другу путь. А может, нет.

Как бы там ни было, Миена знала, что обязана поставить всё на кон — ради того, чтобы он жил. Она также знала, что это не жертва во имя мифического долга, как было в случае с родителями, что она поступает так не из жалости, как было с Аряной и Виисом.

Ей просто очень не хотелось, чтобы он умирал. Настолько не хотелось, что она была готова заплатить любую цену. Может быть, даже ту, которую он только что заплатил за неё.

— Оставь. — Уртан словно почувствовал Миенин настрой. — Всё кончено. Я не рассчитывал, что всё получится именно так, но... честно говоря, я вообще ничего не рассчитывал. Вам ведь нужна жертва? Сделайте меня жертвой. Если вы говорите, что хотите возродить Землю Зги — я не против, чтобы моя кровь послужила этому... Только позаботьтесь о Микладе, когда он очнётся... Объясните, что он ни в чём не виноват...

Жертва им была не нужна. Но никто из некромантов не проронил ни слова.

Наконец Миена сказала:

— Хорошо. Мы достанем стрелу, чтобы разбить сферу. Для этого нам как раз нужно немного крови. А потом ты увидишь... увидишь, что она сможет сделать.

Девушка посмотрела на Гиура, которому было удобнее всего извлечь арбалетный болт. Тот опустил глаза, будто смутившись.

— Это будет быстро, — сказал он и оглядел опушку в поисках какого-нибудь нерасторопного насекомого. — Я воспользуюсь заклинанием...

Уртан прикрыл глаза. Зажмурилась и Кейна — что не укрылось от внимания Миены. Она стиснула зубы.

Шанс будет только один.

Наконец, пальцы Гиура сомкнулись, убивая найденную букашку и отдавая Маромиру толику энергии, потом дёрнулся болт, чтобы стремительно перелететь в свободную ладонь

некроманта...

Ещё прежде, чем Уртан повалился на землю, Миена схватила валявшийся возле неё кинжал. Её кровь на лезвии ещё не успела засохнуть — вот и отлично. Вперёд!

И Миена со всех ног бросилась к Кейне. Ни протестующий возглас Куртена, ни движение слишком медлительного Роиса не остановили её. Они не успели.

А она успела.

Окровавленное лезвие воткнулось в сферу одновременно с коротким марским приказом. Всё случилось удивительно, неожиданно легко. Держа рукоятку кинжала стремительно холодеющими пальцами, Миена успела увидеть россыпь хрустальных трещин на стекле, прежде чем сфера разлетелась вдребезги, и стремительный холодный вихрь, дувший одновременно во все стороны, едва не сбил её с ног. С криком отшатнулась Кейна, выругался Роис. Куртен, выронив арбалет и пытаясь заслонить слезившиеся глаза, крикнул:

— Заклинание! Как собирались! Оба заклинания!

Первое слово он произнёс один, но уже на втором к нему подключились и Кейна, и Роис, и Гиур.

Миена же, повернувшись к лежавшему на земле Уртану, стала проговаривать совсем другие слова. Нет, Куртен, с его прекрасной реакцией, не поможет; среди них Кейна, которая никого не убивала, и ещё не окончательно поправившийся Роис. А она, Миена, не зря становилась сильнее всё это время. Она перетянет на себя мощь сферы, и плевать, что её коллеги с ней потом сделают. Она перетянет... она сможет...

Ощущения были такие, будто ледяной ветер из шара наполнил её до краёв, потёк по венам вместо крови. В теле Миены забурлила такая бешеная энергия, что, казалось, шевельнёшься — и тебя разорвёт на клочки. Но Миена всё-таки шевельнулась — вытянула руки, направляя всю силу на человека, лежавшего ничком в двух шагах от неё. Туда, туда, где блестит от крови ткань куртки... На мгновение ей показалось, будто она видит изумрудное небо над головой и редкие звёзды, и кого-то на другом берегу озера — огромного, рассерженного, сильного... Но сегодня она была сильнее. Сегодня она была сильнее всех.

Когда всё закончилось и ураган стих, она опустилась на землю. Уртан со стоном перекатился на бок, потом повисла тишина.

— Кажется, получилось... — произнёс, наконец, Роис.

— Там ничего нет, — буркнула Кейна. — Голая земля, без единой травинки... Сволочь!

Она двинулась было к Миене с перекошенным от гнева лицом, но Роис удержал её здоровой рукой:

— Тихо, тихо... Там ничего и не может расти.

Земля действительно была голой, как весной после только что сошедшего снега. Даже хуже: весной можно увидеть прошлогоднюю траву, здесь же не было ничего. Но и пепла тоже не было — и это внушало надежду.

— Ты её защищаешь? — накинулась на парня Кейна. — После всего, что она сделала?!

— Она спасла человека, — устало заметил Куртен, подходя к ним. — И Роис прав. Сейчас там ничего и не может расти. Но весной... Весной вылезет трава, зазеленеют деревья... Которые мы посадим. Мы позовём других некромантов: они оставят свои убежища, напишут записки — тем, кто не услышит... как предлагал Триген... Мы построим дома...

— Но ты же говорил, что всё это появится само собой! — крикнула Кейна.

— Я предполагал. Я оказался неправ...

— Ничего подобного, — отрезала Кейна. — У нас бы всё получилось. Если бы она не перетянула силу! А защита? Второе заклинание сработало или нет? Какой нам смысл в земле, которая не защищена от прихвостней Арбеса?

— Частично сработало, — кивнул Куртен. — Правда, защита начинается отсюда, с опушки. И мне кажется, есть и другие слабые места... нужно будет перекрыть... Но я считаю, что немного усилий стоит одной человеческой жизни.

— Стоит, — тихо подтвердила Асвейта.

— Но хорошо бы предупреждать о таких вещах, — буркнул Гиур. — Хотя в целом... ладно. Работать так работать. Я согласен с таким поворотом.

— Я тоже! — каркнул Уртан, который уже принял сидячее положение и теперь не без интереса слушал разговор некромантов.

Куртен хмыкнул. Миена слабо улыбнулась.

Если путешествие начинается зимой, у него мало шансов закончиться хорошо.

Но только не в тех историях, которые будут рассказывать на Земле Зги.

***

Миклад ушёл почти сразу. Даже не принял лекарство от головной боли, которое предлагал ему запасливый Куртен. Миена и Уртан, стоявшие у невидимой защитной линии, видели, как парень отвязывает коней вдалеке. На этих самых конях, по прямой дороге, ловцы, слышавшие разговор некромантов в пещере, и приехали сюда.

— Он вернётся с подкреплением, — уверенно сказал Уртан.

— Мы успеем, — отозвалась Миена. — У нас есть время усилить защиту. Да даже сейчас, если они явятся всем скопом, возможность проникнуть сюда будет лишь у него одного. Потому что он был здесь, когда накладывали заклинание. Остальные не смогут.

— Хорошо, если так. Миклад очень разозлён. И чувствует себя преданным. Некроманты убили его мать во время одной из стычек, и с тех пор он всех некромантов считает чудовищами. Разубедить его уже ничто не сможет.

Миена покосилась на него. Уртан слегка шурился от закатного солнца, глядя, как Миклад скрывается среди деревьев на одном коне, не выпуская из руки повода второго. Но в остальном его лицо было спокойно.

— Ты точно не жалеешь, что не пошёл с ним?

Бывший ловец повернул голову и внимательно поглядел на девушку.

— Мне нечего там делать, Миена.

— А здесь? Что ты будешь делать здесь?

— Здесь я буду помогать вам. Мне бы хотелось делать что-то полезное... И всё-таки, почему ты так рисковала ради того, чтобы спасти меня?

— Не люблю быть в долгу.

Миена сообразила вдруг, что ответ не самый удачный, учитывая погибшую Кантею, и отвела глаза — якобы просто для того, чтобы увидеть, как вернувшийся с хворостом Гиур разводит костёр на голой, но исцелённой земле. По эту сторону барьера остались только он и Асвейта, ну и Миена с Уртаном — остальные разбрелись по лесу в попытках найти что-либо съестное.

— Нас ждёт очень сложная осень, — произнесла Миена. — И ещё более сложная зима. Холод, отсутствие элементарных удобств, опасные вылазки за тем, чего у нас нет — а это почти всё. Тебя это не пугает?

— Отнюдь. Я успел пожить во всяких условиях. Давно, ещё до того, как я стал

лодочником, я гонял плоты по Вее, и мог сутками обходиться без еды. И ничего, живой, как видишь.

Губы Миены расплылись в улыбке. Она снова обернулась к Уртану.

— Ты работал на Вее плотогоном?

— Да. — Её улыбка была такой заразительной, что мужчина тоже улыбнулся, даже не зная чему.

— Мне кажется, я тебя там видела.

— Вполне возможно. — Уртан протянул руку. — Пойдём?

— Куда?.. — растерялась Миена.

— Искать воду. Помнишь, что Куртен сказал о ручьях и речках, которые были в Лесу Зги?

— Он сказал, что они снова где-то есть.

— Вот именно. А вода нам понадобится к ужину. У Куртена, кажется, был котелок?

— Да, только он его забрал с собой, на случай, если увидит грибы. — Миена, наконец, взяла протянутую руку. — Только это не проблема. У меня всё ещё осталось немного сил. Я донесу и так, с помощью магии.

Они ещё немного постояли, держась за руки и глядя друг на друга.

— Тогда вперёд? — тихо спросил Уртан.

Миена кивнула, и они вместе пошли искать воду.

Больше книг на сайте - Knigoed.net